

УРАЛЬСКИЙ

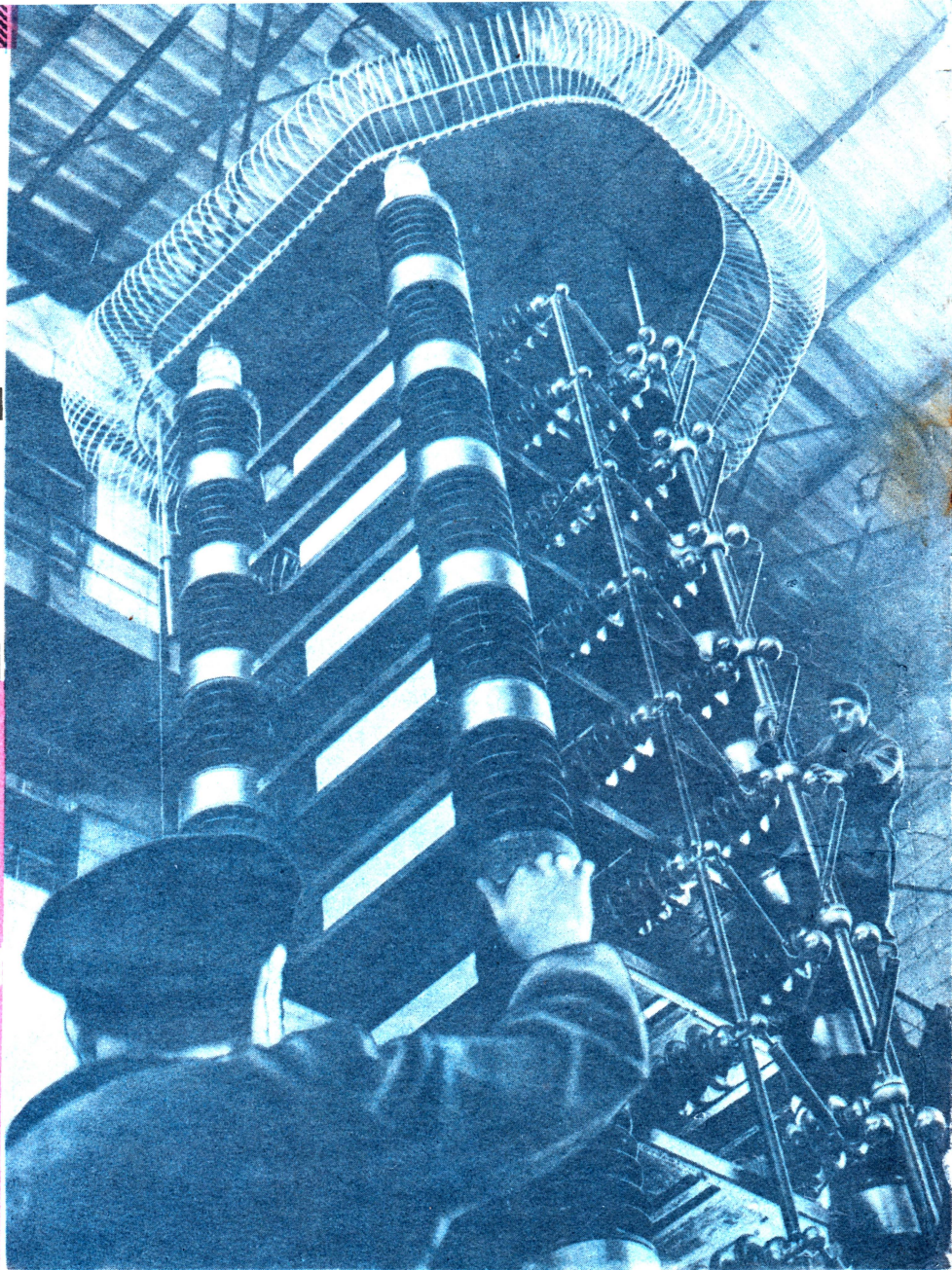
Следопыт

7
1964

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
О ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

Три десятилетия назад начал выпускать продукцию Уральский ордена Трудового Красного Знамени завод электротехнического машиностроения имени В. И. Ленина. Сегодня это одно из крупнейших электротехнических предприятий страны. В его цехах сооружаются мощные электрогенераторы, силовые трансформаторы, высоковольтные выключатели и многое другое. Марку завода можно видеть во всех концах Советского Союза, в десятках зарубежных стран.

С каждым годом уральцы делают все более сложное электрооборудование. Недавно на заводе сдан в эксплуатацию уникальный генератор импульсных напряжений на 2.600.000 вольт. Он позволяет имитировать перенапряжение, получаемое при грозовых разрядах, и предназначен для испытаний выпускаемой предприятием высоковольтной аппаратуры.

На фото — последние минуты перед испытанием уникального генератора.

А. Грахов.

ВСАДНИКИ С КРАСНЫМИ ЛЕНТАМИ

Прошел сильный дождь. Конники, утомленные длительным переходом, дремали прямо в седлах. Но вот прозвучала долгожданная команда, и они спешили в березовой роще. Многие попадали на мокрую траву и тотчас же загнули.

Внезапно появился вестовой из полка, окинул взглядом «сонное царство» и хрипло прокричал:

— Эскадронного к командиру полка! Где эскадронный?

С мокрой травы, зябко поеживаясь, вскочил Толя Александров (Анатолию, всеобщему любимцу эскадрона, было всего пятнадцать лет) и, моргая воспаленными от длительной бессонницы глазами, заговорил сбивчиво:

— Эскадронный? Сейчас, сейчас...

Он побежал между деревьями, путаясь в длинной шинели и придерживая рукой шапку.

Под раскидистой березой на серой попоне, заложив за голову руки и сдвинув на глаза фасонную фуражку, безмятежно спал командир эскадрона Алексей Лобанов.

— Товарищ командир! — Анатолий осторожно потянул комэска за рукав кожан-

ки.— Товарищ командир! Берзин вызывает. Срочно зовет!

Лобанов открыл глаза, потом молча встал и, подтянув голенища сапог, быстро зашагал по чахламу перелеску.

На поваленной осине у штабных повозок уже курили командиры эскадронов. Поодаль от них, в красных бриджах, с кривой офицерской саблей на боку и маузером, сидел на пне командир полка Берзин и пристально рассматривал потертую карту.

— Все? — спросил он, окидывая взглядом собравшихся. — Давайте поближе ко мне.

Командиры эскадронов притушили самотрутки.

— Мы вышли на рубеж... — объяснил Берзин, водя карандашом. — Белые отступают, но мы не можем допустить, чтобы они так это запросто удирали на восток. Второй эскадрон через час выступит в рейд по тылам беляков. Маршрут: Красноуфимск, Дружинино. Населенные пункты обходить. Прощупайте их... Ясно? На перегоне Дружинино — Ревда взорвите мост. Тогда им по железной дороге не отойти. Второму эскадрону придадут двух саперов. У них будет все. — Берзин посмотрел на Лобанова. — Задача ясна?

— Да, ясна! — коротко ответил Лобанов.

Начальник 28-ой стрелковой дивизии Владимир Азин.

2.

Лобанов ехал впереди эскадрона на темно-гнедом скакуне (подарок начдива Азина). Рядом с комэском — Семен Сидоров, командир взвода, с чубом, усиками и красным бантом на груди. Сзади, в первой тройке, — Толя. Натягивая поводья, он с трудом сдерживал ходкую лошадь.

Под копытами коней чавкала, разлетаясь в стороны, грязь. Солнце садилось. Плотная пелена тумана стлалась по земле.

День первый, второй... На третий, рано утром, эскадрон остановился у железнодорожной насыпи. Московский тракт оги-

бал лесистую гору и круто уходил вправо. Где-то протяжно гудел паровоз.

Эскадрон спешился. Лобанов, Сидоров, Рогожников и сапер Васильев, оставив лошадей в густом ельнике, вернулись на насыпь, осмотрелись. Совсем рядом белели фермы моста. Дальше разъезд, а где-то за ним к небу тянулась тонкая струйка паровозного дыма.

— Васильев, успеем? — спросил Лобанов.

— Успеем, товарищ командир. В момент поставлю.

Гуськом спустились под мост. Васильев сбросил с плеч тяжелый мешок, влез на береговую опору и заложил под ферму заряд.

— Полный порядок, товарищ командир эскадрона. Надо укрыться.

— Хорошо. Следи за моим сигналом. Пошли, Сидоров, вон за тот валун. А ты, Рогожников, готовь эскадрон к атаке.

Со стороны разъезда нарастал перестук колес.

Лобанов махнул рукой, и Васильев, наблюдавший за эшелонем с верхушки насыпи, юркнул под мост. Шипя, задымил бикфордов шнур.

Почти над головой загудел паровоз и загрохотал по мосту. Торопливо мелькали вагоны. Но взрыва не было. Эшелон скрылся за поворотом, и Лобанов зло посмотрел на сапера.

— Такой-то у тебя полный порядок?!

Васильев смущенно пожал плечами.

— Не пойму, в чем дело! — он побежал к мосту. Следом за ним — Лобанов и Сидоров.

Бикфордов шнур был цел. Обгорела лишь нижняя его половина. Васильев сокрушенно покачал головой:

— Не доглядел?! Излом! А?!

И тут же выдернул из капсюля испорченный шнур, а вместо него вставил новый.

Решили ждать следующего эшелона. Когда тот показался вдали, Васильев крикнул:

— Кроме теплушек, есть пассажирские вагоны!

Натужно пыхтел паровоз, выбрасывая черные клубы дыма. Вот поезд уже достиг моста. Мощный взрыв потряс воздух. Паровоз с грохотом полетел вниз, с треском вздыбились вагоны.

Лобанов вскопчил на валун и взмахнул клинком. Конники кинулись к эшелону.

Посверкивая маузером, Лобанов ворвался в классный вагон.

— Руки вверх!

Подполковник в расстегнутом английском френче поднялся с нижней полки, слюнявыми губами пролепетал:

— У, сволочи!— и выхватил револьвер. Из-за плеча Лобанова выстрелил Сидоров.

Эскадрон, захватив пленных и богатые трофеи, собирался двигаться дальше. Вдруг из-за переезда докатился паровозный гудок. Комэск взобрался на площадку уцелевшего вагона. Отсюда было видно полотно дороги. С Палкинского торфяника приближался поезд. Состав был небольшой. Проскочив разъезд, состав остановился. Из вагонов выскакивали вооруженные солдаты, строились.

Алексей занял оборону. Кавалеристы залегли справа и слева от насыпи. На холме, у самого леса, закрепились молодые пулеметчики. Сбросив фуражки, они готовились к встрече врага. Неожиданно на буланой лошади появился командир первого эскадрона Бубнов. Заметив Лобанова, он подскочил к нему.

— Алексей?

— Видишь, идут. Помогай.

Вдоль полотна железной дороги с винтовками наперевес двумя густыми цепями двигались белогвардейцы.

— Чесану их с фланга!— сказал Бубнов и, круто повернув коня, поскакал гаплом.

С каждой минутой колчаковцы приближались к залегшему эскадрону. Когда до белогвардейцев оставалось не более сотни метров, Лобанов крикнул:

— Огоны!

Прогромыхал дружный залп. Торопливо затарахтел «Максим». Белые залегли. От леса прокатилось мощное «ура». Вихрем несся эскадрон Бубнова. Строй беляков дрогнул, стал рассыпаться.

3.

У станции Дружинино Московский тракт повернул далеко в сторону. Отсюда эскадроны шли к Ревде проселочной дорогой. По пути произвели еще один взрыв. Здесь кавалеристы встретились с Азиным. Начдив подскочил с командиром Полтавского полка Головки.

— Ого, как вы работаете!— обрадованно прокричал он, оглядывая взорван-

ный мост.— Молодцы! Ну, а теперь в разведку вдоль Московского тракта до самого Екатеринбурга! Действовать инициативно! Если позволит обстановка, ворветесь в город. Первый эскадрон— с южной стороны, второй— с западной, через Верх-Исетский поселок.

На Московском тракте— экипажи, коляски, возки и телеги. Конники обогнали растянувшийся обоз. Волосатый поп в сапогах, оседлавший нагруженный воз, увидел Анатолия Александрова, стал торопливо креститься.

— Свят, свят, свят! Воистину пришел свету конец, ежели отроку дали оружие для пролития невинной крови.

— Врешь, батя!— крикнул Анатолий.— Красная Армия невинную кровь не проливает.

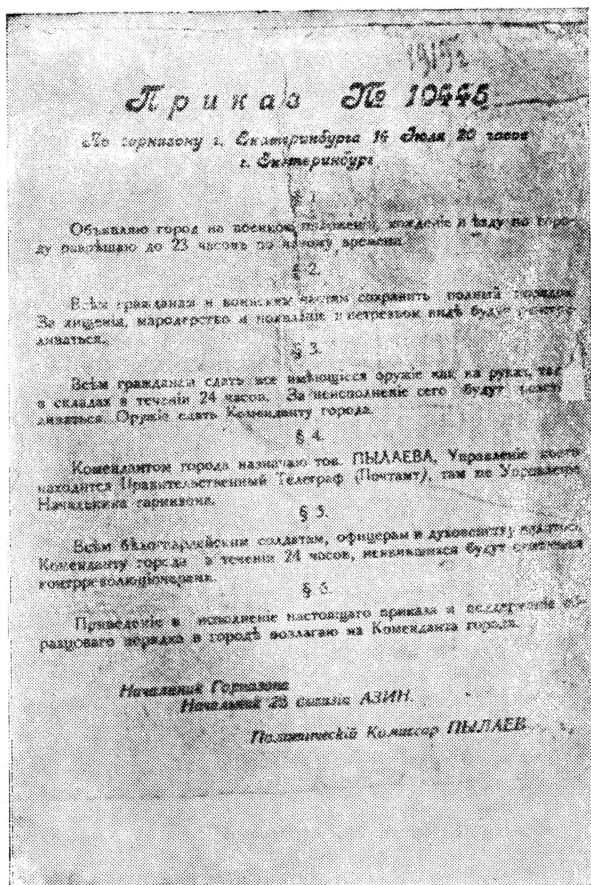
Вечером конники остановились у граненого столба.

— Граница Европы и Азии,— сказал кто-то.

— Это что же, выходит, тут Европа кончается?— недоумевал Анатолий.

Командир эскадрона 28-й стрелковой дивизии Алексей Лобанов.

Приказ, отданный Азиным после освобождения Екатеринбурга.

— А ты думал как!—весело говорил кавалерист в белой папахе.— С Европой, брат, покончено, теперь начинается Азия.

Кони пошли резвее. К вечеру вдали показались дома с железными крышами. Появился с разъездом Михаил Бубнов и радостно сообщил:

— Екатеринбург! До самой окраины противника не обнаружено. Значит, ты, Алексей, идешь прямо, а я поверну правее.

Эскадрон Лобанова подошел к городу без единого выстрела. В сизой вечерней дымке поднимались трубы Верх-Исетского завода, слева синела полоска пруда.

В дозор отправился командир второго взвода Павел Минеев с шестью всадниками.

— Действовать осмотрительно,—напутствовал Минеева Лобанов.— Через жителей узнайте расположение города.

Толя ходил за Сидоровым и упрашивал:

— Пустите в разведку, пустите...

Сидоров, не выдержав, прикрикнул: — Ты понимаешь русский язык? Нельзя!

Вскоре от Минеева прискакал связной с первыми сведениями. Лобанов тут же написал донесение:

«Начдиву 28 товарищу Азину.

2-й эскадрон достиг Верх-Исетского поселка. На станции Екатеринбург два эшелона белых.

23 ч. 10 мин. 14 июля 1919 года».

Утомленные переходом, бойцы отдыхали. Анатолий уснул, свернувшись в клубок и сжимая рукой эфес шашки.

На рассвете на Московском тракте послышались стук колес, отрывистые команды: шли Полтавский полк и артиллерия дивизии.

4.

Над Екатеринбургом поднималась синевая дымка. Эскадрон галопом мчался по улицам Верх-Исетского поселка. Жители выглядывали в окна, выбегали из калиток, приветствуя всадников, украшенных алыми лентами.

Позади ухали пушки, и снаряды с шипением пронеслись в воздухе.

На Главном проспекте конников оставили старик и подросток.

— Тут опасно! По Покровскому идите!

Проскочив через мост, эскадрон снова вырвался на Главный проспект. У кирпичного здания с вывеской «Почтамт» знаменосец Иван Флегентов соскочил с коня и стал водружать красный флаг.

С разных сторон доносились выстрелы. Две бронемашины белых вели пулеметный огонь вдоль улицы. Начальник артиллерии дивизии Гундорин приказал развернуть орудия. Уже вторым выстрелом одна бронемашина была уничтожена, вторая поспешила удрать...

Завидев впереди конников, Алексей Лобанов повернул на железнодорожную станцию. Здесь меж путей бегали колчаковцы с горящими факелами, торопясь уничтожить вагоны с военным имуществом. Ошеломленные появлением всадников, они трусливо поднимали руки.

Вскоре в город вступили Полтавский и Смоленский полки. По улицам, держа равнение, шли бойцы с красными бантами. Впереди, на серой лошади, ехал начдив двадцать восьмой Азин. Екатеринбург стал навсегда свободным.

С. СЕНОКОСОВ

В. И. ЛЕНИН О РАЗГРОМЕ КОЛЧАКА НА УРАЛЕ

Красная Армия, героически продвигаясь на Урале при помощи восстающих поголовно уральских рабочих, приближается к Сибири для освобождения ее от неслыханного ига и зверства тамошних владык, капиталистов.

Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы десятков тысяч рабочих... Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине.

На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала. Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса.

Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентки, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот.

На фронтах восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбурга.

ПАРОВОЗ ПРОТИВ БРОНЕПОЕЗДА

В июне восемнадцатого года упорные бои разыгрались у города Троицка. Белоказаки хотели овладеть этим важным железнодорожным узлом. Красноармейцы с трудом сдерживали натиск врага. Неожиданно у станции появился белогвардейский бронепоезд. Он открыл ураганный огонь. Подошли два эшелона с войсками.

По цепям наступавших била батарея Крахмалева. На руках красноармейцы начали выкапывать пушки на новую огневую позицию.

Станцию обороняли отряд Летягина и дружина кожевенного завода. Летягин увидел, что по путям идет рабочий с винтовкой и узнал в нем железнодорожника, председателя поселкового совета коммуниста Мотова.

— Тебе что, Афанасий Гаврилович, жить надоело? — крикнул Летягин. — Прыгай в окоп!

Мотов махнул рукой в сторону депо: туда, мол, тороплюсь, — и прибавил шаг.

В депо под парами стояли паровозы.

— Выводи паровоз, — приказал Мотов одному из машинистов. — Против белых.

— Как! Ведь у них бронепоезд. В два счета накроют. Кто за паровоз отвечать будет?

— Выводи поживей. Я отвечу. Во имя революции отвечу. Понимаешь?!

Мотов открыл ворота, вскочил в будку и ухватился за рычаги.

Проезжая мимо вокзала, Афанасий Гаврилович выглянул в окно. Красноармейцы смотрели на него. Летягин закричал:

— Молодец, Мотов! Смерть белым бандитам! Прыгай! Прыгай сам-то!

Мотов включил последнюю скорость и прыгнул. Товарищи подхватили смельчака на руки.

Паровоз бешено мчался навстречу бронепоезду. Через минуту раздался сильный взрыв. В воздух поднялось облако пара и пыли.

Белые запаниковали. Кавалеристы полка имени Степана Разина и пехотинцы 17-го Уральского полка пошли в контратаку. Враг был отброшен.

А. Г. Мотов

П. ПОПОВ,
участник гражданской войны на Урале.

ВИНТОВОЧКА

№ 500 000

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

Есть у меня в семье реликвия — винтовочка. Это копия трехлинейной русской винтовки образца 1891 года. Ее длина 31,7 сантиметра. На казенной части клеймо: «Ижевский оружейный завод. 1897 год. № 500 000». Винтовочка досталась мне от отца.

В 1916 году его командировали с фронта военным представителем на Ижевский завод. Отец жил тогда на квартире у одного оружейного мастера и подружился с ним. А когда возвращался на фронт, то получил от мастера в подарок миниатюрную винтовочку, точь-в-точь как настоящую: ствол с четырьмя нарезами, прицельная колодка с откидывающейся рамкой и с движущимся хомутиком. Затвор можно поставить на боевой или предохранительный взвод. Все детали, даже мельчайшие, сделаны на редкость тщательно и аккуратно. Особенно тонко, поисти-

не ювелирно изготовлена пружина магазинной коробки. Отец рассказывал, что к винтовочке имелись штык и обойма с крошечными патронами.

Вот и все, что я знал об этой семейной реликвии от отца, погибшего во время блокады Ленинграда.

Всякий раз, рассматривая этот уникальный подарок, я невольно вспоминал сказ Лескова о чудесном умельце Левше, подковавшем блоху.

Мне захотелось узнать, кто сделал винтовочку и как сложилась судьба ее создателя. В Ленинградском артиллерийском музее мне сообщили, что в фондах хранится точно такая же винтовочка с аналогичным клеймом на казенной части. Но кто мастер — музеем также неизвестно.

ПОДАРОК ВОЖДЮ

Как-то в одном из залов Центрального музея В. И. Ленина я увидел винтовочку, как две капли похожую на мою. Она лежала в раскрытом деревянном футляре на красном бархате. В специальные углубления были бережно уложены вороненый штык, обойма с пятью патрончиками и отверточка. На медной пластинке, провинченной к внутренней стороне крышки футляра, выгравировано: «Великому пролетарск. вождю тов. Ленину на память о взятии Ижевска от 2-й железн. дивизии и Революционного Гражд. Совета гор. Ижевска 7 XI 1918 г.».

Я направился в дирекцию музея.

Научный сотрудник показал мне папку с материалами, относящимися к этому экспонату. В справке говорилось: «На казенной части надпись «Ижевский оружейный завод 1897 г. № 500 000». Там же была указана и длина винтовочки — 31,7 сантиметра.

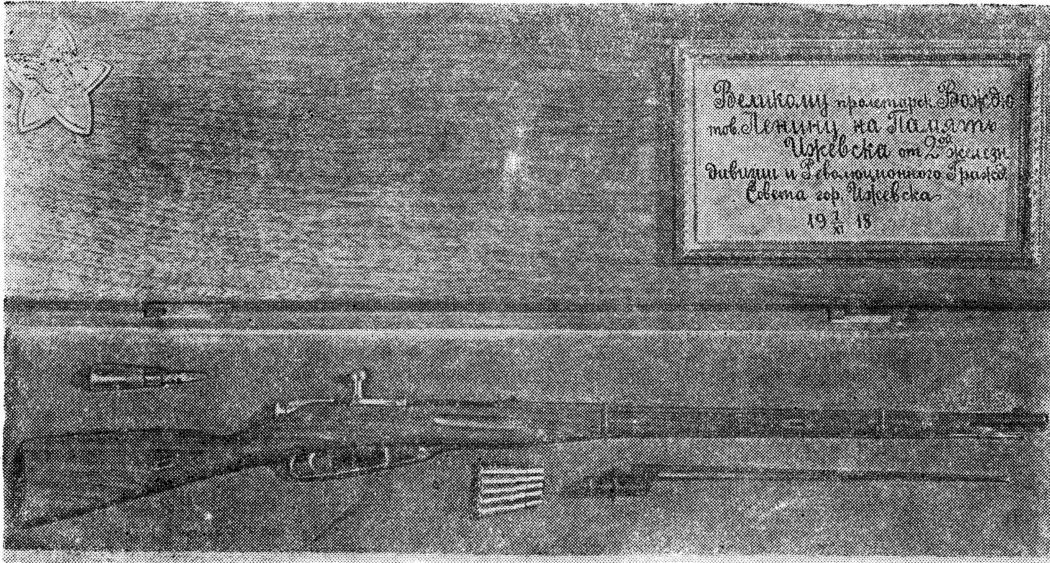
Стало быть, обе копии изготовлены в один и тот же год. И, возможно, одним мастером?

Автором модели, подаренной Ленину, оказался ижевский оружейник Прокопий Васильевич Алексеев. И оказалось, что он жив!

Сколько же лет Прокопию Васильевичу? В марте 1962 года ему исполнилось девяносто. Музей направил юбиляру поздравительное письмо: «Дорогой Прокопий Васильевич! Коллектив Центрального музея В. И. Ленина, где бережно хранится подарок В. И. Ленину — модель трехлинейной винтовки, изготовленной ижевскими рабочими под Вашим руководством и непосредственным участием, шлет Вам в день Вашего девяностолетия свой сердечный привет и сердечные пожелания долгих лет жизни, здоровья и счастья!».

Прокопий Васильевич Алексеев.

Модель винтовки, подаренной Владимиру Ильичу, хранится в Центральном музее В. И. Ленина.

В ГОСТЯХ У ОРУЖЕЙНИКОВ

И тогда я побывал в Ижевске. Без труда отыскал окруженный зеленью двухэтажный бревенчатый дом, где жил старейший оружейник. Он сам открыл калитку. Передо мной стоял невысокий, крепкий, седой старик. Узнав о цели визита, улыбнулся и провел меня в небольшую комнату.

Прокопий Васильевич стал рассказывать о себе. То и дело он всматривался из-за стола, доставал с полки пожелтевшие фотографии, документы и многочисленные грамоты, которыми был награжден, рассказывал о своей большой и трудной жизни потомственного рабочего.

На Ижевском заводе работали его дед и отец. Когда ему исполнилось девять, его отдали в двухклассное училище, где он проучился положенные пять лет. Потом стал работать столяром. Но отец, Василий Васильевич, хотел, чтобы сын унаследовал профессию оружейника. Как раз в 1887 году при заводе открылась ремесленная школа, куда и приняли пятнадцатилетнего паренька. Среди учеников Прокопий сразу же выделился трудолюбием и старанием. Отполированные им бруски, замки, метчики неизменно получали высокие оценки.

При осмотре работ выпускников школы начальник завода генерал-майор Миронов сказал русоволосому Прокопию: «Тебя в образцовую». Попасть в образцовую мастерскую завода, где работали опытные оружейники, было заветной мечтой каждого ремесленника.

Первый выпуск школы совпал с большим событием. В 1891 году завод приступил к освоению трехлинейной винтовки, изобретенной Мосиным. Рабочие образцовой мастерской делали калибры и лекала к ней.

Как-то к Прокопию подошел седобородый мастер. Молча взял из его рук только что законченное, еще теплое лекало и стал пристально осматривать. Все в цехе боялись строгого мастера, который за малейший изъян учинял разнос. С тревогой следил Прокопий за суровым лицом старика. А тот еще ближе сдвинул густые брови. «Пропал», — подумал Прокопий, сердце его учащенно забилось. Мастер вернул лекало и неторопливо зашагал к соседнему слесарю. «Пронесло», — облегченно вздохнул молодой рабочий. А потом узнал, что мастер сказал про него начальнику цеха: «У мальчика золотые руки, да как бы не возгордился и не запил».

С тех пор Прокопию стали поручать самые сложные задания.

Спустя семь лет, в ознаменование полумиллионного выпуска винтовок Мосина на Ижевском заводе, начальник завода поручил Прокопию Васильевичу изготовить уменьшенную в несколько раз действующую модель «трехлинейки». Мастерить модель помогали старшие по возрасту заводские умельцы. Петр Кожевин вытачивал детали на токарном станке. Иван Лысков делал штык, а Максим Хорьков трудился над ствольной коробкой. Самую тонкую работу выполнял Прокопий Васильевич. Прежде всего, всоружившись лупой, как часовщик, он изготовил специальный слесарный инструмент и приспособления — миниатюрные копировочки и лекальца, клуппик для нарезки винтиков, сверло толщиной с иголку, микрометр, измеряющий размеры деталей с высокой точностью. Затем принялся делать детальки будущей винтовочки.

Не все шло гладко. Много огорчений доставила мастеру закалка. После упорных поисков, наконец, был найден надежный способ. Зажатую пинцетом детальку он подносил к пламени свечи и одновременно дул в февку — изогнутую медную трубку с отверстием менее миллиметра, чтобы направлять язычок пламени в нужное место.

Вместо одной модели оружейники сделали несколько, и на всех было выбито: «№ 500 000».

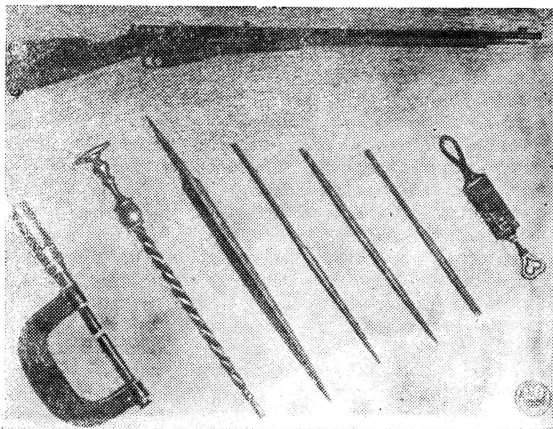
Однако Прокопий Васильевич не успокоился на этом. Как-то он показал Кожевину и Лыскову сделанную им тайне от друзей магазинную коробку на одну треть меньше той, что была вмонтирована в винтовочку, и сказал: «Давайте сделаем модель размером в двадцать сантиметров». Лысков повертел магазинную коробку, передал Кожевину и сказал: «Нет, Прокопий, я не смогу помочь тебе сделать модель еще мельче». Отказался и Кожевин, промолвив: «Это, друг, только тебе сподручна такая тонкая работа».

В ОТВЕТ НА ТЕЛЕГРАММУ ЛЕНИНА

С радостью встретили трудящиеся Ижевска Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Теперь они своим трудом помогали защищать первое в мире государство рабочих и крестьян. Многие из них, вооруженные своими, ижевскими винтовками, отправлялись на Восточный фронт, где в начале августа 1918 года сложилась тяжелая обстановка для наших войск. Пали Ижевск и Воткинск — это был чувствительный удар для молодой республики. В Москву для доклада о положении на фронте вызвали члена Реввоенсовета Второй армии С. И. Гусева. Его принял Владимир Ильич. Узнав о положении на фронте, Ленин сказал, что надо сделать все возможное, чтобы в ближайшее время освободить Ижевск.

5 ноября 1918 года развернулось успешное наступление наших частей, а 7 ноября Ижевск был освобожден. В этот же день в президиум шестого Всероссийского съезда Советов поступила экстренная телеграмма:

„В день годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1918 года, в 17 часов штурмом был взят Ижевский завод.“

Модель винтовки и инструменты, которыми она была сделана.

В Ижевск, на имя командарма-два Шорина провада принесли ответ:

„Приветствую доблестные красноармейские войска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует социалистическая Красная Армия!

7 ноября 1918 года Ленин“.

В память освобождения Ижевска рабочие задумали сделать Владимиру Ильичу подарок.

Прокопий Васильевич предложил изготовить любимому вождю миниатюрную винтовку: «Ствол и ложе у меня есть, а остальное сделаю». «Верно говорит Прокопий, — поддержали рабочие. — Пусть узнает наш дорогой товарищ Ленин, какие в Ижевске есть мастера».

И искусный оружейник принялся мастерить винтовочку.

*По металлу нежно и устало
Пел резец, казалось, как живой,
Так, что лишней стружки не слетало
При нарезке стали огневой.
Каждый винтик крохотный обточен
И протерт, наверно, в пятый раз,
Но считал рабочий: не закончен
Этот трудный, радостный заказ.
Без конца сверял ее размеры,
Собирал и разбирал затвор.
«Пусть посмотрят завтра инженеры
И найдут хоть маленький зазор.
Все учел до миллионных долей
И умом, и сердцем, и резцом,
И лежит подарок на мозолях,
Как на пьедестале дорогом...!»*

ВETERАН ЗАВОДА

Шестьдесят три года проработал на Ижевских заводах Прокопий Васильевич, вкладывая свой труд в усовершенствование знаменитой «трехлинейки». В 1920 году он предложил простой и более дешевый способ изготовления одной детали. Главный инженер завода, известный изобретатель Ф. В. Токарев, одобрил ценное предложение и немедленно внедрил его в производство.

Прокопию Васильевичу принадлежит большая заслуга и в освоении выпуска знаменитых охотничьих ружей.

В возрасте 84 лет он ушел на пенсию. А в Ижевске трудятся его дети: сын Михаил — в ОТК, дочь Мария — конструктором, другая дочь, Раиса, — бухгалтером.

Советское правительство высоко оценило труд замечательного умельца, наградив его орденом Трудового Красного Знамени.

Прокопий Васильевич — частый гость у пионеров. В день семидесятилетия юные ленинцы избрали его почетным пионером, повязав на шею заслуженному оружейнику алый галстук.

О. ЧИСТОВСКИЙ

¹ Отрывок из стихотворения Виктора Пудкова, посвященного В. П. Алексею и опубликованного в республиканской газете «Советская Удмуртия», 22/IV 1960 г.

РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ

Среди героев Октябрьской революции и гражданской войны на Урале видное место принадлежит начдиву 29-й и командиру Особой бригады Васильеву Макару Васильевичу.

Васильева знает не только Урал. Он известен в Сибири и в Средней Азии. В 1924—1925 годах Макар Васильевич командовал особым соединением по борьбе с басмачами в Туркестане.

В 1924 году трудящиеся города Полторацка (так назывался тогда Ашхабад) избрали его своим депутатом в Окружной Совет.

На фотографии того времени (публикуется впервые) запечатлены участники первого заседания исполкома Полторацкого окружного Совета. В шинели и шлеме — М. В. Васильев.

С. НЕУСТРОЕВ

В двадцатые годы

15 июля — день освобождения Урала от белогвардейцев и интервентов — в двадцатые годы отмечался в Свердловске не только торжественными собраниями, но и грандиозной инсценировкой на городском пруду. Называлась она «Взятие Екатеринбурга Красной Армией».

Газета «Уральский рабочий» заранее сообщала читателям о начале празднования и приглашала желающих «расположиться на обоих берегах пруда». В назначенное время красноармейцы в полной боевой выкладке под гром холостых пушечных залпов форсировали пруд и устремились в атаку на «белогвардейцев».

Кроме того, праздник ознаменовывался и другими событиями. Так, в 1927 году в этот день в городе был торжественно открыт памятник Я. М. Свердлову, а в 1928 го-

ду заложен один из первенцев социалистической индустриализации — Уралмаш.

Бой на станции Екатеринбург I
15 июня 1919 г., картина
художника Апостоли.

ПОДВОДНЫЕ СТРОИТЕЛИ

*Люди гордой, рискованной, романтической профессии.
Их работа совмещает в себе мастерство сварщиков и бетонщиков, слесарей и монтажников. Спокойная отвага напоминает отвагу разведчиков,
много раз бывавших в тылу врага.
Я встретился с ними в конце прошлого года на Воткинской ГЭС, в Чайковском — городе юности, выросшем на берегах Камского моря.*

Профессор верхнего бьефа

Среди водолазов, с которыми мне довелось познакомиться, он самый юный лицом и годами, самый стеснительный и молчаливый. Никому ни с каких трибун лекций никогда не читал. Между тем его всерьез называют профессором, да еще с внушительным добавлением: профессор верхнего бьефа.

Верхний бьеф — это верхний участок Камы перед плотиной, глубиной более тридцати метров. На такой глубине работать нелегко, и тут по ловкости и быстроте (особенно при электрорезке) первым неизменно выходит водолаз первого класса Михаил Сачков — «профессор верхнего бьефа».

Порывистый осенний ветер, дождь. Камское море волнуется, напоминая Балтику. Красавец катер под номером 280, ведомый опытным капитаном Анатолием Тимофеевичем Бяновым, режет пенные волны, мчит к плотине. Разворот — и судно точно встает на место работы, между бычками пятого пролета.

Под воду готовится идти Михаил Сачков. Его товарищи раскладывают на палубе оборудование для электрокислородной резки, еще раз проверяют шланг, резак, электроды. Осматривая рубашку скафандра и шлем, прораб водолазов Герман Николаевич Резцов дает Михаилу последние указания и, улыбаясь сквозь очки, дружески шуточно напутствует:

— Не всплывай кверху калошами.

Сачков отвечает улыбкой — мягкой, подкупающе-добродушной и натягивает на себя рейтузы и свитер из толстой верблюжьей шерсти.

Снаряжаться ему помогает дружок и сверстник, водолаз второго класса Николай Иваненко. Он надевает на Сачкова прорезиненную рубашку скафандра, затягивает болты на манжете, закрепляет свинцовые калоши, а на спину и грудь кладет шестнадцатикилограммовые грузы. Неискушенному человеку даже жалко становится водо-

лаза — и так скафандр весит десятки килограммов. Но, оказывается, без этого груза не преодолеть подводному строителю архимедову выталкивающую силу.

Высокий и жилистый старшина станции, водолаз первого класса Петр Гаврилович Подопрелов командует:

— На трап!

Переступая и покачиваясь по-утиному (вес снаряжения на воздухе сто килограммов), Сачков подходит к трапу, не спеша спускается на скрытую под водой ступеньку:

— Воздух!

Проверен клапан, завернут шлем. Легким традиционным шлепком по сверкающей меди шлема Подопрелов желает Сачкову удачи и одновременно разрешает погружение.

Михаил достиг дна. Оно здесь не на такой глубине, как в Балаклавской бухте, где Сачков учился водолазному делу, или в Таллине, где он служил водолазом на военном корабле. На Балтике он спускался и до 78 метров, — один подъем с такой глубины продолжался пять часов. Зато в Черном и Балтийском морях вода прозрачная, а здесь, на Каме, неподалеку от турбин, она мутная и беспокойная, ничего не видать. Попробуй на ощупь обследуй бетон, пороги, затворы, умудрись поработать, да не один час, почти вслепую!

Подобрав шланг-кабель, Михаил ошупью находит металлический выступ, который надо срезать. По телефону слышит голос Подопрелова:

— Как самочувствие?

— Хорошее.

— Опускаем свет и резак.

— Давайте ток! — просит Михаил.

На бычке водослива включается рубильник. Работа началась.

Длина выступа четыре метра. Чтобы за день его срезать, прораб рассчитывал погрузить после

подъема Сачкова второго водолаза. Михаил про себя решил иначе: справиться за одно погружение.

Он приблизил лампу к металлу, прикоснулся к нему трубчатым электродом. В возникшем кислородном пузыре мгновенно вспыхнула дуга. Она была такая яркая, что люди на поверхности увидели ее отблеск через всю толщу воды.

Михаил Сачков давно славится в водолазном отряде как лучший резчик, но в этот осенний день он превзошел самого себя.

По шланг-сигналу, уходящему постепенно в воду, друзья судили о темпе резки. Неотрывно следили они за состоянием Михаила, спрашивали, как он себя чувствует, хотели услышать подробности и, как обычно, вынуждены были довольствоваться сухим. «В порядке».

Когда спускаются другие водолазы, за ними легче уследить: Михаил Золин и Николай Иваненко — те напевают свои любимые и всем давно знакомые мотивы, Петр Подопрелов любит насистывать, а Сачков знай себе помалкивает.

Проходит третий, четвертый час. Давно время выйти, но водолаз все чаще направляет вверх резак, чтобы ему заменили электрод.

— Сто первый электрод! — даже Подопрелов ахнул. — Ночевать собираешься, что ли?

Ночевать под водой Сачков не собирался. После пяти часов работы последний кусок железа отвалился от бетона. Подводный строитель сработал за двоих.

— Подбери шланг-сигнал! Воздух. Всплываю...

290 суток под водой

На Каме лед. Морозит. Молодежь бегает на коньках и на лыжах, а у старшины группы водолаза первого класса Михаила Павловича Золина купальный сезон. Плотно сбитый, широченный в плечах, круглоголовый атлет с малиновыми щеками, он барахтается в воде, как морж, выходит на лед, стоит в одних трусах, хочет так, что слышно и на катере и на плотине.

— Э-эй! Кто хочет век прожить — ко мне!

О веке Михаил Павлович сказал неспроста. Дед его в этом году отмечает свой сто шестой день рождения, и ничего, крепок волжанин. Суда строить, конечно, уже не может, но сено косит: молодые завидуют его сноровке и силе. И Михаил Павлович на меньше, чем прожил дед, не согласен. Да на такого надеяться можно, проживет!

Семь тысяч часов, или двести девяносто суток, провел Михаил Золин под водой за четырнадцать лет непрерывного труда водолаза. Двадцать ему было, когда на него впервые надели скафандр. Опасная профессия, как и вся армейская служба, пришлась по душе, и он не растался с ней и после увольнения в запас. Поступил на Горьковской ГЭС в отряд подводных строителей и стал одним из лучших водолазов Советского Союза.

Подумать только, семь тысяч часов! Каждый час, каждая минута под водой таят в себе неожиданное. Как у сапера при разминировании: просчет, невнимательность — и на грани твоя жизнь и жизнь товарищей, если они рядом.

Никогда не забудет Михаил Золин гибель своего учителя Федора Ивановича Орехова. Единственный раз допустил тот ошибку: без тщательной проверки обстановки отдал приказ водолазу Брюхачеву, послал на пороги фильтрующего затвора. Ушедший под воду произнес одно лишь слово: «Ногу...» и будто задохнулся.

На выручку поспешил Федор Иванович. Не успел опуститься в воду, как его в тиски зажала струя, впрессовала в стенку.

План спасения товарищей возник у Золина мгновенно. Он настоял, чтобы его спустили под воду в люльке; но едва коснулась она потока, как ее сбросило в нижний бьеф.

— Брюхачева спасти все же удалось, — рассказывает мне Золин вечером на своей кварти-

ре. — Орехов погиб. Один раз отступил от железных правил подводных строителей, и видите...

За окнами все темнее. Давно уложили в постель Золина-младшего — девятилетнего Валю. Плутиска притворяется спящим, а сам ушки наострил, слушает отца. Да как не послушать, если Валя окончательно надумал: он тоже будет водолазом! Таким же бесстрашным, сильным и всегда спокойным, как отец, которого даже смерть старшего друга и учителя не испугала, а лишь научила работать безошибочно.

Много лет прошло после того драматического случая. Немало задач, неожиданных и сложнейших, задавал подводный мир Михаилу Павловичу Золину. И повсюду — на Волге и Оби, на Ангаре и Каме — он решал эти задачи с максимальной выдержкой и смелостью.

Все эти годы Михаил Золин неразлучен со своим подводным братом Петром Подопреловым. Оба они прошли школу мужества в Советской Армии. Вместе работали на самых крупных гидросооружениях страны, везде и при любом задании подтверждая, что они по праву именовались водолазами первого класса.

...Первыми для подъема упавшей в Обь эстакады Новосибирской ГЭС ушли под воду Золин и Подопрелов. Стремительное течение, холод, от которого не спасали даже свитера, не остановили водолазов. Они резали даже эстакаду, поднимали ее по частям, работали много дней, десятки часов пробыли под водой.

— Кто поднимал эстакаду на Оби, — говорил потом начальник водолазного отряда Петр Георгиевич Каела, — тот с любым заданием справится.

Еще один экзамен на зрелость Подопрелов и Золин сдавали на Братской ГЭС. При морозе в пятьдесят шесть градусов они помогали бурильщикам, ставили обсадные трубы, бетонировали и наращивали под водой колонны. Казалось, удивить покорителей Ангары ничем невозможно, но и те признали:

— Эти парни под водой дворец воздвигнут, не то что колонны...

Два с лишним года назад, горячей пусковой порой, неразлучные друзья прибыли на Воткинскую ГЭС. Золин стал старшиной группы, Подопрелов — старшиной станции. На них возложили

ответственность за коллектив, за жизнь товарищей, за успешную работу всех. Правда, коллектив небольшой, но у каждого водолаза и матроса свой характер, привычки, склонности. Люди молодые, иной раз строптивые, прибыли с разных мест. Чем их сплотить, как воспитать если не личным примером...

Однажды получили задание — осадить затворы на верхнем бьефе, очистив предварительно пороги. Надо было выяснить, можно ли там работать. В разведку пошел командир — Михаил Павлович Золин.

Только спустился, как на входном манометре резко подпрыгнуло давление. По телефону услышали спокойный голос Золина:

— Наверно, прижало меня, ребята. Выбирайте шланг-сигнал.

Сигнал выбрали, а шланг не идет — заело.

Тревога охватила товарищей. Быстро стали готовить к спуску водолаза Солодовникова. Вызвали машину скорой помощи. К счастью, она не понадобилась. В темноте Золин сумел сам освободить шланг из щели опалубочного щита и всплыть.

Не раз Золин и Подопрелов показывали молодым водолазам примеры самообладания и высокого мастерства в сложнейших условиях.

Во время пуска первого агрегата Воткинской ГЭС люк одной из камер оказался открытым. Вода прорвалась на станцию. Закрывать люк взялся Михаил Золин. Три часа он воевал с разбушевавшейся водой и поставил крышку весом в двести килограммов на место.

В канун Нового года Михаил Золин и его друг Петр Подопрелов переступили рубеж семитысячного часа, проведенного в работах под водой.

Романтика и традиции

Обычно мы представляем прораба пожилым человеком с ворчливым голосом и строгим взглядом, таким напрекаемым авторитетом. Тем более я ожидал встречи на ГЭС с прорабом водолазов, само положение которого, как мне казалось, обязывает к солидной строгости. И вдруг:

— Здравствуйте. Я — Резцов. Вы хотели меня видеть?

Не назови он себя, ни за что бы не поверил,

что это и есть тот самый прораб знаменитых подводных строителей, о которых мне успели рассказать столько любопытных историй.

Худой, длиннолицый, нескладный рядом с атлетом Золиным, да еще ко всему этому в очках, Резцов был похож на юношу-студента, прибывшего впервые на практику. Действительно, по возрасту Герман Резцов оказался на год моложе Сачкова — где уж тут говорить о солидности!

В тот же день мне самому представилась возможность несколько часов побыть с водолазами и экипажем катера 280, и я забыл о возрасте и неказистом виде прораба, увидел его заразительную для коллектива веселую энергию, узнал некоторые подробности его жизни.

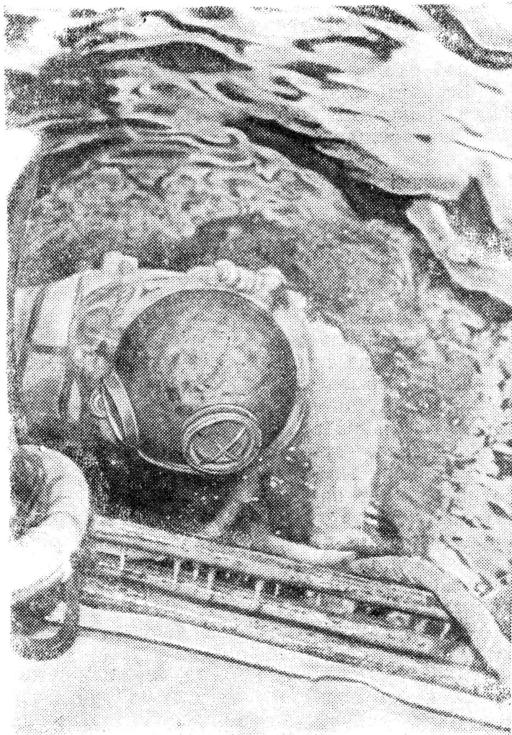
Он учился в институте, увлекался фотографированием и охотой, журналистикой и подводным спортом. Последнее увлечение оказалось настолько сильным, что Резцов поступил в Волгоградскую водолазную школу, окончил ее и стал подводным строителем, водолазом первого класса.

— Романтика? — переспросил меня Резцов, и глаза его разгорелись. — Конечно, и романтика. Разве есть такой молодой человек, которого не захватили бы поиски затонувших кораблей или боевой техники? Мне с товарищами приходилось расчищать фарватер Волги возле Волгограда. Чего только мы не поднимали со дна! Танки, пушки, боеприпасы. Работаете и представляете себе те страшные бои, которые кипели там, когда нам было по пять-шесть лет.

Он замолчал. Долго смотрел в даль Камского моря. К вечеру оно затянулось сизой дымкой. Возможно, она и настроила на разговор о прошлом, затянутом дымкой времени.

— Вы слышали о подвиге балтийских моряков на Каме? Это было сорок пять лет назад в этом самом районе, где мы работаем...

Я читал в областной газете «Звезда», что Владимир Ильич в восемнадцатом году послал на Каму балтийцев и какой случай произошел с ними севернее Сарапула. Но мне интересно было услышать эту историю из уст прораба водолазов — ведь большинство из них недавно служило в Балтийском военном флоте, и, наверное, боевые традиции старшего поколения моряков для них особенно дороги.

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

— Совсем близко отсюда,— продолжал Резцов,— в волостях Осинского уезда белогвардейцы расстреляли десятки коммунистов, сотни активистов и сочувствующих Советской власти. На пристани Гольяны около пятисот человек, брошенные в трюмы баржи, были обречены на верную гибель. Каждую ночь узников группами выводили на расстрел. Об этом узнало командование флотилии балтийских моряков, прибывших по указанию Ленина в Сарапул. Оттуда вышли три миноносца, близко подошли к Гольянам...

Вокруг Резцова собирались матросы катера. Подходили тихо, чтобы не оборвать нить рассказа.

— У пристани дымил буксирный пароход «Рассвет» с «баржей смерти». Командир красного миноносца «Прыткий» Толокнов пошел на хитрость, передал через рупор капитану «Рассвета», что адмирал Старк будто бы через него, Толокнова, передал приказ немедленно буксировать баржу с арестованными в устье Белой.

Хитрость удалась. Когда баржа и ее необычный эскорт из трех миноносцев поравнялись с деревней Дулесово, на палубу баржи внезапно высадился десант матросов, обезоружил стражу и освободил узников.

— Молодцы! — слышались голоса.

— Так это же там, где Золин и Подопрелов спасли катер!

Оказалось, что даже место подвигов героев гражданской войны и отважных старшин-водолазов совпало. Бывает же такое в жизни!

Совсем недавно на Камском море потерпел серьезную аварию катер. Затопило носовой кубрик. До берега далеко, и пристать к нему невозможно. На помощь послали Золина и Подопрелова. Не дать судну утонуть, возвратить ему плаучесть, жизнь — задача нелегкая. Часами находясь под водой, друзья-водолазы заделали пробину бетоном, надежно закрепили сваркой. Корабль был спасен.

Как-то сам по себе разговор перешел на Михаила Сачкова. Может быть, из-за того, что он хотя и молодой, но тоже балтийский моряк, или же потому, что свежо в памяти еще одно недавнее событие — его небывалый рекорд скорости работы под водой.

На ГЭС затопляли спиральную камеру гидроагрегата. Надо было застропить затворы верхнего бьефа и поднять их краном вверх. Кто поможет, как не «профессор верхнего бьефа» Сачков!

Спустился. В полной темноте нащупывал места стропки, расчищал сцепки. Когда водолаза через пятнадцать минут спросили, как он себя чувствует, то неожиданно услышали:

— Одну серьгу застропил. Приступаю к другой.

Золин и Резцов переглянулись: чудеса и только. Дали парню задание на четыре часа, а он за тридцать минут все сделал. Вот это работа!

* * *

Я видел водолазов в часы работы на ГЭС и в кругу семьи, ездил с ними на охоту и прогуливался по городу и с каждым часом все больше восхищался их отношением друг к другу, святым чувством боевого братства, которое царит в этом небольшом, славном коллективе.

Недаром группа водолазов Воткинской ГЭС и экипаж их катера борются за звание коллектива коммунистического труда.

Яков РЕЗНИК

В 1924 году я учился в Вятском педагогическом институте имени В. И. Ленина. Вечером 3 мая по общежитию пронеслась весть: в Вятку, по пути в Сибирь, приезжает М. И. Калинин. На перроне будет митинг.

Я решил обязательно побывать на митинге. На вокзал попал уже после прихода поезда. Толпа стояла плотной стеной. Я стал энергично прокладывать себе дорогу локтями, добрался до импровизированной трибуны, пристроился на ней. Надеялся лучше рассмотреть «всероссийского старосту», который, как мне думалось, выйдет в тамбур вагона или сойдет на перрон.

Слева, у самого края трибуны, делал доклад о международном положении Степан Акимович Альпов. Я хорошо знал его по педагогическому институту, где он до 1923 года был официально членом правления института по политчасти. Теперь он уже второй год жил и работал в Москве, в Управлении делами ЦИК СССР, и сопровождал М. И. Калинина в его поездке в Сибирь. Слева стоял рабфаковец со знаменем в руках.

В это время я заметил, что несколько фотографов направили на меня объективы и защелкали спусками. Я удивился и заглянул в лицо сидящему впереди на стуле человеку в кожанке. Заглянул и обомлел: это был Михаил Иванович Калинин.

Митинг заканчивался. Снизу на трибуну к Михаилу Ивановичу протягивались то и дело руки с заявлениями от трудящихся. «Всероссийский староста» принимал их, иные складывал себе в портфель, а другие прочитывал и тут же писал на них резолюции.

На следующий день на Театральной площади со мной повстречался фотограф Б. Р. Сморгонский и поспешно спросил:

— Это вы снимались вчера на вокзале с товарищем Калининым? Скажите мне ваш адрес, и я завтра же принесу вам снимок.

Так в моих руках оказалась эта фотография.

М. РЕШЕТНИКОВ

Удивительные МИКРОЭЛЕМЕНТЫ

Д оказано, что в растениях содержатся почти все химические элементы периодической системы Менделеева. Но одни, например, азот, фосфор и калий, нужны для нормального развития растений в больших количествах, другие — медь, молибден, цинк, бор — в ничтожно малых. Первые условно называют «макроэлементами» и удобрения, содержащие их, — «макроудобрениями». Вторые — «микроэлементами».

Микроэлементы имеют чудодейственные свойства. Усиливают образование хлорофилла, улучшают дыхание растений, делают их устойчивыми к разным болезням, не боящимися засухи, ускоряют созревание.

Я хочу рассказать о двух удивительных микроэлементах — молибдене и меди. Молибден широко распространен в природе, но в очень малых количествах, примерно 0,3—3,0 миллиграмма на килограмм почвы. Растения нередко испытывают недостаток в нем. Наиболее чувствительны к нехватке молибдена горох, вика, клевер, люцерна, чечевица, люпин, кормовые бобы, помидоры, салат, цветная капуста, сахарная свекла.

Мне вспоминаются первые опыты с молибденом, которые я проводил со студентами агрономического факультета в учебном хозяйстве Свердловского сельскохозяйственного института несколько лет тому назад. Во-первых, никто не верил в действие добавки: уж слишком мало брали микроудобрения — всего лишь 1,5—2,5 грамма на 100 квадратных метров земли. Потом, мы не знали, когда и какие растения лучше подкармливать. Но попытка не пытка. Выбрали люцерну, разбили делянки вдоль поля. Между двумя контрольными разместили три опытных участка, которые обработали растворами молибдена. Через 10 дней были поражены: подкормленная люцерна выделялась темно-зеленой, удивительно красивой окраской листьев. А посреди, там, где были контрольные делянки, как будто прошел гигантский трактор, который подмял бледно-зеленые и тшедушные контрольные растения.

Пришла осень. Убрали люцерну и поразилась. На контрольных растениях было на 25 процентов меньше бобиков, а вес семян с одного стебля, удобренного молибденом, увеличился в 1,5—2 раза. Урожай сена повысился на 19 центнеров с гектара, а урожай семян удвоился.

Да, молибден оказался быстродействующим и эффективным лекарством для бобовых культур на среднекислых и кислых почвах.

Особенность молибдена заключается в том, что он действует только на кислых и среднекислых почвах. А такие обычно нуждаются в известковании. Известь устраняет вредную кислотность, повышает плодородие.

СЛЕДОПЫТСКИЙ ГЕКТАР

И тут оказалось, что если внести в почву и молибден, то он не действует. Как быть? И тогда решили: одни почвы, с повышенной кислотностью, известковать, а в другие внести молибден. Но для этого нужны картограммы: где в земле особенно недостает извести, а где — молибдена.

В этой-то работе и могут принять участие следопыты. Под руководством агронома совхоза или колхоза они должны взять смешанные образцы почв и определить их кислотность с помощью прибора Алямовского, потом по инструкции рассчитать дозу извести. Что касается молибдена, то эта работа сложнее и требует хорошо оснащенной агрохимической лаборатории. Ну и здесь делу можно помочь, если провести полевые опыты с микроэлементом на разных почвах, под разные культуры и в разных дозах.

В отличие от молибдена, другой микроэлемент — медь — действует только на осушенных торфяно-болотных землях. Оказывается, в них так мало меди, что злаки заболевают, дают мизерный урожай и нередко гибнут.

Если в нашем колхозе или совхозе есть торфянистые почвы, то поинтересуйтесь у агронома, где они расположены и что там посеяно. А на следующее утро постарайтесь встать пораньше и поспешить часам к 7—8 на осушенный торфяник. Внимательно осмотрите молодые растения, и вы увидите, как они «жалуются» на свою судьбу. Молодая пшеница или ячмень «плачут» горькими слезами, выделяя драгоценные капельки влаги на кончиках листа.

Нелегко беднякам приходится в первые дни жизни. Да и позже несладко живется. Они медленно растут и ненормально «толстеют» — кустятся, образуя много листьев, которые внезапно желтеют, потом белеют, теряют упругость, обвисают и покрываются красноватым цветом. Это изнурительная болезнь — ржавчина.

При медном голодании злаки с большим опозданием выбрасывают пустозернистый колос или метелку со щуплыми и невзрачными семенами.

Несколько позднее, когда колосья подрастут, то там, то здесь проглядывают в них черные «зернышки» — головня. Это беспощадная болезнь, резко снижающая урожай. Злаки так ослабевают, что теряют устойчивость к малейшим невзгодам. На них нападает огромная армия болезнетворных микробов и слетаются тысячи вредителей полей.

Очень дорого обходится государству «болезнь обработки»! И лекарство здесь одно и очень простое: удобрения, содержащие медь. Это медный купорос или пиритный огарок. Однажды внесенная доза действует 5—6 лет.

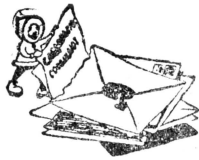
Вот результаты одного опыта. Мы разбросали удобрения, заделали в почву и посеяли пшеницу. Через неделю на всех делянках появились нежно-зеленые всходы. Контрольные растения сразу же «заплакали», а вскоре стали желтеть и гибнуть. По-другому чувствовала себя пшеница, подкормленная медью. Растения весело зеленели.

К уборке ряды контрольной пшеницы так сильно поредели, что мы едва набрали 1,8 центнера с гектара. Зато рядом урожай составил 11,7 центнера зерна с гектара.

Вот вам и микроэлементы!

В. РОЧЕВ,
кандидат сельскохозяйственных наук

СИБИРСКИЕ ЮБИЛЯРЫ

Сибирские юбиляры — водопровод и пароход. Первому в 1964 году исполняется 100, второму — 120 лет.

История сохранила краткие «биографии» юбиляров.

ИЗ БРЕВЕН ЛИСТВЕННИЦЫ

Первый сибирский водопровод построили в Тюмени сто лет назад. Прадед современного состоял из «паровой машины высокого давления в 8 рабочих сил, помещенной в особом каменном корпусе, выстроенном у берега реки Туры. Машина посредством нагнетательных насосов, могущих давать в день до 20 тысяч ведер, нагнетала воду из колодца глубиной в 14 аршин, имевшего сообщение с рекой, в резервуар, устроенный в особом каменном здании, на горе, в расстоянии 50 сажен от первого корпуса. Резервуар чугунный, длиной 4, шириной 2 и глубиной 1 сажень, то есть 8 кубических сажен, или 6400 ведер вместимостью. Из резервуара вода подземными трубами проводилась в чугунный бассейн диаметром в 6 аршин с вазою посреди бассейна. Бассейн был сооружен почти в центре нагорной части Тюмени, в расстоянии от резервуара до 700 сажен. Из бассейна, равно как из крапов, имеющихся при здании резервуара, город пользовался водой...»

Автор этого описания, опубликованного в «Тобольских губернских ведомостях» в 1864 году, с сожалением отмечал, что у бассейна, к которому непрерывно подъезжают подводки с кадками и бочками и где люди ведрами черпают воду, все время стоит непролазная грязь. Кроме того, он сообщал: водопроводные трубы сделаны из бревен лиственницы.

ПОЖИРАТЕЛИ ЛЕСОВ

«Начавшейся навигацией, — писали «Тобольские ведомости» семьдесят лет назад, — исполняется пятидесятилетие сибирского пароходства. Первый пароход, построенный в 1844 году в Швеции и носивший название «Основы»,

оставался на реках Западной Сибири единственным до 1854 года.

К первому двадцатилетию число пароходов на этих реках увеличилось до 20, а ко второму — уже до 120».

Газета приводит любопытный пример. В 1880 году несколько пароходов, вышедших из Томска 27 сентября, «замерзли на Оби в безлюдной местности, так что часть пассажиров ждала помощи месяц, а другая пешком шла около 300 верст до ближайшего населенного пункта — Сургута. Потери от недоставки товаров к месту назначения оказались так велики, что были причиной разорения некоторых судовладельцев».

Здесь же отмечалась прогрессивная роль развивающегося в Сибири пароходства. «Оно положило конец тяжелому времени, когда прибрежный житель, связанный режущей «ляжкой», заменял у нас при перевозке грузов вычное животное, когда так называемые «коноводки» могли делать в лето лишь по одному рейсу».

Однако подсчитав расход дров на все 120 пароходов — 367 тысяч сажен, газета пришла к такому выводу: «пароходы — пожиратели лесов. Они наносят ущерб казне, способствуют обмелению рек и служат почвой для других бедствий, например, засухи, неурожая».

Ю. РЯБОВ

ГОРНАЯ ПАЛИТРА

Многокрасочна гамма зеленых лесов, синих озер, закатных облаков. Но еще богаче по оттенкам палитра минералов. Многие из них, растертые в порошок и смешанные с маслом, используются художниками.

Самое обыкновенное железо дает красную охру. Возле рудников, где добывают особый вид руды, — гематит — даже дороги, по которым ходят самосвалы, имеют яркий красный цвет, словно их специально выкрасили этой краской.

В самом названии «гематит» скрыт общий корень с гемоглобином — по одинаково алому цвету крови и окисла железа.

Еще более яркая красная краска получается из минерала киноварь. Это редкое сернистое соединение ртути, залежи которой, помимо Урала, известны всего лишь в нескольких местах.

Желтую краску можно сделать из рудного уральского минерала гринокита — сульфида кадмия. Кроме того, ее дают некоторые окислы железа — «желтые охры». Из соединений свинца получается желтая краска, которую называют свинцовой охрой, или глетом.

Между прочим, не из каждого окрашенного минерала можно изготовить краску, а лишь из того, который сохраняет свой естественный цвет в растертом виде. Минералогии называют это свойство «цветом черты», проведенной минералом на фарфоре.

Яркую и разнообразную окраску имеют редкие минералы группы урановых слюдок. В среднеазиатских долинах в доломитовых пещерах каменные стены имеют неповторимые канареечно-желтый и попугайно-зеленый цвета, напоминающие перья экзотических птиц. Здесь минералы осаждались из глубинных растворов. А в тундрах Приполярного Урала встречаются гнезда голубой краски, бирюзовой, как небо. Это скопления минерала вивианита, фосфата железа.

Волконскоит, единственные месторождения которого находятся у нас на Урале, дает очень ценную зеленую минеральную краску.

По составу землистый вивианит одинаков с ювелирным минералом бирюзой. Такими же свойствами обладает глауконит, содержащий калий. Из него тоже можно получать зеленую краску. Ее же дают многие минералы меди, в частности малахит. Водная окись меди образует синий минерал азурит.

В палитре художника всегда есть белила. Белый порошок делают из минералов, содержащих цинк, барий, стронций. Черный цвет можно получить из окисла марганца, пиролюзита и псилломелана. Окись урана называется по своему густому черному цвету урановой смолкой.

К. ФЛУГ

СОЛНЫШКО В БЕРЕЗАХ

Н. НИКОНОВ

Рисунки Н. Мооса

Золотая речка

Речка — самое светлое из детских дней. Вот она, солнечная по быстрине, в грядах сочно-ломких лопухов. Она кажется живой — так переменчиво ее настроение. Только что смеялась, золотилась, а набежало облако — и поблекла, опечалилась... К осени речка свинцовеет. Хмуро и холодно бежит ее вода. Зимой она спит, едва дышит сквозь проруби. Весной играет, разливается на огороды, крутит и бурлит по логу, вся вспененная, полноводная и неукротимая. Многие домишки в понизовье — кругом в воде. Но дело привычное. У всех есть лодки. Пока спадет полая вода, по улице плавают на лодках, подбирают принесенный паводком лес, доски, щепу. Их сваливают прямо на крыши. До осени сохнет там мазутное корье.

Летом Основинку курица перебредет. Нигде нет глубоких мест, если не считать двух омутков да одного места пошире, возле Пашковых.

В праздники пьяный сапожник Пашков выходит туда топиться. Сидя на заборе, я видел, как он выбегал из сенок в огород. Стоял на берегу, качаясь во все стороны, грозил, орал и, наконец, театрально махнув рукой, сваливался в речку с громким плеском.

Никогда не видал я человека более злого, вздорного и поганого, чем этот темный, тощий, вечно пьяный мужик.

Дня не проходило, чтоб Пашков кого-нибудь не обругивал или не избивал. Он крал у соседей белье с веревок. Он подманивал куриц, таскал дрова, залезал на чердаки. Бывало, пропивал и обувь заказчиков.

Когда его забирала милиция, он выбегал на улицу, куражился и кричал:

— Я честный человек! Я... бедняк! Тут все... буржуи! Все! Ивелиры проклятые... — И гнусно выл: — Не ломай руки! Не ломай руки!

Хотя никто ему рук не выкручивал.

Впоследствии я замечал, что с людьми вроде Пашкова у нас всегда чересчур много возятся, увещевают, образумливают, дают ис-

пытательные стажы и сроки. Пашковы воспринимают это как должное.

Бывало, он исчезал на месяцы. Улица отдыхала. Но обычно Пашкова выпускали на другой же день, и снова он пил, дрался, обзывал всех буржуями.

В слове «буржуй» чудился обидный жующий смысл. Буржуй — это толстый, масляный, хрипатый. Он с огромным животом и жесткими усиками.

Однажды я спросил отца об этом.

Он сидел в выходной за столом, читал «Уральский рабочий».

— Почему буржуй? — переспросил отец и вдруг, сдвинув черные широкие брови, сказал резко, внушительно: — Буржуи — кому работать лень. Вот Пашков-то и есть настоящей буржуй. И никакой он не бедняк. Нет у нас теперь бедняков, кроме бездельников...

Я знал, что Пашков бьет Генку сапожными колодками. И часто, часто приходила мысль: человек ли этот Пашков? Чем он похож на человека?

А дело с утоплением кончалось тем, что сапожник вылезал из речки, брел домой, вытряхивал брань, ребята разбежались, а мать Пашковых голосила на всю слободку.

Ходить одному на речку мне запрещалось.

«Утонешь, промочишь ноги, заболеешь», — отвечали на все просьбы.

Калитка была закрыта на ржавый засов, а его не открыл бы сам инженер Симонов — страшный силач. Он жил на квартире у Сычева и каждое утро на руках лазал вверх и вниз по приставной лестнице у крыши. Взвешившись кучей, мы с трудом сворачивали с места пузатую гиру, которую выжимал он одной рукой под восторженный вопль ребятшек сычевского двора. Что и говорить, силен был инженер Симонов, хоть и невысок ростом.

Я долго пытался кирпичом отколотить засов, пока не сообразил, что к речке можно выбраться, отшибив доску от ветхого забора. Я выбил ее снизу быстро и легко все тем же искрошенным по краям кирпичом. Пролез в узкую щель — доска встала на место. А я на берегу, на узкой полосе осоки и лопушника.

Жаль, здесь не развернешься: забор-то у самой воды.

Лягушки плюхаются в воду, уносятся по течению. От быстрого бега воды рябит в глазах. Я зажмуриваюсь. Пробую воду ладошкой. Она прохладная, эта упругая вода, но в то же время и летняя, ласковая. Прямо в сандалиях и в чулках переправляюсь на ту сторону, карабкаюсь на обрыв, сажусь на теплое дерево, удобно свесив ноги.

Радостное ощущение полной свободы и самостоятельности захватывает меня. «Я от бабушки ушел и от дедушки ушел...». Так весело, хорошо здесь, на солнышке, смотреть в туман легнего утра, гладить траву в желтых чашечках гусиных лапок! Июньское тепло прощупывает спину сквозь рубашку, печет затылок и шею. И по-летнему беззаботно пахнет водой, белой кашкой, суглинком и воздухом. Чуть кружится голова, плывет в глазах. А может быть, просто парит, дрожит марево над нагретым берегом, домишками слободы, над сычевскими тополями. Они склонились через кривой заплот к речке и дремлют в ярком утреннем небе. Ни один листок не дрогнет. Безветрие.

Я смотрю, как желтые осы вьются под берегом, пчела хлопотливо лезет в венчик цветка, копается там с довольным жужжаньем и, пятась, вылезает, летит к другому. Смотрю, как ласточки чиркают над водой. Они ныряют под кровлю сарая и снова вылетают, словно пущенные чьей-то рукой, носятся за мошкой с тихим чиликаньем.

Вот стрекозки из синего стекла проносятся над водой. Жук, раскрыв лаковые крылышки, поднимается из травы.

Хорошо мне, хорошо! И я не знаю, бывает ли лучше, чем в детстве, когда так чутко ясны все запахи солнечного утра, все звуки его и краски, все-все, чего не сказать словами.

Мне хочется петь. Тонким голосом я начинаю:

*Эх, шел наш юный барабанищик,
Он песню весе-люю пел...*

И меня не смущает, что погиб тот хороший барабанищик, замолчал его друг — барабан. Я пою о нем. Он живет со мной. Это моя любимая песня.

А чтобы мне не влетело, как говорит Верка, стаскиваю мокрые чулки и раскладываю на откосе, протираю травой сандалии и тоже ставлю сушиться. Так бы и побегал босиком по траве. Да боюсь напороться на стекла. Сколько пустых бутылок перелетело сюда из огорода. Осторожно ступая непривычными ногами, опускаюсь к воде.

Вода в Основинке не очень чистая. Иногда она идет глинистая. Отец говорит, что в верховьях моют золото. А Федор Иванович Насонов говорил, что вся Основинка золотая, золото тут на каждом шагу.

Приглядываясь к воде, я вспомнил об этих рассказах, решил попытать старательского счастья. Зачерпнул банку сырой гальки, поболтал в воде, пока разойдется муть, и тщательно перебрал ее — не попадет ли самородок?

Его не было.

Я снова загреб пригоршню слишком, разложил всю по зернышку. Золота что-то не попадалось. Зато гальки были такие краси-

вые: овальные и круглые, с малахитовым узором, с полосами, с крапинками, как воробьиное яйцо, а то совсем темные, шоколадные. Хотелось взять их в рот. Одна галька была полупрозрачная, будто замороженное стекло, по бокам у нее были плоские грани. Она была тяжелая, эта галька, веско холодила руку. Ее я отложил отдельно. Покажу Федору Ивановичу.

Зная из рассказов Мамина-Сибиряка, что мелкое золото моют и оно оседает на дно, я принялся промывать песок банку за банкой. Раз уж самородок не нашел, так хоть россыпного золота намою. И точно, находил мельчайшие золотишки, но ведь они всегда поблескивают в сыром песке и так малы и плоски, что, конечно, не настоящее золото. Вообще-то я его никогда не видел, а представлял желтым, вроде меди. У нас дома золота ни у кого не было. Были у отца с матерью когда-то золотые обручальные кольца, и мать иногда вспоминала, что «проели» те кольца в каком-то голодном году. Голодного года я никак не мог представить. Жили мы хорошо. Еды всякой было вдоволь. Бабушка только и знала, что стряпала.

Из всех разговоров о голодных годах мне запомнилось смешное и новое слово «проели». Я часто думал над ним.

Вообще новые слова цепко укреплялись в памяти. Вот профессиональные словечки ювелиров: февка — медная, изогнутая на конце трубка, которой дуют на раскаленный уголь; кваксанки, коршунки и пиксанки — так называют разные щипчики. Были слова, понятные сразу: вальцы, протяжка, резак; были слова бабушки: голбец, сусек, Христос с тобой, богородица, канун, сусло, опара, со-лод.

Я перебирал слова, переворачивал так и сяк. Они звучали по-новому, представлялись не так, как значили. Канун — что-то нудное, старческое; сусло должно быть кривое, как коромысло; опара осязаемо пахла теплым и кислым тестом. А многие слова имели совершенно определенный запах, вкус и цвет. Ветер, например, серый и солоноватый, стол — желто-коричневый, со вкусом ржаной коврижки, вода — голубая, пресная.

Мне хотелось проверить свои впечатления, и я иногда спрашивал бабушку:

— А дерево желтое?

— Какое дерево?

— Ну, которое растет... Ну, дерево...

— Вот береза осенью желтая, — отвечала бабушка.

— Да нет же... Нет! А вот машина черная и горькая... Да-а...

— Черная, милой, черная, — кивала бабушка, шаркая на кухню.

А мать на такие вопросы с тревогой глядела на меня и говорила:

— Не разводи ересь! Откуда ты чего берешь? Диву дашься!

Искать гальки и камушки куда интереснее, чем золото, и я заигрался; забыл о времени, пока не услышал бабушку, зовущую меня с крыльца.

Морщась от боли в босых ногах, по колочкам вскарабкался я с трудом на откос. Чулки и сандалии в руки. Прыг вниз. Бегом через речку.

Я протиснулся в щель забора, упал, загнанный в картофельной ботве, и предстал перед бабушкой мокрым, с разбитым коленом, с разрезанной ступней, из которой растекалась по пыльной земле какая-то черная кровь.

Но все обошлось ладно. Бабушка повернула. Носу промыли, залили йодом. Колено само присохло. А отец сказал за ужином, что калитку надо открыть.

— Пусть играет на речке. Он уже не маленький, не будет делать глупостей.

Мать и бабушка поглядели на отца, промолчали.

Зато как я был благодарен ему за такую оценку!

Я получил полное право играть на речке и проводил там с Веркой, с соседними ребятами Мишей и Ниной долгие летние дни. Есть простая радость играть у воды. В воде хорошо бродить по колена, кидать камешки, купаться, хотя по-настоящему плыть в Основинке не поплывешь — везде руки щупают гальку.

Мы строили причалы. Мы прокапывали каналы. Попытались перегородить речку пло-

тиной и целые дни катали с откоса серые камни. К вечеру болело в животе. А речка скоро промывала плотину.

Как-то я увидел, что Юрка Кипин вместе со старшим братом Валькой идут с Основинки с удочками в руках. Оба несли по пучку крупной рыбы.

— Где поймали? — спросил я, подбегая. Юрка мотнул головой назад, на речку.

— А как?

— На удочку, ясно...

— А на кого?

— Н-на т-тыбя, — буркнул косноязыкий Валька, и братья скрылись в сенах.

Я думал, в речке живет одна мелочь — мальки, малявки, ну окунишки. А тут сколько рыбы! Я принялся обдумывать, чем бы наловить ее побольше. Ни лесок, ни грузил, ни крючков у меня не было. Не было даже удилица. Я слонялся по двору, заглядывая во все углы. Где взять?

Потом разыскал не очень толстый черенок от метелки. Пристроил к черенку длинную вицу. Поплавок получился из пробки. Грузило — из гвоздика. Только крючок не

мог я придумать: согнул из булавки — разгибается, из проволоки — еще хуже. За советом побежал к бабушке. Хотелось показать и снасть. Добрая старуха качала головой.

— Эко место, в шесть лет чего выдумал! (Бабушка всегда уменьшала мои годы: мне было почти семь).

Но отделаться от меня трудно.

Я снова и снова приходил на кухню, а разговор как-то сам начинался словами:

— Вот, если бы крючок мне...

— Уйди, не проси.

— Я и не прошу, мне бы крючок...

— Беспонятный, ты что?

— Ну, если мне надо крючок!

— Садись-ко, поешь.

— А крючок дашь?

Я в совершенстве владел умением канючить.

Бабушка сдалась.

— Погоди-ка, есть у меня крючок, — сказала она, уходя в комнату.

Она принесла большой сломанный шубный крючок, немного похожий на настоящий.

— На-ко, вот! Да смотри, неси мне рыбы.

Повертев крючок так и сяк, я поплелся прочь. Крючок все же можно попробовать: он с ушком, его удобно привязывать к нитке.

Накопать червей в огородном суглинке — дело минутное. Я выбирал самых толстых и длинных. Ведь чем больше червяк, тем крупнее клонет рыба. Я опасался лишь за крепость лесы из толстой катушечной нитки. Мне хотелось сегодня же принести бабушке таких же широких и темных с хребта, красноперых лещей, каких носил с пруда Федор Иванович в корзинке под мокрой травой.

Кое-как посадил я на крючок непослушного червя. С мостика закинул лесу.

Сейчас клонет крупная рыба! Вот сейчас! Сейчас... Может, червяка ей плохо видно?

Минута... другая... десятая... полчаса.

Никто не клевал. Поплавок болтался в струе. Солнышко рябило, играло. Стрекозы, треща, падали в лопухи. Червяк с крючком выплыл на самую поверхность и ни за что не желал тонуть. Я вытащил размокшую нитку.

Сбросил червя. Заменил его свежим, вроде бы повкуснее. Снова полчаса сидел, шурясь от солнечной ряби. У меня ныли ноги и затекла до мурашек рука с удочкой.

Пришла на мостик Верка. Посмотрела, уселась рядом, спустила в бегущую воду свои пыльные коричневые ноги, все в белых черточках от ссадин и расчесов.

— Тише ты! — неизвестно почему зашипел я, словно бы она могла испугнуть большую рыбу.

Она замерла, тихонько посапывала. Потом медленно сказала:

— Никого... не поймать...

— ?

— ...

— Ну?!

— А надо рано... Юрка-то утром ходят. Мы с мамкой еще спим.

— Не мешай, Верка! Вот из-за тебя не клюет, — сердито сказал я, и она скоро ушла. А вслед за ней я тоже прекратил ловлю, кое-как замотал леску и поплелся домой. Я уже не чувствовал интереса к рыбалке. Ведь большой рыбы не было. А мне нужна только большая рыба. Во, какая!

За обедом я простодушно рассказал

о своей неудаче и показал удочку. Отец и мать смеялись над шубным крючком. Мать пообещала купить бамбуковую удочку, а эту посоветовала выбросить.

Выбросить? Как бы не так! Я рассердился и ушел на двор.

Вечерело. Лежали вдали синие облака. Красно, багрово было над ними. И во всей мирной пустоте назойливо слышался один звук: взви... взви... взви... взви... Юрка Кипин сидел на пороге растворенных сенок, шаркал напильником по медной трубке. Он делал «поджиг». Так называется самодельный пистолет, которым обжигает лицо, вышибает глаза, корежит пальцы. Поджиг старались сделать все ребята в слободке. За неимением пороха он без меры начинается головками от спичек, серой, селитрой, бертолетовой солью — всем взрывчатым, что можно достать. Однажды Генка Пашков выпалил в кошку из такого поджига, завыл белугой, странно сгибаясь и разгибаясь, побежал по улице. Он

прижимал к груди рассаженную руку, а кровь черными звездочками следилась по земле. Синий рубец по обе стороны кисти, наверное, жив у него и теперь...

Я принялся помогать Юрке — держал проволоку, подавал плоскогубцы. А между делом попросил хоть не навсегда, настоящий крючок. Почему-то мне казалось, что из-за крючка не ладится вся рыбалка.

— Нету у меня. Сам у Федор Иваныча свистнул... оборвешь.

— Не оборву... Вот, честно, не оборву.

— ...

— Дай, Юрка, а?

— ...

— Ну, чо ты? Ну, дай, а? Зажался, а?

— Неси свой шубный. Я его наточу. Во будет! Как настоящий.

Из этого крючка он легко сделал рыбачий, всего несколько раз шаркнув подпилком. Сделал и грузило из маленькой свинчатки. А то, мое, все крутится да крутится. И поплавок новый вырезал из красной коры. Юрка сказал, что ловить надо по заре, пока рыба голодная. А червяков брать помельче...

Я проснулся рано, даже бабушка еще не гремела на кухне.

Тихо-тихо отпер дверь.

Двор был необычно пасмурен, сонно пустынен. Росой пахло из огорода. Я посмотрел на восток и увидел, что небо над горой окрашено ясно-розовым, желтоватым и синим. Оно было очень торжественным, но торжественным сдержанно, холодно-покойно. Все будто спало: сарай, заборы, мокрые лопухи... Сама речка над мостком сейчас текла тише. Туман лежал там, где она впадала в пруд.

Вода уже зарделась, пока я выбирал место по берегу, ежась, ожигаясь от росы и крапивы. Я промочил чулки насквозь. Я все никак не мог обосноваться.

— Вот здесь! — наконец выбрал я. Место тихое. Заводь. Растут под берегом желтые кубышки, а подалее настоящая лилия-кувшинка, единственная по всей речке. Мы не трогали ее. Мы ревниво следили, чтоб кто-нибудь не сорвал ее. Это была наша общая лилия.

Постой, постой... А где она? Еще позавчера два белых цветка нежились в зелени плавающих листьев. Теперь их не было. «Наверно, Курицыны оборвали или Генка», — с горечью подумал я и стал насаживать на крючок самого бойкого красного червяка. Он выскальзывал, как резиновый. Я уколол палец. Как-то закинул свою осмеянную снасть.

Стал ждать. Прошла минута, другая и третья, а я все с тем же острым нетерпением наблюдал за поплавком. Вдруг нырнет! Удлище у меня, конечно, согнется, и я вытащу вот такую! Вот такую! А поплавок и не думал скрываться, лишь тихонько двигался по течению.

Мне надоело смотреть на него. Я перевел взгляд на тополя сычевского сада, склоненные через косой забор к воде, глядел на березы в огороде у Зыковых. Верхушки берез уж золотели. Малиновки рассыпались и замирали в тополях. Петухи голосили по дворам. Воробьи гомонили вразнобой, как гомонят только утром, спросонок. А где-то у пруда, в

заливном лугу, скрипела птица-коростель, ни-
весть как живущая в самом городе.

Сырой запах раннего утра настоялся у речки. Я дышал им с наслаждением и все силился понять, чем же так хорошо пахнет. Может быть, ночным туманом? Летней землей? Или мокрой в росе крапивой? А может быть, листочками тополей?..

Тополя... Люблю смотреть на их густую склоненную листву, люблю небо, чуть зеленее над их вершинами, люблю летом, когда ветер серебрит их, шумит ими штормовым шумом перед грозой, и осенью, когда перелетные птички стаями отдыхают на их полюбленных вершинах. Зимой к ним залетают дятлы. И всегда весело глядеть, как бело-пестрая лесная птица лазает по грубой серой коре. Подчас мне кажется, что деревья живут глубокой, скрытой и мудрой жизнью. Они поживому могут лепетать, молчать, задумываться и спать, как все живое. Они смотрят с доброй улыбкой на нас в траве и тени под ними. Они дышат, волнуются, вскипают и замирают и все так же величаво просты и непонятны в своем несчетном долголетии.

Я поглядел на воду и заметил, что листья кувшинок слабо шевелятся. Темные острые бутоны выпирали из-под них. Вот выбрались, всплыли и вдруг начали раскрываться.

Раскрываться... Сами!? Значит, живые?! Они живые! Они тоже спали. Они живые!

— А где же поплавок? Где?!

Его не было.

Я дернул удочку обеими руками и вот почувствовал, что там что-то зацепилось, кто-то есть. Рыбка? Рыба! Рыбина!

Золотистый линь величиной с ладошку вылетел на берег и затрепетал на крючке. Не помня себя, я схватил скользкую трепещущую рыбу и, позабыв об удочке, помчался через мостки.

— Бабушка! Вот!.. Вот!.. Видишь? Сам поймал! Сам!— с порога на весь дом завопил я. Показывая линьку, приплясывал.

Может быть, вы подумали, что стал я с тех пор рыболовом? Нет, не стал. И удочку свою забросил скоро. Рыба все-таки плохо ловилась на нее. Так, пескарики, ершики, небольшие окуньки... Тот крупный линек был первым и последним. Или не умел я крупную рыбу взять... Не знаю. Да и самой-то речке неожиданно пришел конец.

На исходе лета появились у Основинки какие-то люди. Они установили треноги с подзорными трубками. Все к чему-то приглядывались, прицеливались, окруженные ребятами и собаками.

Потом те люди вбивали вдоль берега полосатые вешки, мерили звенящими рулетками, отмечали на планшетах. И понемногу мы узнали, что речку будут заключать в деревянный сруб— трубу. Так надо для завода. А зачем в трубу? Кому помешала речка Основинка?

Мы, мальчишки, многого тогда не понимали. Нам было жалко Основинки до слез. Не понимали, что нельзя оставлять в центре строящегося города маленький ручеек, не могли и подумать, что со временем и наши домишки пойдут на слом, а на их месте вырастет огромный панорамный кинотеатр... Хотя,

конечно, совсем не обязательно было чистую речушку, даже запрятанную в сруб, превращать в сточную заводскую канаву.

Клады

Сарай огромный, покосившийся. Он склонился глухой стеной в огород. Он точно прислушивается к чему-то. В этом сарае три части — амбар, конюшня и каретник со странным названием «завозня». Сверху есть галерея и сеновал — пыльный, пропахший сеном трухой, под самой крышей. От сеновала идет навес на четырех столбах. Под навесом хорошо прятаться от неожиданного летнего дождя, хорошо играть там в непогожие дни, когда бусит и моросит, а тут тебе сухо и под застрехами всюду чирикают воробьи.

Сколько тонкой поэзии в этом сарае! Его моховая крыша словно расписана голубой и зеленой акварелью. Слуховые окна таинственно темны. Так и думается под вечер, что выпорхнет оттуда маленьким чертиком летучая мышь или другая крылатая жуть. А сумерки конюшни, еще хранящей особый запах лошадей!..

Сарай хорош в февральскую вьюгу — колдовски-сизо дымится его повети. А в мягкие дни, со снежком, он дремлет. Снег идет к его черному от времени бревну, и воздух около крыши кажется хрустальным. Старый сарай... Разве перечислишь, что грезилось, виделось и открывалось, когда я лазал по его крыше, бегаю по галерее, забирался на самый сеновал. Здесь устраивались красные уголки и штабы с портретами челюскинцев. На перевернутом ящике — скатерть из синей бумаги. Пучок одуванчиков в консервной банке. В углах оружие — шашки, винтовки. У низенькой входной двери пулемет «максим». Его смастерил Юрка. Кожух пулемета из полена. Дуло — медный патрон.

Юрке Кипину тринадцать лет. У него такая же вогнутая, как у отца, у Ивана Алексеевича, грудь. Руки у Юрки грязные. На пальцах бородавки. Юрка все сводит их, да не может свести совсем. Он никогда не смеется, только улыбается добро и грустно, и лицо у него принимает страдальческое выражение.

Раз он прыгнул с забора на доски с гвоздем, просадил ступню. Вытащив и отбросив гвоздь вместе с доской, Юрка на пятке заскакал к дому.

Я бежал впереди, с ужасом прикидывая, что теперь будет: выживет Юрка? А если заражение?

И вдруг я увидел, что он... улыбается. Криво, бледно, а все-таки улыбается.

— Испугался-то... Завяжу — и пройдет..

Перевязав ногу тряпичей, он вернулся на двор, стал выравнивать зазубренным ножиком дранки для нового змейка.

Никто в улице лучше Юрки не делал свистулек из тополевых прутьев, западенков для птиц, рогаток на воробьев. Юрка возил нас на самодельном автомобиле с колесами из березовых чурбаков. Он всегда что-нибудь делает, не в пример старшему крепышу Вальке. Тот

знается с жульем. У того толстое лицо с белой челкой, он похож на сытого кота.

Впрочем, здесь я увлекся — ведь рассказывать-то начал про сарай да про станковый пулемет «максим». Пулемет служил нам великую службу. С ним мы играем в Чапаева, отбиваемся от «белых» или идем в атаку на братьев Курицыных с комьями глины, с гранатами из выдернутой лебеды. В играх отводилась мне почетная роль Петьки-пулеметчика, потому что без передышки мог я вести огонь, выговаривая по минуте: «ды-ды-ды-ды». Мне же и доставалось из-за пулемета. Скванный им, я не мог маневрировать. Комья и кульки с пылью молотили меня по спине, порошили в глаза, когда Курицыны пристреливались.

Война надоедала. И сарай очень просто превращался в паровоз. Мы носились с мыслью, как приладить на сеновале, против слухового окна, колесо от старого велосипеда. Это был штурвал. А на крыше появлялись самоварные трубы и грот-мачта с реями из оглобель.

Сейчас трудно даже припомнить, сколько должностей исполнял старый сарай. Он был броненосцем «Потемкиным», ледоколом «Челюскиным», автомобилем, самолетом и паровозом. Не был только ракетой — тогда еще не играли в космонавтов и само слово это было нам незнакомо. Мы не знали атомной бомбы, спутников, радаров, полетов к Луне.

Помимо меня, Верки, Юрки, Миши Симона из сычевского двора, сарай был пристанищем для целого мира животных. На стропилах, под самым коньком, жили белобрюхие ласточки. У них было красное горлышко и хвост в виде двух шильцев. Красивые птички горихвостки, которых мы звали малиновками, гнездились где-то под навесом. В июне находили мы выпавших из-под застрех страшеньких воробьят. И крепко запоминались желтенькие овсянки по бокам их разинутых клювов. На той стороне сарая, что выходила к сычевскому саду, лепились под крышей какие-то розовые жбанчики, будто сделанные из гонкой бумаги. Тут жили мелкие дикие пчелы.

Крайним помещением был амбар, а лучше сказать бревенчатая кладовка. Годы выбраивались, сносились туда вещи — сломанные, ненужные и мешающие дома. Они лежали

там, покрытые черной пылью. В амбар меня не пускали. Он запирался на ржавый замок. Известно, что запертое и спрятанное — всегда соблазн, даже если это просто сахар в сахарнице. И я искал способы проникнуть в амбар.

На сеновале, под слоем лежалой трухи, прощупывались какие-то доски. Я раскидывал труху, морщился и кашлял от сухой пыли. Западня! Она приходилась в аккурат над амбаром и сильно заинтересовала меня. Кое-как я сдвинул тяжелую крышку. Прямоугольный люк открылся под ней. Какие-то палки, вроде оглобель, уходили в темноту с одной из его сторон. Я отступил от черной дыры, а потом, поразмыслив, плотно задвинул крышку. Еще вылезет оттуда, весь мохнатый, домовый, сам черт или другая нечистая сила. Бабушка много рассказывала мне о ней. И хоть верил-то я только наполовину, однако сейчас на сумрачно пустом сеновале, перед лицом неведомого, мне стало не по себе.

Своим открытием я поделился только с Веркой. С недавнего времени эта простоволосая тонкая девочка стала принимать участие в моих играх и проказах то как равный участник, то как помощник и оруженосец.

— Хочешь, посмотрим еще? — сказал я Верке.

— Хочу, — ответила Верка.

— Полезли!

Мы забрались на сеновал. Снова отодвинули западно.

— Темно-то! О-о-о,— протянула Верка. Она с испугом посмотрела в упор своими дымчатыми, точно облака в пасмурный день, глазами.

Мне хотелось похвастаться. С Веркой я чувствовал себя храбрым.

— Я бы слазал, да спичек нету. Бабушка прячет их от меня с того раза...

«Тот раз» был Верке отлично известен. Мы решили сделать фонарик из целлулоидной полупрозрачной утки. Я протриг в брюхе утки дыру, отрезал кусочек елочной свечки, зажег и хотел вставить в утку. И тут «пфффф» — она вспыхнула, как куча пороху, опалила мне брови и волосы, зажгла занавеску.

Огонь руками затушила бабушка, прибежавшая на наш дикий вопль. Теперь спички спрятаны. А я хожу без бровей.

— Полезешь?!

— А ты думала!..

— Врешь, не полезти!

— Дам вот! Не полезти! Если бы спички...

Подумаешь!..

Втайне я и не собирался, конечно, спуститься в черную пропасть. Но она и манит меня. А вдруг там клад? Золото, игрушки, драгоценные камни, настоящая винтовка или пистолет в кобуре... Сколько раз снился мне, да и мне ли одному, настоящий, военный, тяжелый пистолет. Он охлаждал руку. Грозно поблескивала его макушка. Приятно-рубчатой была рукоять. Я просыпался совсем счастливым. Пистолет!.. Неужели все было во сне? Но ведь нашел же Димка Мыльников где-то на чердаке настоящий противогаз с выдавленными стеклами. За такой противогаз я хоть к самому черту полез бы. Да, если б правда там не золото, не драгоценные камни, а если б книжки, игрушки! Смутно я помню, были когда-то два заводных автобуса — голубые с желтыми крышами. А где они? Конечно, там. А Генка Пашков нашел на свалке целую обойму с пятью патронами. Вот бы и мне...

— Давай, я Валькин фонарик принесу,— вдруг сказала молчавшая Верка.

Вот уж чего я совсем не ожидал.

У Вальки был настоящий, плоский электрический фонарик с выпуклой линзой и с какой-то сырой штукой внутри, вроде пачки дрожжей. Валька фонарь даже потрогать не давал.

— Тащи! Полезу! — отчаянно сказал я Верке. Как же мне было отступить. Я надеялся, что Валька дома и не даст ей свой фонарь.

Она воротилась скоро.

— Горит?

— Ага...

Я нажал на пуговку сбоку фонарика — он загорелся слабеньким желтоватым бликом. Я осветил вниз, но ничего не разобрал.

— Полезу...

Я положил фонарик в карман, посмотрел на Верку, словно она была виновницей всех моих бед, ухватился за края люка и повис, не доставая дна.

«А! Будь, что будет!» Я отпустился и почти сразу встал на мягкое. Оно словно зашеве-

лилось. Озноб ободрал меня до затылка.

Я выдернул фонарик. Скользнул лучом вниз — под ногами мешок с тряпьем. Толстые палки оказались редкой изгородью, упертой концами в большой рубленый ящик. Вернее, это были ясли для сена. Просто, раньше в амбаре жила корова или лошадь, а сено ей заваливали сверху через люк.

Очень довольный простым открытием, я приободрился и осветил кладовую с угла на угол. Она была забита ломаными стульями, рухлядью, сундуками. Ключья черной паутины свешивались с потолка. На полках громоздились ведра, кастрюли, банки с краской. Крыса, оскользясь, пробежала по ним.

Я выбрался из ясель и полез к широкой полке, заваленной всяким скарбом.

— Коля! Где ты? — глухо позвала сверху Верка.

Я не ответил. Пусть испугается. Ага!

— Коля!..

Молчание.

— Коля же! Коля!.. Я боюсь! Боюсь! — закричала она.

Вдруг что-то шевельнулось, завозилось сильно в углу. Я выронил фонарик, стремглав кинулся к яслям, хватаясь за палки, полез... Скорей! Скорей!!

Она подала мне руки, и я, перепуганный, с разорванной рубахой, выскочил на сеновал, задвинул крышку.

— Кто там? Кто? — спрашивала Верка, и ее обычно бледное прямоносое лицо сделалось, как обсыпанное мукой.

— Да * никого! Зашевелилось что-то в углу, а ты заорала: «Боюсь, боюсь!» Я уж думал, тебя тут схватил кто... Ну... Ну, и на подмогу сразу...

Потом я пожалел, что не сказал Верке, что видел в кладовой какого-нибудь страшного лохматого черта. Вот бы напугал-то ее!

— Страшно,— она не выпускала мою руку.

— Страшно, страшно! Я фонарик из-за тебя выронил. Надо лезть опять за ним.

— Не лазай!

— А фонарик?

— Не лазай.

— А Валька-то тебе?

— Не лазай. Не надо. Пусть потом, завтра...

Назавтра лезть не пришлось. Я выждал, пока бабушка уйдет на базар, разыскал в кухне ключ и отворил амбар.

Фонарик лежал на прежнем месте, только не горел. Вся батарейка у него испортилась, и

сколько ни мочили мы ее в воде, она так и не заработала.

Потом я уснул Веру за ворота поглядывать, не идет ли бабушка, а сам начал обследовать кладовую по всем правилам.

Сейчас, вспоминая о том времени, я думаю, что только детство, искреннее и наивное, могло открыть в той амбарушке без окон столько кладов неизмеримой ценности, перед которыми ничто пещера Али-бабы и все сокровища арабских Аладинов со всеми их лампами.

Копаясь в верхнем слое черной пыли, я нашел сломанный проекционный фонарь с керосиновой светильней, большой медный будильник и хороший деревянный ящик со стеклом, должно быть, от иконы. Еще набралось с десяток оловянных солдат с обломанными головами и ружьями, ремень с португеей, разрозненные шахматы и много других более или менее нужных вещей. Они всегда шли в дело.

В ящике от иконы, например, собралась потом отличная коллекция бабочек. Из проекционного фонаря мы достали зажигательные стекла. Ремень с португеей носили благоговейно по очереди, опоясываясь им вдвое. А будильник был поставлен у дверей штаба. Теперь, прежде чем пролезть в низенькую дверь, полагалось закрутить пружину и позвонить. Скоро она сломалась от частого употребления.

Я продолжал раскопки в амбаре день за днем, когда никого не было дома. Наконец добрался и до плетеной четырехугольной бельевой корзины. Она стояла в самом дальнем углу, заваленная тряпьем. Рыжий кривой кот с мышью в зубах выскочил из-за нее, вихрем умчался во двор. Это был бродячий полудикий кот, которого проклинали все хозяйки в слободке за воровские набеги на сметану и молоко в погребах. Кот ловил голубей, цыплят и прочую живность. Вообще-то кот был прописан у Пашковых, но дома никогда не жил. Видно, чердачная жизнь была ему милее. Даже в самые клящие морозы спасался он возле труб, нелюдимо глядел из-за наличников единственным оком.

Уж не он ли это возился в тот раз в углу? Может быть, и он.

Я откашлял черную пыль, пролез к корзине, сбросил тряпки. Поднял скрипучую крышку.

Книги!

В корзине были книги. Старые, покорбленные переплеты. Тусклое золото букв.

Пятно ржавчины на пожелтелых страницах. Посеченная мышами бумажная крошка.

Я не умел читать, но страстно любил книги. Мне всегда нравились их корешки, обложки, картинки такие понятные, что вот и не читаешь, а ясно все. Книги покупали мне и отец и мать. Они всегда очень любовно говорили о книгах, читали мне в редкие свободные вечера сказки Пушкина, «Руслана и Людмилу», «Дети капитана Гранта», сказки Киплинга, грустные, как осень, рассказы Мамина-Сибиряка. Многие свои детские книжки я знал наизусть, рассказывал слово в слово, если меня просили.

В корзине лежал целый клад книг. Едва я снял верхний, пахнущий мышами слой, как открылись слежалые кипы журналов. Здесь были «Нива», «Вокруг света», «Русский паломник», «30 дней» и «Всемирный следопыт» в цветных измызганных корочках.

С корочек смотрели зеленые пальмы. Коричневые индусы с голубыми глазами заклинали змей. Бежали в упряжках северные олени. Сурово целились из винтовок краснокожие люди в орлиных перьях. Там были оскаленные тигры, тонущие корабли, ископаемые ящеры.

Позабыв о бабушке, времени, Верке, о великой осторожности, я сидел у корзины перед несказанными богатствами, раскладывал их, смотрел, перелистывал.

— Бабушка идет! Скорее! — закричала Верка, просунув голову в створку ворот.

Я захлопнул амбар и, убежав за сарай, долго кашлял, очищая рот и нос от густой, вьедливой пыли. Мои «чертокожевые» штаны не очень замарались, а вот полотняную рубаху не удалось отчистить.

Придя с работы, мать еще от ворот окликнула меня.

— Где же ты был?

— Играл... — отвернулся я.

— В трубочистов?

— ...

— Я кого спрашиваю? А? Я кому говорю? А?

Это «А» не предвещало ничего хорошего. Когда оно начинало добавляться, дело редко обходилось без лупцовки.

— Вечно по чердакам возишься... Чтоб этого не было! Слышал?

— Да.

— Чтоб не было!

— Да...

— Задакал!

Мать вспыльчивая и не всегда справедливая. Но я люблю ее, как все дети любят матерей. Она балует меня, приносит пирожное и конфеты. Она очень щедрая, и можно выпросить у нее, что хочешь. Она высокая, очень полная и красивая и ходит по земле плотно, крепко. Я редко ласкаюсь к ней. Я и не жалею. Мать до вечера на работе. Она где-то учится еще. И моя жизнь идет с бабушкой, с Веркой, а больше в одиночку. У меня нет братьев. Втайне я завидую Мише Симонову, Верке и Генке Пашкову. Вот был бы у меня брат! Да еще

старший. Я бы с ним везде вместе бегал. Он бы мне кораблики делал, самолеты с резиновым мотором. Тогда бы Курицыны живо присмрели. Пусть-ка бы они попробовали меня лупить. «Скажу вот брату, так он вам! Ага! Брат-то у меня знаешь какой силач? Как дядя Симонов».

Лазить в кладовку мне запретили настрого. Мать все-таки узнала, что я брал ключ. И началось: «Спички утащи! Заронит! Пожар устроит! Пыли, заразы наглотеется!» Чего только не придумают взрослые, если захотят. Ведь я отлично понимаю, что спички в кладовке жечь нельзя. А если тогда и загорелась та проклятая утка, я же не знал, что она горячая. Теперь станут всю жизнь попрекать...

Ключ исчез. Но разве можно, убрав ключ, заставить человека отказаться от мечты?

Журналы и книги в корзине на некоторое время отделились от меня. И тем заманчивее вспоминались белые парусники в синем океане. Я с закрытыми глазами видел странных очковых змей. Я слышал крики желто-красных попугаев. Это была страна моей мечты о далеких землях. Я думал о странствиях, об удивительных цветках — орхидеях. Жаркий ветер с юга напоминал мне об Африке.

Где на земле те фантастические джунгли? Где красные закаты над медленной рекой Амазонкой, когда плещут рыбы, темнотой наливается лес и закрываются гигантские кувшинки-виктории? Где коралловые острова? Брызги пены на белых рифах. Зелень и синева катящихся валов. Бризы. Пассаты. Штормовые облака... А холодные скалы у мыса Горн. Край земли. Суровость и простор. Скупой свет низкого солнца. Иногда казалось, я уже был там, лазал по тем скалам и обрывам. Там, в трещинах, бедный кустарник, а внизу тяжелейший океанский прибой. Разве когда-то не лежал я под бабабом в сухой, высокой, горячей траве с крепким копьём в руке, с луком за спиной?..

В конце концов я надумал извлечь книжное сокровище из кладовки и перенести в штаб. Вместе с Веркой мы привязали веревку к старой плетенке. Я спускался вниз и, нагрузив ее на оцупь, командовал:

— Тяни!

Верка вытаскивала плетенку, разгружала и подавала снова.

Все добытые журналы и книги мы хлопали, подклеили. На это ушла целая неделя. Потом мы сложили их пачками вдоль стен. Штаб превратился в настоящую библиотеку, и мы по очереди играли в библиотекарей. Все книги просто делились на интересные и неинтересные. Неинтересные, то есть без картинок, мы откладывали на самый низ. Зато журналы с картинками разглядывали и обсуждали оживленно, стучаясь лбами и переливая друг друга.

— Он его сейчас съест, — говорила девочка, показывая на леопарда, вцепившегося в человека на обложке «Вокруг Света».

— Да, много ты понимаешь! Видишь, другой-то рукой этот наган достает. Он его застрелит...

— О-о-о!

— Застрелит! Только выхватит — и «бах-бах» ему...

— А страшно... Правда?

Там голый индеец плыл куда-то, сидя на огромной морской черепахе.

Вот очкастый старик с белой бородой бежит по пальмовому лесу за гигантской бабочкой. На спине у бабочки череп и кости, как на высоковольтном столбе. Сильно хотелось прочитать. Узнать все в точности. Да оба мы были пока неграмотные.

Выручал Юрка. Изредка он приходил, брал журналы и сбивчиво, каким-то не своим голосом читал вслух. А мы слушали, боясь проронить слово, боясь кашлянуть. Слушали, как человек-амфибия Ихтиандр жил у доктора Сальватора, как ловил его негодяй Зурита, слушали про диковинный сад Сальватора и про любовь Ихтиандра и Гуттиэре.

Хороши были и рисунки. Лавка Бальтазара, раковины, оскаленные рыбы, морские звезды. Человек-амфибия на дельфине. Ихтиандр в сетях Зуриты при бледном свете предутреннего месяца. Девушка Гуттиэре «с лучистыми глазами»...

Человек-амфибия потряс мое воображение. Здесь сбывались мечты о далеком, неизвестном, необычном. Есть! Есть где-то Южная Америка. Одно слово «Южная» было уже таким тропическим. Есть далекая Аргентина. Кактусы у белой стены владений Сальватора на скалистом океанском берегу. Есть где-то теплая река Парана. А самый океан, полный рыб, жемчуга и чудовищ! Что, если б я тоже мог спуститься в его синие глубины? Я боролся бы с акулами, побеждал кальмаров...

...Спускаюсь, спускаюсь в глубину. Меркнет свет. Вода легко обнимает меня. Я плыву, как плаваешь во сне, не замечая никакого сопротивления, я дышу под водой. У меня есть жабры. Зеленые страшные щупальца тянутся ко мне из тьмы пещеры. Гигант-осьминог таращит фосфорические глаза. Сейчас он кинется на меня, и я начну рубить его резиновые щупальца, как рублю с плеча лопухи. Раз-раз! Бей его! Ага, удираешь?.. Эх, не могу оторвать присоски! Р-раз... Есть! Бежит осьминог. Бежит! Сейчас наверх. Только вот жемчуга еще нагребу...

— Что ты? Оглох, что ли? — толкает меня Верка. — Бабушка зовет.

Я спускаюсь по лестнице и все еще думаю о битве с осьминогами.

К концу повести об Ихтиандре стала грустной. Человек-амфибия в тюрьме. Сальватор тоже. Гуттиэре выходит замуж за Ольсена. Почему за Ольсена? Ведь Ихтиандр любит ее. И мне горько, что все плохо кончается, будто бы сам я Ихтиандр, это мне надо плыть далеко-далеко прочь от людей, от земли. Почему Гуттиэре не показала ему в последний миг? Почему простояла за скалой, когда он шел к ночному океану?..

Вот Юрка дочитал до конца, и мы узнали, как бедный безумный старик Бальтазар выходил в бурю на берег океана и кричал туда, звал: «Ихтиандр! Сын мой!»

Я едва не заплакал. Целый день я тосковал. Все грезились мне какие-то дальние волны и человек-амфибия, одиноко плывущий все вперед и вперед. И одни слова не сходили с языка:

«Но море хранит свою тайну»,

ПОЧЕТНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ ОРЕНБУРГА

Пожалуй, никогда в зале не стояла такая тишина, как в тот день, когда в гостях у оренбуржцев был Юрий Гагарин. В огромном помещении Выставки народного хозяйства все, затаив дыхание, слушали первого космонавта Земли. Потом грохот оваций прокатился по рядам. Юрию Гагарину присвоили звание почетного комсомольца Оренбурга — города, который дал славному соколу крылья.

От имени всей комсомолии областного центра секретарь горкома ВЛКСМ Вячеслав Рябов вручил Герою Советского Союза комсомольский билет № 29 820 742 и грамоту.

Много важных и неотложных дел у космонавта. Но не забывает он о родном училище. Ему передал Юрий Гагарин свой летный костюм, который хранится в комнате боевой славы. Таким экспонатом может гордиться любой музей планеты.

А недавно пришла телеграмма курсантам авиационного училища,

*«Вы мечтаете о тех днях, когда новые крас-
нозвездные корабли унесут вас в неизведанные
просторы Вселенной. Ваша мечта обязательно
сбудется. А если кому-либо из вас и не доведет-
ся управлять космическим кораблем, не унывай-
те! Вместе с космонавтом в полете находятся
все те, кто создавал корабль, готовил космонав-
тов, кто строит светлое будущее — коммунизм.*

*Мне, воспитаннику Оренбургского училища,
радостно, что растет и крепнет достойная смена
советским космонавтам...*

*Герой Советского Союза
полковник ГАГАРИН».*

Эту телеграмму знают сейчас почти все преподаватели и курсанты Оренбургского летного училища.

В. АЛЬТОВ

ТРЕТИЙ УРАЛЬСКИЙ СЛЕТ

ВО ВСЕ КОНЦЫ КРАЯ

Следопыты из Бахилловской школы Удмуртии — большие друзья природы.

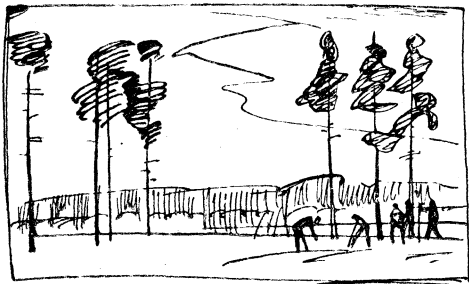
Был когда-то у деревни Бахилы пустырь, десятки гектаров бросовой земли. Ребята решили засадить его сосной. Обратились в Ижевский лесхоз. Работники его помогли вспахать пустырь, дали саженцы. За два года ребята озеленили тридцать гектаров, да десять нынче. Сорок следопытских гектаров дали стране школьники.

Они ухаживают за саженцами, пропалывают от сорняков, заменяют погибшие деревья. Помогают следопыты и Ижевскому лесхозу. Они охраняют леса от браконьеров. Собрали и сдали в прошлом и в этом году шесть тонн шишек.

Заложили ребята около школы и фруктовый сад. В нем 150 яблонь, много кустов смородины, вишни, малины.

Сад и сосновые посадки названы именем 40-летия пионерской организации.

Л. В.

* * *

Секция спелеологов при Пермском городском клубе туристов «Компас» существует пять лет. За это время следопыты обследовали и нанесли на карту 40 пещер и открыли более десяти. Особенно увлекательной была работа в бассейне рек Яйва и Язьва.

Ребята из поселка Скопкартная — Володя Костенко, Леня Бондарев, Виктор Колырин, Валя Анкушина, Надя Исакова с преподавателем Николаем Павловичем Исаковым открыли на реке Березовке интересную пещеру и по праву первооткрывателей назвали ее «Пещерой тайн».

В ней найдено множество костей древних животных. Часть из них находится в Березниковском краеведческом музее, часть — у школьников, а самый большой экземпляр черепа

животного послан в Пермский университет. Ученые определили, что крупнее этого гигантского черепа пещерного медведя никто не находил. Жили эти животные 60 тысяч лет назад.

А недавно в «Пещере тайн» спелеологи нашли жемчуг.

С. ТОРОПОВ

* * *

Пришло лето, и следопыты отправились в путь — исследовать малоизученные районы и «белые пятна» горного Урала — от приполярной его части до теряющихся в Казахских степях самых южных отрогов. Многие из них получили задания Уральского геологического управления.

Студенты Уральского госуниверситета выехали на Приполярный Урал. Их маршрут, длиной 500 километров и продолжительностью 40 дней, начнется от станции Железнодорожная, севернее Воркуты, пройдет через поселок Хальмер-Ю, по хребту Аченырда до Щучьего озера, от которого, повернув на юг, они по северным рекам спустятся до Оби. Во время путешествия следопыты встретят разнообразные горные породы, начиная от современных и кончая древними отложениями силура и кембрия. В них могут быть рудопроявления полезных ископаемых: железа, марганца и меди, пьезооптическое сырье, а также уголь и нефть.

Ребята из города Каменска-Уральского и поселка Средне-Уральский выбрали маршрут по Мурзинской самоцветной полосе. Не все богатства этого района еще выявлены, и тщательный поиск позволит открыть новые месторождения топазов, аметистов и других драгоценных камней.

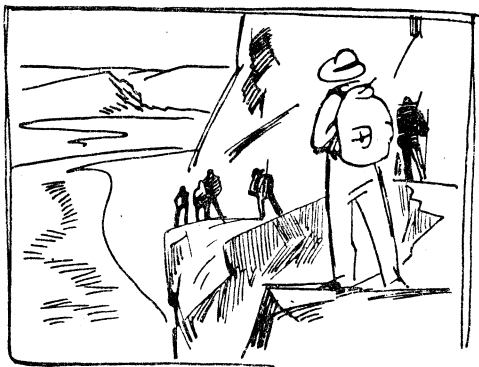
Отряд юных геологов школы № 1 города Полевского пройдет на Южном Урале по кольцу: Орск — Ново-Троицк — Халилово — Ново-Рудный — Гай — Орск. В этом районе можно обнаружить месторождения бокситов, хромита, никелевых руд, асбеста, строительных материалов и поделочных камней — знаменитых орских яшм. Здесь находится большое Гайское озеро, воды которого настолько насыщены медью, что опущенные в него железные предметы покрываются налетом. Найти еще такое озеро — значит, найти новое месторождение медных руд.

Многие отряды следопытов установили связи с геологами поисковых и разведочных партий, выехали с ними в поле.

Так, ребята Свердловской школы-интерната № 11 будут в Карталинской геологической партии вести исследования на Южном Урале.

Третий год дружат «глобусята» Свердловского Дворца пионеров с Иткульской партией. За успешные изыскания в 1963 году они получили от Государственного Геологического Комитета СССР премию 1000 рублей, и на эти деньги приобрели снаряжения для полевых работ: палатки, горные компасы, рюкзаки, геологические молотки — все необходимое для успешных поисков полезных ископаемых.

Е. СЕРЕБРЕННИКОВА

* * *

Когда в Оренбургской молодежной газете «Комсомольское племя» появилось сообщение о том, что при геологическом управлении создается школа юных геологов, сотни старшеклассников, все те, кого влечет романтика открытий, принесли в горком ВЛКСМ свои заявления. Желавших учиться в школе имени старейшего геолога Оренбуржья, лауреата Ленинской премии Иосифа Леонтьевича Рудницкого оказалось гораздо больше, чем предполагалось. Отбрали сто самых лучших.

В апреле в новой школе начались занятия. Ребята изучали введение в геологию, знакомились с минералами, занимались в лабораториях спектральных и химических исследований горных пород и руд, работали с радиометрическими и геофизическими приборами.

Инженер-геолог Геннадий Иванович Ярочкин рассказывает:

— Мы стремимся познакомить ребят с методами поисков полезных ископаемых, с минералами, с рудами, привить школьникам любовь к труду, к выбранной профессии.

Сейчас воспитанники школы находятся на полевой практике в геологоразведочных экспедициях, после чего они получают специальную форму и значок «Юный геолог».

В новом учебном году начнутся занятия по расширенной программе: общая геология, палеонтология, геофизика, гидрогеология, буровое дело. А летом снова полевая практика. Теперь уже выпускники станут работать в экспедициях младшими техниками.

Повезло будущим разведчикам недр. Занятия у них ведут лучшие специалисты Оренбургского геологического управления.

...Тихо в конференц-зале. Внимательно слушают Валерий Ивановченко, Жанна Игнатьева, Саша Мологин, Анна Черносова, Светлана Артемова, Евгений Бородин, Валерий Якубанец, Жанна Зайкина и их товарищи лекцию, кото-

рую читает главный геолог управления лауреат Ленинской премии Олег Федорович Родин. Ему есть о чем рассказать. Не одну тысячу километров исходил он в степях Казахстана и предгорьях Южного Урала, стал одним из первооткрывателей знаменитого Соколовско-Сарбайского месторождения железных руд.

Здесь же, в конференц-зале, висит огромная, чуть ли не во всю стену геологическая карта Советского Союза. На ней еще немало белых пятен. Может быть, кто-нибудь из тех мальчишек и девчонок, которые сидят в зале, летом пройдут по нехоженным тропам, обогатят Родину новыми открытиями.

А. ВЛАДИМИРОВ

* * *

В большой увлекательный поход по Среднему Уралу отправятся в конце июля члены географического кружка Свердловского Дворца пионеров. Экспедиционная группа получила задание от Свердловского управления по транспортному освоению и эксплуатации малых рек.

Поход начнется от города Нижняя Тура. Собрав краеведческие материалы, они пройдут вдоль берегов Выи до Качканарского водохранилища. Здесь проведут обследование береговой полосы и населенных пунктов, расположенных у водохранилища, выявят возможности транспортного освоения нового «уральского моря» — организацию механизированных переправ и регулярного движения катеров. Следопыты побывают в поселке Качканар, на горно-обогательном комбинате ознакомятся с перспективами гидротехнического строительства, спустятся на дно будущих «морей» (на реке Вые в ближайшие годы будет создано еще несколько новых водохранилищ). А затем многокилометровый поход до Конжаковского Камня.

Гидрографическое описание рек и водоемов, сделанное ребятами, принесет немалую пользу при решении вопросов транспортного освоения Качканарских водохранилищ.

Настоящая дружба связывает членов географического кружка «Глобус» и речников-изыскателей Управления малых рек. На общественных началах организованы курсы, где школьники Свердловска и следопыты Дворца пионеров изучали основы топографии и гидрологии, увлекательное дело речных изысканий, готовились стать разведчиками водных путей.

В. ГОЛОВКО

Приближается август — пора Третьего Уральского слета следопытов. Читателей и будущих участников слета интересует, где нынче он будет проходить.

С О О Б Щ А Е М:

III слет будет проходить в окрестностях города Кургана, на реке Тобол. Сбор отрядов-участников — 22 августа в городе Кургане, в помещении ОблДЭС.

Однажды нищий, найдя черствую корку, подошел к дверям харчевни. Ни разу в жизни он не ел жаркого, и тут, глядя на жаровню с шашлыком, от которого шел вкусный запах, он стал улетать свой хлеб.

Это заметил повар и, когда нищий хотел уйти, схватил его за руку и потребовал:

— Плати за шашлык!

— Дорогой, — взмолился нищий, — разве я ел твой шашлык, чтобы платить за него?

— Нет, — ответил повар. — Ты нюхал идущий от него запах и ел свой хлеб, и за это ты должен заплатить.

Сколько нищий ни умолял отпустить его, повар от него не отставал и, наконец, привел к судье.

Случайно там оказался и Молла. Судья выслушал жалобу повара и сказал Молле:

— Решить это дело я не берусь. Это — по твоей части.

— Этот бедняк твоего шашлыка не ел, — сказал Молла, — что же ты от него хочешь?

— Хотя он не ел, но зато нюхал, — ответил повар. — За это я и требую платы.

— Ты прав, братец, — решил Молла, — он должен заплатить.

Повар обрадовался, подумав, что Молла сейчас отберет у нищего несколько монет и отдаст ему.

Молла вытащил из кармана кошелек с деньгами и потряс его над ухом повара.

— Слышал? — сказал он.

— Что? — спросил повар.

— Звон денег.

— Слышал.

— Значит, вы в расчете. Теперь уходи.

— Никакой платы я не получил, — рассердился повар.

— Он смотрел на твой шашлык и нюхал. Ты видел кошелек и слышал звон денег. Вы в расчете.

Это, конечно, шутка, один из анекдотов Моллы Насреддина. А в действительности! Имеет ли звон вес, а запах питательность? С таким вопросом мы обратились к инженеру-физику и инженеру-химику.

Их ответы вы прочтаете ниже. А каково ваше мнение!

Известно, что звон бывает малиновый, серебряный. А если это так, то кажется, что он может иметь и различный вес. Но вы тут же возразите: «Звон — это звук, а звук — это колебания воздуха, воды или другого вещества; по которому передаются колебания. Значит, о весе звука не может быть и речи».

Действительно, веса у звука нет, но сила есть, да еще какая! Помните, в фильме «Закон — есть закон» сила звука вызвала горный обвал. Впрочем, не надо ездить в горы. Достаточно в кинотеатре пройти мимо громкоговорителя. Сила колебания воздуха такова, что у вас может упасть с головы шапка, если вы близко подойдете к репродуктору.

Сила звука широко используется в технике. Например, для очистки загрязненных деталей, которые не отмыть никакой мочалкой. Их погружают в ванну, включают излучатель звука — своеобразный колокол, приводимый в движение электричеством, — и мельчайшие частицы грязи уничтожаются. С помощью ультразвука производят пайку алюминия. Можно даже сваривать тугоплавкий металл.

Многие из вас встречались с полезной силой звука в быту: стирали белье вибрационным стиральным прибором. Чудодейственный звук помогает даже в сельском хозяйстве. Опыты показали, что кукуруза на озвученном участке растет быстрее, чем на точно таком же участке, но без музыки.

Второй вопрос. Может ли запах иметь питательность, вызвать чувство насыщения? Это было бы здорово! Не надо ничего варить: запах прямо по трубопроводам в готовом виде приходит в квартиру: с утра — запах кефира и яиц, в обед — биштекса и компота, а вечером — запах кофе. Ничего не надо жевать: нюхаешь — и сыт!

Но, к сожалению, запахом нельзя быть сытым. Запах прямо воздействует на один из наших органов чувств — обоняние и сигнализирует человеку о наличии пищи, о ее вкусе и качестве.

Нельзя установить какую-нибудь жесткую связь между калорийностью пищи — единственным показателем насыщения организма и ее запахом, цветом, твердостью и другими свойствами. Но, допустим на мгновение, что запах насыщает! Как долго нужно тогда нюхать, чтобы быть сытым! Человек за сутки перегоняет 15—20 кубических метров воздуха. Даже если этот воздух будет максимально насыщен, например, какой-либо жидкостью, то в 20 кубометрах его будет содержаться только стакан влаги. К тому же организм человека устроен так, что вдыхаемый им воздух попадает только в легкие. А как говорил Суворов, «путь к сердцу солдата лежит через желудок». Так что в столовую, где кормят запахом, вряд ли кто согласится идти обедать.

К. САКСЕЕВ, инженер-физик

Если взять, например, килограммовую гирю, то в разных местах земной поверхности она будет иметь разный вес.

Так, эта гиря на пружинных весах на уровне моря и на широте 45° будет показывать вес в килограмм. На экваторе она станет легче, а на

ВЕС, А ЗАПАХ ПИТАТЕЛЬНОСТЬ?

полюсах тяжелее. В безвоздушном пространстве или на орбите одного из спутников Земли все тела не имеют веса.

На все тела, находящиеся у поверхности Земли, действует сила земного притяжения, сила тягущая или, как ее обычно называют, вес.

А что собой представляет звон? Это прежде всего звук — механические колебания и волны различных частот, распространяющиеся в любых материальных средах: в газах, жидкостях и твердых телах. Источником звука может быть любой процесс, вызывающий местные изменения давления или механические напряжения. Например, натянутая тетива лука, колебание диффузора громкоговорителя, звонок. Когда в воздухе распространяется звуковая волна, в нем образуются сгущения и разрежения. При этом отдельные частицы воздуха не перемещаются вместе со звуком. Они только колеблются, попеременно смещаясь вперед и назад на очень небольшое расстояние. Эта звуковая волна несет с собой определенную часть энергии в направлении своего движения. Доходящие до нас изменения давления воздуха приводят в колебание барабанную перепонку уха. Чем больше величина этих изменений, тем громче звук. Величина звукового давления непосредственно связана с интенсивностью звука, и для слышимых звуков это давление очень мало. Например, для разговора средней громкости оно составляет около одной тысячной грамма на один квадратный сантиметр. Такое давление оказывает комар, сидящий на листочке, плавающем на поверхности воды. При использовании современных мощных источников звука (ультразвука) можно получать звуковые давления в несколько десятков атмосфер. Значит, в этом случае можно говорить, что звон (звук) имеет вес.

Теперь о запахе. Когда мы говорим о питательности продукта, то имеем в виду его способность насыщать живой организм.

Пища человека должна содержать определенное количество калорий. В состав ее входят белки, жиры, углеводы, витамины, минеральные соли и вода. Кроме того, большую роль играет аромат, запах продуктов питания.

Естественные раздражители наших органов обоняния — молекулы пахучих веществ.

Раздражение пахучими веществами может вызывать изменения физиологического состояния всего организма, в первую очередь, как показал И. Н. Павлов, путем условных рефлексов. Под влиянием запахов может изменяться частота и глубина дыхания, газообмен, уровень кровяного давления, деятельность органов пищеварения, чувствительность зрения и слуха.

Для живых организмов при их жизнедеятельности характерна трата значительного количества энергии, которая должна более или менее быстро восполняться за счет поступления значительного количества питательной массы. Поэтому «газовое» питание, в котором концентрация питательных веществ слишком мала по сравнению с «жидким» питанием, будет явно недостаточным.

Вполне вероятно, что в других условиях, на других планетах, мирах, где имеется более плотная атмосфера, состоящая в основном из газов — метана, аммиака возможен основной «газовый» питательный обмен для организмов.

В наших же земных условиях «газовое» питание характерно для растений и некоторых микроорганизмов. Они малоподвижны и могут наряду с растворами солей добывать для своего развития питательные вещества из воздуха.

А. МАКСИМОВ

БУЗУЛУК — ПРАГА

Старинный уральский городок Бузулук считается колыбелью Чехословацкой Народной Армии. В годы Великой Отечественной войны здесь был сформирован первый воинский батальон (позднее он вырос в отдельную бригаду, а затем в корпус). Командовал им Людвиг Свобода.

Хорошую память о себе оставили чехи. Они не только готовились к боям, но и помогали населению города. Сандружинницы батальона лечили детей, саперы строили новый мост через реку Самару, устанавливали прибывающее оборудование для завода имени Кирова. В течение трех недель весь батальон в Бузулукском районе

убирал созревший на полях урожай.

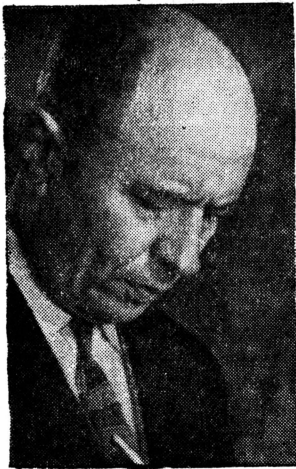
Славный путь прошли воинские друженственные страны. Они участвовали в боях под Харьковом, освобождали Киев и Белую Церковь. В сражении под селом Соколово, где состоялось первое боевое крещение батальона, смертью храбрых пал подпоручик Откар Ярош. Ему первому из граждан других государств было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. На родную Чехословакию воинское соединение вступило, неся на знамени ордена Кутузова I степени и Суворова II степени. Звания Героя Советского Союза уже получили Сохора, Нелепко, Вайда и Тесаржик. Командир батальона Людвиг Свобода стал генералом армии. Ему вручили орден Ленина и орден Суворова I и II степени.

Давно отгремели сражения... Но в социалистической Чехословакии до сих пор помнят старинный русский городок Бузулук. Именем его назван завод в Комарове. Чехословацкие друзья из бригады «Электрон» этого предприятия сообщили на завод тяжелого машиностроения имени Куйбышева в Бузулуке, что они решили бороться за звание бригады имени XII съезда компартии Чехословакии. Бузулукские машиностроители прислали в Комаров небольшую посылку. В ней — красный вымпел, на котором золотом вышиты серп, молот и звезда.

Частенько в город приезжают те, кто двадцать два года назад создавал здесь первый чехословацкий воинский батальон.

В. ПРОЛЕТКИН

ЧЕЛОВЕК ИДЕТ

Находка

На улице Горького, напротив Брюсовского переулка, когда-то, до передвижки домов и расширения проезжей части, был букинистический магазин. В подвале его, где разместился отдел технической книги, я мог часами рыться на полках, нередко откапывая для себя какую-либо чудную находку.

Так случилось и на сей раз. В июле 1936 года на дальней полке, под папкой последних поступлений, предо мною мелькнуло заветное название:

Проф. В. Е. Ляхницкий. «Синий уголь». Брошюра была издана Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР в 1926 году.

О ней я впервые услышал от профессора Михаила Михайловича Гришина, когда в перерыве между лекциями спросил его, как он относится к тому, чтобы заняться проблемой использования энергии морского прилива. На эту мысль меня, студента гидротехнического факультета Московского инженерно-строительного института, натолкнула заметка, опубликованная в «Правде», о строительстве приливной электростанции в заливе Фанди — на границе США и Канады.

В те дни вся наша страна в едином порыве складывала фундамент социалистической индустриализации. Только недавно был пущен Днепрозэс. Гидротехники готовились к штурму одной из величайших рек мира — Волги. Каждый из нас, студентов-гидротехников, мечтал участвовать в каком-нибудь крупном строительстве.

Мы с увлечением слушали лекции профессора Ф. Ф. Губина об использовании водной энергии. Он недавно вернулся из длительной командировки в США и, приходя на лекцию с пухлым

портфелем, туго набитым чертежами американских ГЭС, обстоятельно рассказывал нам о грандиозных по тому времени проектах электростанций Боулдер Дэм и Гренд Кули.

Дух захватывало при мысли, что нам предстоит создать еще более величественные сооружения.

Ведь именно наш профессор М. М. Гришин выступал на страницах «Правды», на диспутах и заседаниях экспертных советов, доказывая преимущества Камышинского створа первой большой Волжской ГЭС. Этот вопрос тогда решался в Правительстве, и мы с волнением ждали окончательного выбора.

Так судьбы страны переплетались с судьбами каждого из нас. Нам предстояло проектировать и строить эту и многие другие величайшие ГЭС.

Вот в это-то время я и подошел к профессору, которого уважал не только как специалиста, умудренного большим опытом и знаниями, но и как человека благородной души.

Михаил Михайлович, привыкший ко всяким нашим вопросам, на сей раз даже остановился, минуту помедлил и сказал, что над этим надо подумать. Дело, конечно, не простое. Современная гидротехника, особенно морская, может осуществить большие дамбы и плотины для перекрытия заливов, но сделать это в открытом море, да и в условиях наших морей при воздействии льда, сложно и недешево. Оправдывается ли все экономически? А энергетическая сторона задачи? Тут еще больше нерешенных вопросов.

— Однако,— сказал Михаил Михайлович,— я помню, что над этой проблемой задумывался Валерий Евгеньевич Ляхницкий. Была даже его брошюра. Найдите ее...

Энергия прилива

И вот книга Ляхницкого у меня в руках. По дороге с нетерпением перелистал ее страницы, а дома, не отрываясь, прочел от корки до корки.

В книге сжато описывались природа прилива и различные проекты использования его энергии. Читал запоем.

Печатается с сокращениями.

Издательство «Уральский рабочий» приносит читателям «Уральского следопыта» свои извинения за допущенную в этом номере ошибку.

По вине типографии вклейка «Даем адреса романтикам!» вшита после 32 страницы вместо 16.

ДАЕМ АДРЕСА

По самым скромным и осторожным подсчетам запасы газа в Тюменской области определены в несколько триллионов кубометров, а запасы нефти исчисляются многими миллиардами тонн.

РОМАНТИКАМ!

7000 километров с запада на восток, 3500 — с юга на север. Велик этот край романтиков, мужественных людей, край несметных богатств и поистине сказочных перспектив. Имя ему — Сибирь. А начинается он здесь, в Зауралье, в Тюменской области.

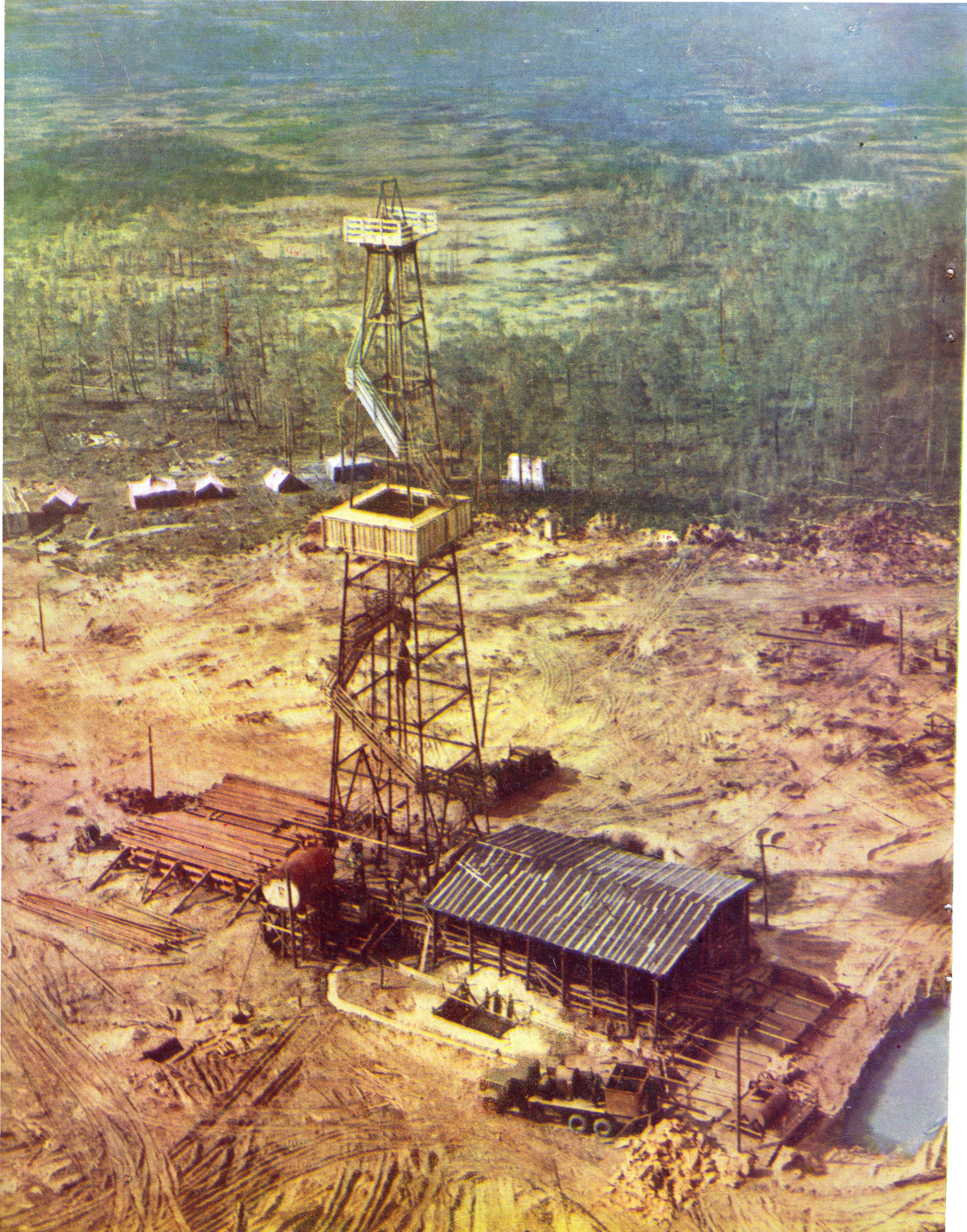
Еще немногим более десяти лет назад скептики уныло махали руками:

— Ничего тут, кроме тайги и болот, нет. Никакой нефти.

А 23 сентября 1953 года около села Березова ударил первый газовый фонтан. Сегодня отсюда на Урал уже тянется нитка строящегося газопровода. Уже дают стране «для начала» сотни тысяч тонн сибирской нефти тюменские промыслы. Нефть и газ — хлеб химии. А химия — основа дальнейшего развития сельского хозяйства и промышленности.

Вот что значит сибирская нефть. И потому все дальше уходят в тайгу экспедиции.

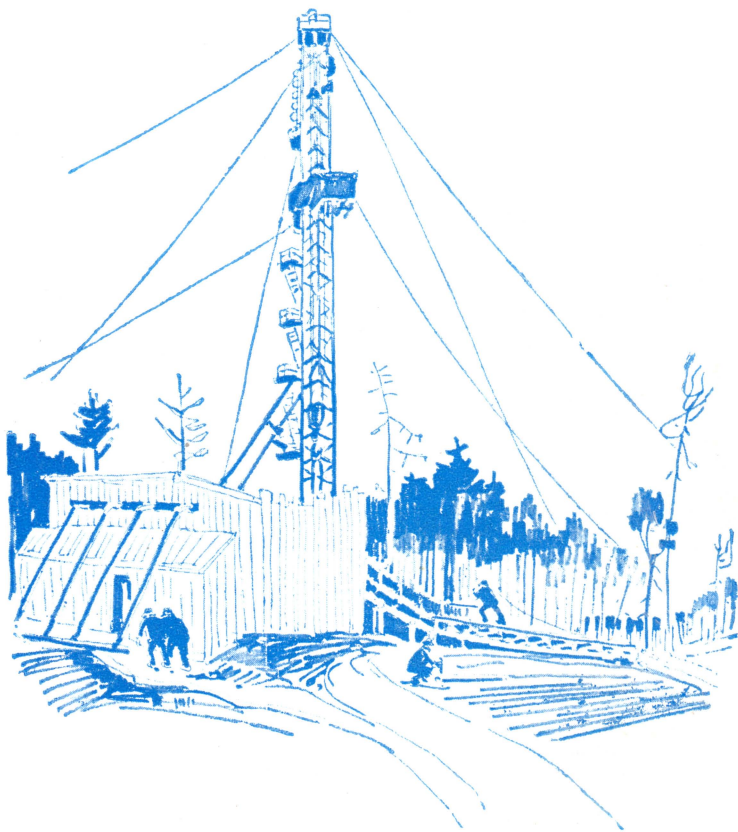
То тут, то там поднимаются буровые вышки. Днем и ночью гудят моторы. Геологи ведут последнюю, самую неопровержимую проверку данных геодезистов и геофизиков, заявивших: «Здесь есть нефть!».

И вот с глубины 2180 метров забил нефтяной фонтан. Победа!

Эта веселая традиция пришла сюда с берегов Волги и Каспия от нефтяников Азербайджана, Татарии и Башкирии. Первой нефтью шутя мазнуть того, кто принимал участие в работе.

Фото М. Редькина (ТАСС).

Тюменский художник М. Рогожнев, несколько рисунков которого публикуется на этой странице, рассказывает:

— Дорога, змеящаяся вдоль трассы газопровода Иgrim—Серов, резко сворачивает в сторону. На табличке-указателе надпись: «На Кубу». Что такое! Откуда это название на севере, у шестьдесят третьей параллели!

Вскоре все объясняется. Здесь работают сейсморазведчики. Их лагерь — небольшой островок в океане тайги. А все они очень любят героев острова Свободы.

Сейсморазведчики приходят в тайгу за геодезистами. Они «прослушивают» земные глубины, и с их работой связаны крупные открытия в Западной Сибири.

Нелегкие здесь дороги, нет столько солнца, как у экватора, в Карибском море, но живут здесь такие же смелые и романтические парни, как на Кубе.

КЩЕМ

Записки инженера

Кандидат технических наук Лев Борисович Бернштейн — автор проектов первых приливных электростанций в нашей стране. Одна из них — Кислогубская — в ближайшие годы должна войти в строй. Путь от проекта до действующей станции был сложным и трудным. Об этом и рассказывает Л. В. Бернштейн в своих «Записках».

Рисунки М. Заводчикова.

Дальше по закону «цепной реакции» у меня на столе появились другие книги, статьи, учебники. Постепенно в сознании вырисовывалась общая панорама всей проблемы.

Тысячелетиями человек наблюдал величественное зрелище океанских приливов, когда могучие силы космоса заставляют гигантские массы воды каждые 12 часов 25 минут наступать на сушу и откатываться обратно. Подчиняясь этим силам, уровень океана периодически поднимается от нескольких сантиметров до пяти, десяти, а в некоторых местах даже до пятнадцати метров.

Непостижимой казалась тайна этого явления в далеком прошлом. Отчаявшись проникнуть в нее, люди древности назвали ее «могилой человеческого любопытства».

Шли века, и разум человека от робких догадок о связи прилива с фазами Луны перешел к научному постижению причин этого явления. И сегодня каждый мореплаватель вооружен таблицами, из которых он может узнать высоту прилива на любой день и час в любой точке побережья мирового океана.

Но если наука познала природу прилива, то использовать его могучую энергию оказалось труднее. Ни в одной области техники, пожалуй, не предлагалось такого количества остроумных проектов. Но ни один из них не оказался приемлемым.

Причины неудач крылись в одном: в неравномерности и прерывистости приливной энергии. Эта неравномерность казалась неопределимой. Почти повсюду прилив в течение суток четыре раза меняет свое направление, плавно нарастая от нуля до максимума и снова спадая до нуля.

Да и в течение месяца приливы тоже меняют свою величину в зависимости от видимости лунного диска. Во время, близкое к полнолунию, они становятся наибольшими. Луна на ущербе — и они затухают. Понятно, что человек, живущий в ритме солнечного времени, не может потреблять энергию, которая будет пульсировать по законам лунного времени. В этом случае может получиться так, что приливная электростанция выдает наибольшую мощность в ночные часы, когда потребность в энергии минимальная.

Проектанты приливных электростанций предлагали делить бассейн электростанции на две или три части и поочередно включать их в работу после того, как прилив наполнит их. (Еще в 1890 году во Франции инженер Декер разработал такой проект для устья реки Сены). Предлагали рядом с приливной строить речную гидростанцию с насосами, чтобы одна «выручала» другую, подкачивая воду из моря, когда идет прилив, но нет потребности в его энергии.

Такие проекты пытались даже осуществить. В 1928 году около Бреста, во Франции, начали строить станцию Абер Врак. Американцы задумали и уже начали сооружать станцию Кводди. Но о дальнейшей судьбе этих строек ничего не было известно.

Как же обстоит дело с приливной энергией у нас? Как ни скудны были в то время данные, известно, что во многих пунктах Беломорского и Охотского побережий приливы равны или даже выше приливов Пассамакводди, где американцы строили электростанцию...

Идея увлекла меня, но возникло множество разных вопросов. Как нам надо идти? Для того чтобы во всем разобраться, следовало основательно изучить проблему, да и не только проблему, но прежде всего основные и специальные дисциплины, которые читались на гидротехническом факультете.

Страда

С тех пор в моей студенческой жизни наступила сплошная страда. Я зарылся в книги, расчеты, проекты. Весь курс наук, читавшихся на

Путь в Мезень, 1940 год.

нашем факультете, изучал дотошно, изыскивая в нем элементы, нужные для решения задачи.

Сейчас, когда вспоминаю эти годы, задача, которую я себе ставил тогда, кажется мне дерзкой и не соответствующей моим тогдашним знаниям. Но молодость сильна тем, что не робеет перед величием задачи. Ей все кажется по плечу.

И вот потому в год окончания института, после многих раздумий и поисков, мне показалось, что работа созрела и можно вынести на суд коллектива своих сверстников и учителей проект первой советской ПЭС — приливной электростанции, который станет темой не только моего диплома, но и целью дальнейшей жизни.

Однако перед тем как официально оформить тему диплома, я решил проверить свои предположения в реальных условиях. Для этого надо было выбрать место, или, как говорят специалисты, «створ», где может быть построена такая станция.

Но как это сделать молодому человеку, не имеющему даже диплома инженера, не говоря уже об имени и авторитете? По карте и с помощью знаний общей экономики страны нетрудно было решить, что начинать надо не с Охотского моря, где еще слабо развита промышленность и мало населенных пунктов, а на Мурманском побережье, о котором также писал В. Е. Ляхницкий. Здесь и море не замерзает, и много рыбацких становищ, нуждающихся в электроэнергии будущей ПЭС.

Предстояло решить лишь один практический вопрос: где найти средства, чтобы обойти все Мурманское побережье в поисках бухты, удобной для сооружения станции.

В июне 1938 года группа дипломников гидротехнического факультета выехала на экскурсию по северным гидроэлектростанциям — Ленинград, Свирь, Кондопога, Тулома. Когда маршрут был окончен, из шестнадцати участников экскурсии в вагон «Полярной стрелы», уходящей в Ленинград, сели только пятнадцать. Шестнадцатый, я, остался в Мурманске.

Впереди каникулы. Последние студенческие каникулы. Я стою на перроне взволнованный и немного грустный. Здесь впервые решил раскрыть друзьям свою «тайну».

Студенты — народ скептический. Если как следует не докажешь, засмеют. И вот я вижу, как некоторые задумались, некоторые удивились, а перед самым отходом поезда — в минуту расставания всегда говорится искренне — Ира Титова дружески воскликнула: «Левушка, брось ты это, едем с нами домой!».

Поезд ушел, и я остался. Впереди был океан — таинственный, никогда не виданный. И мечта: покорить его.

С чего же начать? Как приступить к делу «покорителю энергии океана», в кармане у которого всего лишь скромная студенческая стипендия?

Молодой инженер-энергетик М. И. Зархи, работник «Кольнерго», внимательно выслушал мои пока еще сырые идеи. Он был хорошо знаком с энергетикой Кольского полуострова и знал, какую острую потребность в энергии испытывают

поселки побережья. Поэтому посоветовал мне обратиться к местным организациям за помощью.

Но идти туда с голыми идеями я не решился. Вот посмотрю на месте, прикину и, когда выяснятся реальные предложения, тогда и пойду.

По совету жившего тогда в Мурманске большого знатока Кольского полуострова географа профессора В. П. Воцинина пошел в Полярный институт океанографии и рыбного хозяйства.

На большом столе предо мною — груда морских карт. Вот это да! Торопливо записываю в блокнот названия и характеристики заливов и бухт, удобных для устройства станций. Теперь меня уже трудно удержать. Скорее туда, в море, чтобы увидеть, обследовать и решить все на месте!

Очарованный странник

В рыбном порту капитан маленького моторного ботика «Прибой», который должен развезти по побережью товары, охотно согласился взять на борт студента.

И вот в один из дней полярного лета «Прибой» выходит из Кольского залива. Голые гранитные скалы расступаются — впереди Ледовитый океан. Безоблачный небосвод сливается с темно-синим морем.

Вал за валом катятся высокие волны, как бы играя, нагоняют друг друга и рассыпаются в каскаде брызг. Качнув наше судно, они бегут дальше, к скалистому, почти отвесному берегу и с ревом набрасываются на него.

В просторе океана мысли летят свободно и широко. Я чувствую, что вступаю в жизнь, что нашел свое место и призвание и теперь знаю, с чего начать. Нужны не отрывочные наброски и предложения — следует дать стройную схему электрификации всего Мурманского побережья.

Здесь надо разумно сочетать речные и приливные энергоресурсы. А для этого придется обойти все побережье — от Святого Носа до финской границы. Надо облазить скалы, где каскадами бегут горные ручьи и, низвергаясь через пороги, вытекают в море мощные реки, где море заходит в фиорды узкими заливами. Их можно будет перекрыть небольшими плотинами и создать бассейн приливных электростанций.

Так составил план разведки побережья. Я должен был расстаться с гостеприимным «Прибоем».

В Териберке сошел на берег и начал рекогносцировку. Обследование бухты показало, что создать здесь бассейн ПЭС гораздо труднее, чем использовать большой водопад, находящийся неподалеку от поселка. Здесь можно построить хорошую ГЭС на реке.

Такое же «разочарование» принесли мне и губа Долгая, и устье реки Вороньей. Путь к ним оказался нелегким, но его скрасила приветливость жителей этих суровых мест — рыбаков. Всюду меня встречали тепло, давали приют и сопровождали по известным только им еле заметным оленьим тропинкам к водопадам рек и ручьев побережья.

Из поселка Гаврилово по реке Вороньей рыбаки доставили меня на шлюпке к Голицынской плотины водопаду. Обследовав его, я убедился, что силу его также хватит на хорошую ГЭС, которая

с излишком обеспечит нужды всех близко расположенных рыбацких поселков. В Порчницах и Дальних Зеленцах оказались удобные, закрытые от морского волнения бухты, где можно было бы создать небольшие приливные электростанции.

Дальше были новые речки и бухты, ручьи и рыбацьи становища. Нашлось прекрасное сочетание двух относительно больших заливов — Ивановской и Дроздовской губы. Но куда девать такое большое количество энергии, которое можно получить здесь от прилива? В Иоканге тоже хорошее сочетание приливной и регулирующей ГЭС. Но куда и здесь направить десятки тысяч киловатт энергии?

Дальше на восток по карте был облюбован Лумбовский залив, но он для сегодняшних целей еще более грандиозен, и потому я с радостью воспользовался попутным рейсом бота, шедшего из Иоканги прямо в Озерко, то есть на самый западный пункт моего маршрута.

Угрюмые, почти голые скалы полуострова Рыбачьего, переходящие в низину на перешейке полуострова Среднего. По карте казалось, что тут удобное место для сооружения небольшой ПЭС. Но вскоре убедился, что плотина в несколько сот метров будет стоить дороже, чем сооружение малой ГЭС на ручье Корабельном, круто спадающем в море у самого залива.

Полноводные реки Титовка и Западная Лица, низвергаясь в море каскадом водопадов, тоже таят в себе большую энергию для будущего. Места для небольшой опытной ПЭС, необходимость постройки которой в ближайшие годы можно было бы обосновать на Западном Мурмане, так и не находилось. Оставалось обследовать губу Кислую, что впадает в Ура-губу, неподалеку от Кольского залива.

Моторный бот входит в фиорд Ура. На его южном берегу голые скалы образуют еле заметный пролив. Судно подходит близко к проливу и, подхваченное течением огромной силы, засасывается в него. Руль не может справиться с течением. Скалы сходятся все ближе, и кажется, что мы неминуемо налетим на них. Но стремительный поток за полминуты пронесит нас через «горло», и судно выходит в широкий, окруженный отвесно падающими скалами водоем, где спокойно плещутся чуть заметные волны морской воды. Это — губа Кислая.

Поднимаюсь на высокий берег. Отсюда открывается прекрасная панорама залива и гор, окружающих его. Внизу бурлит, играя водоворотами и стрелами струй, поток, вытекающий из бассейна губы Кислой.

Несколько часов наблюдаю за ним. Но вот он чудодейственно замирает и останавливается: полный отлив. В это время успеваю рассмотреть сквозь чистую зеленовато-прозрачную воду океана русло правильной формы.

Через несколько минут поток просыпается, и с нарастающей силой возникает течение — в обратном направлении стекают миллионы кубометров воды, зашедшей в губу с приливом.

На побережье я изучил десятки рек и морских заливов. Во многих из них возможность сооружения приливной электростанции надо будет доказать. Но здесь, в Кислой, доказывать не придется. Здесь все ясно.

Тут природа создала благоприятное сочетание условий. Ею выполнена сложная работа по сооружению плотины. Вернее, плотины вовсе не потребуются. В узкой части горловины встанет

здание ПЭС. Во время прилива станция будет работать на напоре с морской стороны, во время отлива — со стороны губы.

Тщательно изучаю залив. По характерной полосе, которой море опоясало скалы, удалось установить, что прилив за шесть часов успевает заполнить губу до вершины, и наибольшая высота его достигает примерно четырех метров.

Как же определить мощность прилива, его потенциальную энергию? Для реки эта задача решается просто, она описана во всех учебниках: нужно расход воды в секунду умножить на десятикратный напор.

Но как быть с приливной электростанцией? Методов ориентировочного подсчета возможной мощности водотока тогда не существовало, а определить ее нужно было сейчас же, вот тут, стоя у Кислой. Как быть?

В руках у меня морская карта. По ней определяю площадь зеркала — 1 квадратный километр. Если она заполняется на 4 метра, то, стало быть, общий объем воды составляет 4 миллиона кубометров. Так как это происходит за 6 часов 12 минут, или 22 320 секунд, то средний секундный расход составит 200 кубометров в секунду. Принимаю условно напор, действующий на турбину, равный 1 метру. По аналогии с рекой увеличиваю его в десять раз, умножаю на секундный расход и получаю мощность: 2 тысячи киловатт.

Обошел все поселки района, прилегающего к Кислой. Оказывается, для освещения, привода моторов рыбзавода и ремонтных мастерских требуется значительно меньшая мощность. Куда же девать остальную энергию? И тут вспоминаю про штабеля дров, которыми заваливают все поселки, привозя их из далеких карельских лесов. Вот прекрасное экономическое обоснование приливной электростанции: отопление. Это такой потребитель, который не нуждается в непрерывной мощности.

Но остается еще задача: как обеспечить энергию для электроосвещения и моторных нагрузок? С помощью рыбаков отыскал горную

речку Гремиху. Она вытекает из озера, расположенного неподалеку от моря на высоте 50 метров. Здесь встанет вспомогательная станция. Получилась схема «приливной-регулирующей ГЭС», строительство которой может быть обосновано и оправдано экономически уже сегодня.

Эту схему набрасываю в кубрике моторного бота, который весело «топает» в Мурманск. Теперь каждая цифра, каждый штрих схемы «заиграл», и у меня такое ощущение, будто нашел золотую россыпь или залежь редкого элемента, и вот сейчас несу этот подарок людям.

Ясно, что начало положено верно. Завтра я могу явиться в областные организации и доложить им не просто «взгляд и нечто», а заметки реального решения.

Мысленно снова прохожу по всему побережью. Из многих десятков рек, ручейков и морских заливов, обследованных за эти дни, в сознании формируется ясный, четкий план электрификации всего побережья.

Целая сеть небольших гидроэлектрических станций, обуздавших каскады отвесно падающих в море ручейков и силу океанского прилива, даст в изобилии дешевый свет и тепло.

С этими мыслями я спустился в кубрик и, сразу почувствовав усталость от трехмесячного «штурма», свалился на свободную матросскую койку.

Проснувшись утром и вспомнив про свои планы доклада в областных инстанциях, я заметил, что не могу это сделать, так как костюм мой и ботинки пришли в полную негодность. Выручила команда бота — одели меня в «парадную форму» и отправили на берег.

Через несколько дней в кабинете управляющего трестом «Мурманрыба» Н. Е. Скорнякова на заседании с участием специалистов был заслушан мой доклад о «плане электрификации рыбопромышленных поселков побережья и строительства опытной приливной электростанции в губе Кислой».

А вскоре снова Москва. Вместе с профессорами института Ф. Ф. Губиным и Н. Н. Джунковским проверяю все свои расчеты. 19 сентября 1938 года мой план доложен товарищу А. И. Микояну. Им дано указание тщательно изучить намеченные створы и начать проектировать первую станцию в губе Кислой. Ассигнованы необходимые средства для изысканий.

Изыскания начались

Вероятно, впервые в истории Мурманского побережья гидрологические и топографические работы пришлось вести в полярную ночь.

В Ленинградском отделении института «Гидроэнергопроект» мы составили программу изысканий и нашли еще двух энтузиастов-добро-

вольцев — инженера-гидролога В. С. Шмидта и техника Судейкина. В Мурманске к нам присоединились техники гидрометслужбы В. М. Эльман и И. И. Костырко.

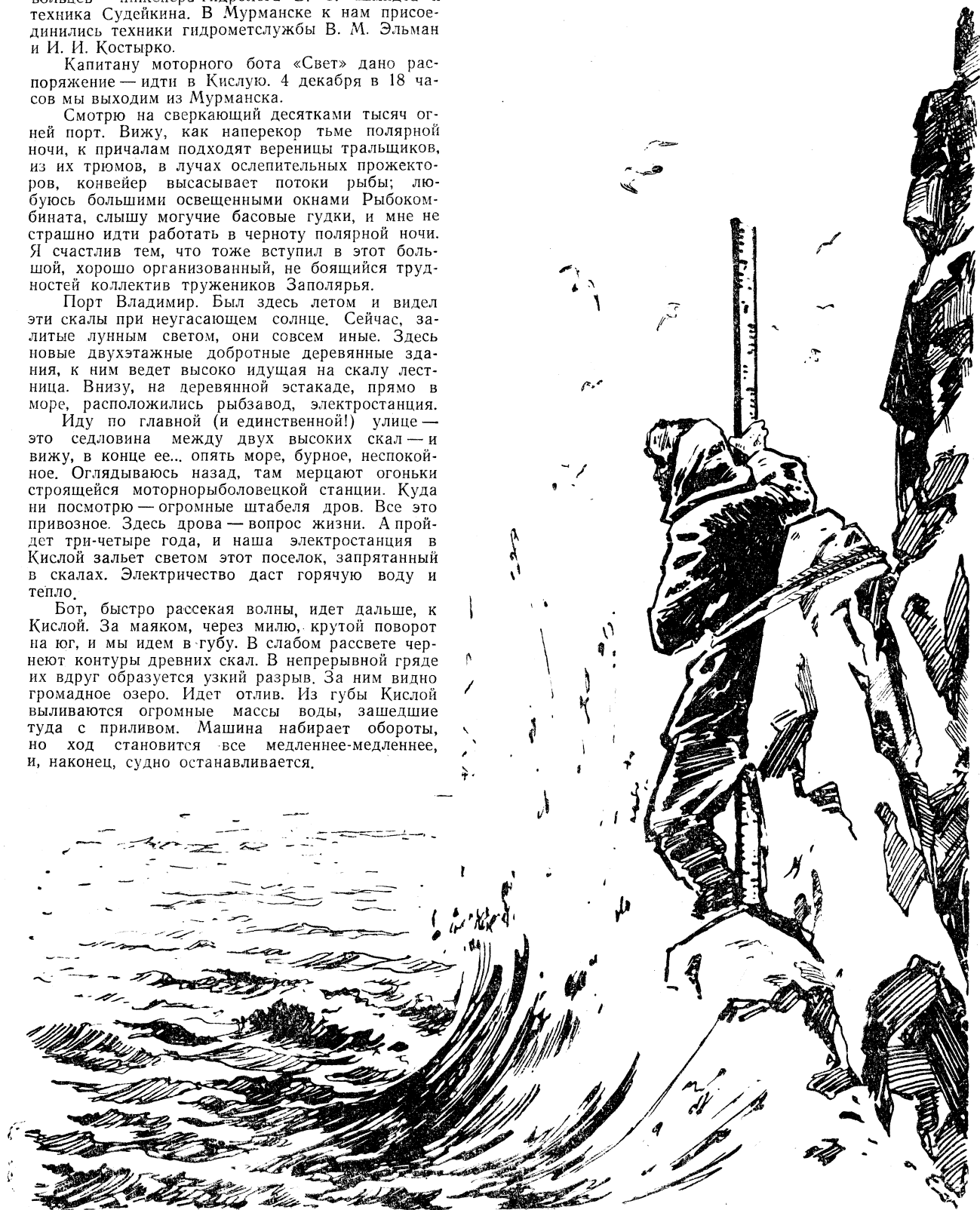
Капитану моторного бота «Свет» дано распоряжение — идти в Кислую. 4 декабря в 18 часов мы выходим из Мурманска.

Смотрю на сверкающий десятками тысяч огней порт. Вижу, как наперекор тьме полярной ночи, к причалам подходят вереницы тральщиков, из их трюмов, в лучах ослепительных прожекторов, конвейер высасывает потоки рыбы; люблюсь большими освещенными окнами Рыбокомбината, слышу могучие басовые гудки, и мне не страшно идти работать в черноту полярной ночи. Я счастлив тем, что тоже вступил в этот большой, хорошо организованный, не боящийся трудностей коллектив тружеников Заполярья.

Порт Владимир. Был здесь летом и видел эти скалы при неугасающем солнце. Сейчас, залитые лунным светом, они совсем иные. Здесь новые двухэтажные добротные деревянные здания, к ним ведет высоко идущая на скалу лестница. Внизу, на деревянной эстакаде, прямо в море, расположились рыбзавод, электростанция.

Иду по главной (и единственной!) улице — это седловина между двух высоких скал — и вижу, в конце ее... опять море, бурное, неспокойное. Оглядываюсь назад, там мерцают огоньки строящейся моторнорыболовецкой станции. Куда ни посмотрю — огромные штабеля дров. Все это привозное. Здесь дрова — вопрос жизни. А пройдет три-четыре года, и наша электростанция в Кислой залетит светом этот поселок, запрятанный в скалах. Электричество даст горячую воду и тепло.

Бот, быстро рассекая волны, идет дальше, к Кислой. За маяком, через милое, крутой поворот на юг, и мы идем в губу. В слабом рассвете чернеют контуры древних скал. В непрерывной гряде их вдруг образуется узкий разрыв. За ним видно громадное озеро. Идет отлив. Из губы Кислой выливаются огромные массы воды, зашедшие туда с приливом. Машина набирает обороты, но ход становится все медленнее-медленнее, и, наконец, судно останавливается.

Я смотрю на воду и вижу бешено рвущийся поток. Кажется, что мы летим вперед, но скалы неподвижны. Еще одно мгновение, и машина не выдерживает этого соревнования. Поток подхватывает наше судно и выбрасывает его обратно в море. «Свет» остановился на рейде на якорь, а мы высаживаемся на шлюпке на берег.

Приступаем к делу. Нужно осмотреть район будущих сооружений и наметить порядок наших изысканий. Мы должны произвести точные промеры всего горла, чтобы иметь возможность при проектировании передвигать здание в наиболее выгодный створ. Затем выбираем в горле участок, где нет водоворотов и течение наиболее правильное. Здесь будет гидроствор, то есть участок, где будут определяться скорости, необходимые для расчета расходов воды. Выбираем глубокое место, близко подходящее к берегу, чтобы установить мареограф — прибор, дающий на ленте запись хода приливной волны.

Возвращаемся на «Свет». Нужно изучить второй участок наших работ — у озера, впадающего в губу. Отлив кончается, течение замирает, и море милостиво разрешает нашему судну войти в залив.

Вскоре тишина угрюмых берегов, окружающих Кислую, нарушилась шумом работ нашей экспедиции. Звенят пилы, стучат топоры, и у берегов уже обрисовываются контуры ряжа. Его спускают в море, и он станет основой для будки мареографа. На противоположном кругом берегу, привязавшись к скале, стоит рабочий с рейкой — идет топографическая съемка.

В другом месте на берегу вырубает просеку для магистрали.

Самым трудным делом оказались гидрологические наблюдения. Во время малой воды, когда бурный поток в горле Кислой замер, с берега на берег перекинули трос и к нему закрепили шлюпку. С нее-то и вели вертушечные наблюдения. Нелегко было установить и мареограф.

Прошло несколько дней, и вот я сижу, слушаю мерный ход часового механизма в барабане мареографа. В будке тепло. Потрескивают дрова. Там, высоко в небесах, движется извечный спутник Земли — Луна. Она заставляет колоссальные массы воды совершать титаническую работу: под влиянием ее притяжения вода наступает из океана на сушу. За стенами будки свистит ветер, плещутся волны, идет могучий прилив, но здесь спокойно и только чуть слышно тик-такает механизм мареографа, а на ленте выписывается удивительно правильная кривая приливной волны.

Как ни уютно в этом маленьком «ковчеге», сердце невольно сжимается от мысли, что тут безвыездно останется на несколько месяцев наш наблюдатель Илья Александрович Штанников. Мы оставляем ему запас топлива и продовольствия и много разных мелочей, которые облегчают жизнь. Через несколько дней сюда приедет на шлюпке заборщик Плотников, доставит продовольствие и возьмет мареограмму.

...Через три дня получаю в Мурманске первый пакет с многочисленными сургучными печатями. Благоговейно вскрываю его и смотрю на длинную ленту приливной синусоиды. Эту линию пишет море. Сравниваю мареограммы, полученные в разных местах губы. Теперь ясен один из главных вопросов — приливная волна полностью заполняет залив.

Перед мысленным взором неотступно стоит

суровое ледяное поле Кислой, где живет один человек. Он воюет со льдом, пробивает колодез, согревает мареограф, бережно снимает эту ленту. По ледяным торосам и обледенелым скалам пробирается другой человек. Берет эти листки, складывает бережно в конверт и несет обратно через льдины, чтобы в шлюпке доставить их в Порт Владимир на почту.

Эти скромные люди ведут кропотливую, полную тревог и волнений работу.

Рождение проекта

7 февраля 1939 года, счастливый и взволнованный, явился в институт. В папке с собой — почти все необходимые материалы для реального дипломного проекта.

Теперь, наконец, можно с головой окунуться в привычную сосредоточенную работу.

Но, окунувшись, я понял, сколько трудных, подчас кажущихся не разрешимыми задач нужно решить в проекте.

Как зарегулировать энергию прилива, то есть как заполнять бассейны станции?

Мощность ее зависит от произведения количества воды, поступающей в турбину, на десятикратный напор. Передо мною мареограмма, снятая А. И. Плотниковым. Можно закрыть турбину (доступ воды в бассейн ПЭС) и ждать, пока прилив образует наибольший напор, равный полной высоте прилива, например, трем или четырем метрам. Но тогда за 6 часов 12 минут прилива станция будет работать всего полчаса!

Можно поступить иначе. Открыть турбину, как только образуется минимальный напор, необходимый для ее вращения, например, 0,5 метра. Время работы будет больше, но мощность турбины меньше.

Надо найти оптимальное решение, предположим, для производства наибольшего количества энергии. Такое решение задачи «на максимум» дает математика, но здесь оно не может быть получено, так как работа турбины (как и ход самого явления) прерывается.

После долгих поисков решение найдено: для каждого промежутка работы турбины отдельно! Так появляются графики работы ПЭС для всех характерных амплитуд прилива.

Немало трудностей пришлось преодолеть при подборе турбин. Надо найти такую турбину, которая сможет хорошо работать при очень малых и изменяющихся напорах. Часами со мною просиживает над решением этой задачи мой учитель профессор Н. М. Шапов. Наконец турбина подобрана. Наши заводы смогут дать ее!

Немало «творческих» мук потребовала конструкция здания станции. Принять типовой проект обычной гидроэлектростанции нельзя. Пришлось и здесь искать свое решение. Тогда я и не предполагал даже, что чертежи задуманной мною «сквозной» конструкции (позднее усовершенствованной) войдут впоследствии в учебники и обойдут многие журналы мира! Тогда это была лишь проба сил в студенческом проекте.

27 июня государственная квалификационная комиссия под председательством академика Б. Е. Веденеева с пристрастием рассматривает проект. Он получил высокую оценку. Но я знаю, что мне предстоит защитить его еще раз — перед приливной волной Баренцова моря.

Получая диплом, я одновременно получил путевку в «Гидроэнергопроект» Наркомата электростанций. Мне поручили руководить проектированием первой приливной электростанции.

Осень 1939 года. Бот «Свет» опять бороздит воды фьорда Ура. На будущей трассе электропередачи, в районе основной и регулирующей ГЭС, раскинулись палатки геологов, топографов, инженеров. Идут исследовательские работы и полевое проектирование. В будущем году здесь начнется строительство.

Я вижу эту станцию. У входа в губу Кислая, зажатое грозными скалами, высится стройное здание. Ритмично работают турбины.

Вижу раскинувшиеся по берегам фьорда Ура рыбкомбинат и десятки рыбацких домиков. Во тьме полярной ночи они приветливо светят промысловикам, идущим с далекого и бурного простора моря. Здесь в изобилии они получают свет и тепло от приливной электростанции. Этого еще нет, это мечта, но она будет скоро осуществлена.

Я думаю о том, как в наших условиях скачкообразно недавняя мечта претворяется в жизнь, и вспоминаю судьбу инженера Дефура — автора ряда замечательных проектов приливных станций. В течение многих лет он не может добиться у французского правительства разрешения на постройку опытной установки только потому что удобный для сооружения участок — собственность частной компании.

Первое испытание

Быстро пролетел год работы над проектом в секторе приливных электростанций, созданном при институте. В него пришли мои сверстники — Сергей Слисский, Муся Горелик, Валентин Саперов.

Со свойственным молодости энтузиазмом мы взялись за решение сложных задач создания новой конструкции. Умудренные опытом, солидные инженеры института дружески пришли нам на помощь. Они приняли за основу всех разработок мой дипломный проект, но... и внесли много своего.

Они усилили его конструктивные элементы. Правда, в этом усилении сказались дань силе привычки. Так, изящная, ажурная конструкция здания, предложенная в моем дипломе, обрастала и набухала бетоном, принимавшимся без расчета «по конструктивным соображениям». И однажды, прикинув для себя объемы работ, я понял, что преимущество Кислогубского проекта перед речной ГЭС, которую можно построить на ближайшей реке, было утрачено. Он стал дороже проекта речной ГЭС.

Это обстоятельство, как дамоклов меч, денно и ночью висело надо мной. Я мучительно искал выход и, казалось, нашел его.

Губа Кислая соединена небольшой протокой с двумя озерами — Пресным и Глубоким. Достаточно лишь немного, на глубину четырех метров, расчистить протоку, чтобы площадь губы, а следовательно, и выработка электростанции увеличились в два раза. Такое решение значительно улучшило экономические показатели проекта. Но все же обычная речная ГЭС стоила дешевле.

Однако теперь это удорожание стоимости Кислогубской ПЭС по сравнению с речной гидро-

электростанцией было не так велико, и мне представлялось, что его причина не в принципиальной дороговизне приливной энергии, а просто-напросто в малом масштабе установки. Поэтому дальнейшая задача состояла не в том, чтобы «очищать» проект от запаса прочности. Нельзя требовать получения экономического эффекта от первой маленькой установки, которая должна служить опытом для сооружения больших ПЭС. Главное экономическое обоснование Кислогубской ПЭС — это показать перспективу, возможность сооружения на берегах СССР мощных и сверхмощных приливных электростанций.

Чтобы рассказать обо всем этом, не теряя ни минуты, в первоммайский праздник я был уже в Ленинграде на квартире у профессора И. В. Егиязарова — эксперта проекта.

— Да, это моменты существенные, и в своем заключении я не мог их полностью учесть, так как вы и сами о них ничего не сказали в записке. Но это все поправимо, — сказал мне профессор.

Иван Васильевич понимал, что от его заключения во многом зависит судьба проекта и дальнейшее продвижение всей проблемы, которой он симпатизировал. Поэтому обратно в Москву я ехал с развернутым заключением эксперта, где давалась доброжелательная оценка проекта и перспективного значения проблемы.

На работу я явился с опозданием на четыре часа...

Увы, этого оказалось достаточно, чтобы уволить человека.

Увольнение перед защитой проекта казалось трагедией. Все мои уговоры и мольбы не повлияли на директора. «Я не могу допустить к защите проекта человека, не являющегося нашим сотрудником, тем более, что защищать проект согласился один из работников вашего сектора», — заявил он.

Как можно оторвать от меня мое детище, плод всех моих помыслов и сил?! Мне казалось, что только я могу спасти его от огня критиков, экспертов, недругов, которых немало было у проекта, как всегда бывает у нового дела.

И вот настал день боя. Мне разрешили присутствовать на защите, раздать членам заседания свой меморандум в ответ на заключения экспертов. К этому заседанию я готовился, как солдат к атаке. На мне — чистая накрахмаленная рубашка и парадный костюм.

Размеренным, бесстрастным голосом зачтены заключения. В них признавалось правильным техническое решение проекта, но отмечалась экономическая необоснованность.

«Гораздо выгоднее, — говорили критики, — отказать от сочетания приливной и регулирующей гидроэлектростанций и построить одну регулирующую ГЭС на реке Гремихе».

Самым печальным оказалось то, что эту мысль подал не кто иной, как защищавший проект. Такая «защита» сняла все споры. В своем выступлении я говорил, что дороговизна Кислогубской ПЭС объясняется ее малой мощностью, привел много доводов о будущем приливной энергии, о целесообразности «заплатить за опыт», и все же, несмотря на страстность этой «лебединой песни», она не спасла проект. Единственное, чего удалось добиться, — вынести спор на рассмотрение технического совета Главгидроэнергостроя.

Через месяц технический совет Главгидроэнергостроя в своем решении признал перспективное значение проблемы.

Все дальнейшие работы были направлены именно на изучение возможности и экономической целесообразности строительства в СССР мощных ПЭС.

Когда возможность и экономичность ПЭС будут, мол, доказаны, тогда можно будет строить и опытную станцию.

Проблема спасена

«Изучить, доказать» — это то, о чем мечтал и я. Это, конечно, нужно сделать. С письмом начальника Главгидроэнергостроя еду в Ленинград — во Всесоюзный научно-исследовательский институт гидротехники.

Впереди — наука, раскрывающая свои объемы перед юным искателем. С благоговением открываю массивную дверь института, хожу по большим светлым коридорам, читаю надписи над дверями лабораторий: «Речная гидравлика», «Гидротехническая», «Геотехническая». Робко захожу в библиотеку. Большая аудитория, шелест книг. Витрина свежих журналов — советские, американские, канадские, французские. Вот где все можно будет обдумать, исследовать, решить!

Постепенно продвигаюсь к кабинету заместителя директора по научной части В. С. Баумгарта. Милый человек, радушный прием. «Да, все это будет в вашем распоряжении. Работать, пожалуй, лучше в гидроэлектрической лаборатории у профессора Егназарова, на Песочной набережной».

Все замечательно. Но... нет штатной единицы. Так началась моя жизнь между Москвой и Ленинградом. Положение становилось все более критическим. Компенсация за неиспользованный отпуск, которую получил при увольнении, быстро таяла, а жить на что-то надо.

Но, в конце концов, и это уладилось.

Первый день в лаборатории профессора Егназарова прошел для меня, как радужный сон. На берегу Малой Невки, в уютном домике, заросшем кустарником и цветами, оказавшимся бывшей дачей Столыпина, к которой пристроили длинную галерею, Иван Васильевич встретил меня радушно, и сам показывал свои «владения».

Я не заметил, как пролетел день моего «крещения». Только когда сотрудники лаборатории стали обмениваться планами завтрашнего выходного, я вспомнил, что... мне ведь некуда идти. Как-то так получилось, что в суматохе организационных дел я упустил одно немаловажное обстоятельство: а где же я буду жить?!

К счастью, моя заботливая матушка уговорила взять раскладушку. Вдоволь намечтавшись и посидев над планом, я улегся на свою походную койку, заснув под журчание воды в испытательном лотке.

В полночь меня разбудил ласковый голос старичка-сторожа:

— Милый человек, ты ж, родной, ревматизмухватишь здесь! Айда в мою сторожку, там сухо и тепло...

Вскоре и жилищный вопрос уладился. Мой товарищ, моряк Л. Я. Вихнович, получил назначение в Таллин, и я блаженствовал в его комнате на улице Чехова.

Первое время все мои исследования были направлены на изучение американо-канадского проекта приливной электростанции Пассамакводди. У нас имелось довольно обстоятельное описание

проекта, и я мог разобраться в нем досконально. Кроме того, по последним номерам технических журналов удалось установить, что строительство этой ПЭС было прекращено через десять месяцев после его начала в 1935 году, а в печати прошла шумная кампания, раскритиковавшая проект «в дух и прах». В конце полемики президент американского общества гражданских инженеров Ригс даже назвал этот проект «дорогостоящим капризом», а экономист эдиссоновского института Карпентер писал о нем: «Технически возможно, экономически — безумие».

Действительно, экономические показатели проекта Кводди подтверждали такую оценку. При вдвое меньшей стоимости речные ГЭС могли выдать ту же энергию в три раза более дешевой. Приливная электростанция Кводди оказалась неэффективной, и строительство ее было заброшено.

А как обстоит дело со строительством ПЭС Абер Врак во Франции? Ведь его начали в 1928 году. Каковы результаты?

В публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина меня допустили к «святой святых» — основному фонду. Меня ввели в одно из хранилищ, где между рядами стеллажей я заметил большое окно, из которого слышался шелест, похожий на накат морской волны. Подошел ближе и увидел незабываемое. Передо мною внизу был главный читальный зал. Старинные лампы освещали ряды столов, над ними склонились сотни голов. Ищущих, страждущих, думающих. Вот он, гигантский мозг человеческого коллектива! Сколько сейчас здесь теплится огоньков мысли. Кто знает, может, в эту минуту здесь, на небосводе разума, вспыхнула новая звезда, которая далеко вперед осветит нашу жизнь. Затаив дыхание, как зачарованный, стоял перед зрелищем, так неожиданно открывшимся мне в этой кладовой знаний.

Копаясь в комплектах старых журналов, я нашел маленькую заметку в швейцарской строительной газете о том, что французский парламент прекратил работы по строительству Абер Врак: она оказалась чрезмерно дорогой. Ее энергия стоила на 20 процентов дороже энергии тепловой электростанции!

Последнюю фразу я прочел буквально на ходу, так как библиотека закрылась и сотрудник убеждал меня, что завтра будет день и я опять получу этот журнал и смогу сидеть с ним, сколько мне будет угодно.

В этот вечер я не пошел домой. Как быть? Где причина провала всех предшествовавших проектов: Абер Врак, Кводди, Кислая? Все эти проекты оказались нерентабельными.

Может быть, в этой общей причине и есть ответ на все вопросы проблемы? Использование энергии морского прилива при современном уровне техники экономически невыгодно. А отсюда очевидно, что я должен свернуть все исследования — надо беречь народную копейку.

Такой вывод сделать проще всего и спокойно отступить с поля боя. Но, может, истина не в этом? Может, нужно искать ее глубже?

Так, незаметно, в смятении мыслей, пришел на Марсово поле и, подойдя к трамвайной остановке, хотел поехать к себе на Литейный. Оглянувшись в сторону Невы, увидел черный силуэт памятника Суворову на фоне неугасающего заката белой ночи... Завороженный, иду дальше. В просвете между зданием Мраморного дворца вижу гранитный парапет Дворцовой набережной,

свинцовые воды Невы и сверкающий шпиль на черном силуэте Петропавловки. Все, о чем думал до этого, смыла волна новых мыслей и чувств. Я безотчетно люблю красоту природы. Но вот теперь предо мною красота, созданная человеком и освещенная природой.

Как странно бывает в жизни! Волна впечатлений, как душ, смывает то, о чем напряженно думал, а потом вдруг, казалось бы неожиданно, приходит решение, над которым бесполезно бился до этого. Так произошло и на сей раз.

Конечно, все известные мне однобассейновые проекты ПЭС оказались нерентабельными. Но все они имеют одну и ту же схему: тройное дублирование мощности. То есть для того чтобы обеспечить выдачу потребителю одного киловатта мощности, нужно установить три киловатта — на приливной, регулирующей речной и насосноаккумулирующей электростанциях.

Не зря автор проекта Кводди, американский инженер Декстер Куппер, вынашивавший свой проект с 1911 года, так упорно добивался принятия двухбассейновой схемы. Тогда ПЭС выдаст мощность непрерывно и дублирования не требуется.

Понятно, что схему эту нужно осуществлять при больших масштабах установки и благоприятных местных условиях. Тогда затраты на плотину, разделяющую два бассейна, растворятся в общей смете и не лягут тяжелым грузом на стоимость энергии.

Такие условия и были в проекте Купера, но его осуществление натолкнулось на антагонистические противоречия двух капиталистических государств — США и Канады.

Казалось, что объяснение получалось стройное и логичное. Ясно, что для проекта крупных установок у нас нужно искать условия, где можно удобно осуществить именно двухбассейновые схемы.

Целый месяц ушел на изучение морских карт нашего Северо-Западного побережья — Белого моря (побережье Баренцова моря я уже обследовал и таких створов не обнаружил).

В середине августа выбор был сделан: Мезень и Лумбовский залив. Нужно отправляться на рекогносцировку створов на месте.

Наперекор препятствиям

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Увы, только 19 октября, опять навстречу полярной зиме, удастся начать рекогносцировку.

Сначала — Мезень.

Самолет быстро доставил меня до места. По свежему снегу подъехал к переправе, и маленький пароходик «Реушенька» бойко направился было к другому берегу. Но почти у самого берега его затерло льдами, и только в отлив, когда лед сел на дно, я, прыгая с одной льдины на другую, добрался до Каменки.

Основательно обследовал берега Мезенского и Кулойского устьев, побывал во всех местных организациях, побеседовал с лоцманами, капитанами, моряками и портовиками, получил представление о местных приливных явлениях и условиях сооружения здесь мощных приливных электростанций.

Так в 1940 году было задумано поставить плотины ПЭС в устье Мезени и Кулоя.

А условия были сложные. Приливная волна, идущая из Баренцова моря, встречает на своем пути барьер в виде полуострова Канина и, загнанная в воронку Мезенского залива, увеличивает высоту прилива в его вершине до 9—10 метров. Здесь эта волна нахлестывает на обрывистые берега, сложенные из слабых грунтов, и подмывает их. Берега непрерывно оползают. Особенно сильно размываются они у самого устья реки Мезени. Прилив проталкивает в реку колоссальные массы воды. С большими скоростями она и несет с собой целые тучи наносов от размывших берегов. Потом все это оседает на дно в таком количестве, что меняет фарватер реки. При следующем приливе фарватер меняется опять.

Блуждание фарватера затрудняет судоходство. Река меняет русло. Когда-то Мезень, основанный в XVI веке, находился у самого берега. Теперь река ушла от города на 2,5 километра.

Все это навело на мысль: а что, если закрыть устье плотиной? Она обеспечит постоянный высокий горизонт воды, и суда, проходящие через шлюз в порт, можно будет грузить в любом месте береговой линии и в любое время.

Так зародилась схема Мезенской устьевой ПЭС с плотиной, отсекающей устье в створе Масляный—Рябинов. Параллельно с ней вырисовывалась и схема Кулойской ПЭС. Прилив в Кулое по сравнению с Мезенью запаздывает. А это даст возможность одной из станций работать в то время, когда стоит другая.

В Лумбовку через шторм

13 ноября закончил работу в Мезени. Позади — дни и ночи, проведенные на буксирах и шлюпках, среди мчащихся с бешеной скоростью льдин, путешествия на самолетах, лошадях, пешком и на оленях. Пора дальше, в Лумбовку. Но устье Двины уже сковано льдом. Дня через два

ледокол выведет в море последний караван судов.

Намечаю маршрут. Пароход доставит меня в Иокангу (точнее, в близкий к ней поселок Гремиху). От нее до Лумбовского залива морем около 40 миль.

Не без приключений — в шторм — на пароходе «Онега» дошли до Иоканги.

В Лумбовку придется идти по берегу, так как мы должны осмотреть устьевые участки рек, впадающих в залив, и определить возможности энергетического использования их. Ведь строительство ПЭС нужно обеспечить электричеством. Да будущая станция в дни слабых приливов, при двухбассейновой схеме, вероятно, потребует энергии дополнительной электростанции.

Вытащив с судна самое необходимое, отправились в путь. Нам обещают, что бот придет в Лумбовку, как только успокоится шторм, и тогда мы выполним морскую часть программы исследований.

Спускаемся в долины, проваливаемся по пояс в сугробы, не замерзшие, но заснеженные болота, вытаскиваем друг друга. Карабкаемся по обрывам гранитных скал, опасаясь ступить по нависшим над грозными пропастями снежным карнизам. В полной темноте через пять часов входим в деревню.

Утром пожилой опытный оленевод Иван Трифонович Данилов отправляется «имать» оленей, чтобы везти нас в тундру.

В полдень следующего дня мы попали на первую речку, успев здесь еще засветло провести необходимые работы. Здесь же, с обрывистого высокого берега, передо мной впервые открылась панорама Лумбовского залива.

Я знал, что Лумбовский залив имеет ширину примерно три мили и длину двенадцать миль, что площадь его в 70 раз больше губы Кислой. Но, когда увидел его в натуре, все величие намечаемых сооружений представилось мне в настоящей их силе.

Шел отлив. Он обнажил почти необозримые осушенные пространства. Как говорит карта, посреди залива должны перекрывать два длинных и узких острова. Я их не вижу, очевидно, они закрываются мысом. Это идеальные природные условия для сооружения мощной приливной станции по двухбассейновой схеме.

Поздно ночью добрались до реки Лумбовки. Перед нами почти отвесная круча. Предстояло спуститься по ней, переправиться через реку и по противоположному берегу добраться до устья Каменки, по факторин, в районе которой мы произведем остальные работы. Тут же нас должен ждать бот.

Вот и фактория. Бот «Голубка» уже здесь, но капитан ни за что не соглашается ждать нас у берега. Он уйдет на якорное место в залив и там будет стоять. А как же нам попасть туда? Оленьей дороги нет, а пешком мы пропадем.

Тогда капитан предлагает новое решение: он оставляет нам шлюпку, и мы, закончив здесь работу, проведем со шлюпки промер в заливе, а затем высадимся на бот, который будет ждать послезавтра на якорном месте.

Я колеблюсь. Семь миль в море на шлюпке — это не шутка. Тогда капитан, заверяя, что в спокойную погоду это дело совершенно безопасное, выделяет еще двух человек с бота.

Успокоенные, ложимся спать.

Окончание следует.

ЛЕВ СОРОКИН НОВЫЕ СТИХИ

Второе дыхание

С говорливыми ручьями
Древних сосен разговор.
Небо синее над нами
Натянули гребни гор.
Миг,—
и лопнет где-то сбоку,
И в звенящий водопад
Нескончаемым потоком
Звезды сверху полетят.
А подъем
все круче,
круче.
Сердце требует:
— Привал!
Зацепиться бы за тучи
Да взлететь на перевал!
Но, дыхание второе,

Ты приходишь,
Ты пришло!
— Эй, стоящий под горою,
А тебе не повезло!
Ты не видишь там, в ущелье,
Как под нами облака
О сосенки и о ели
Чешут мокрые бока.
Как ложатся в беспорядке
В яркой зелени лугов
То ли серые палатки,
То ли клочья облаков!
Вон какая даль сквозная,
Спусток синей высоты...
Унести бы — как? — не знаю! —
Хоть частицу чистоты!

В лесу

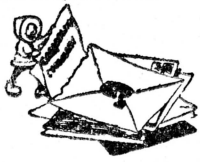
Если я валяюсь от усталости
Иль от поиска неудачного,
Я хочу одного:
Мне местечко
досталось бы
в вагоне дачного.
Соберу я вещи походные,
Натяну сапоги болотные,
И быстрее —
на разъезд березовый
От зари не белый,
а розовый,
Где прямее проспектов
просеки,
Под ногами кусочки осени,

Где в последнем лиственном
лепете
Взмыли с озера
гуси-лебеди.
Я не вскину ружье,
не выстрелю.
Полчаса под березкой выстою
И уйду лесными тропинками,
Что лежат вокруг паутинками.
И замечу,
что груз усталости
Потерял у ручья прозрачного...
Я хочу одного:
досталось бы
Мне местечко в вагоне дачного.

В электричке

Громов далеких переключка,
И молний синий переплеск.
Но убежала электричка
Из-под грозы
в затихший лес.
Как пот,
дождевики на вагонах.
И вот,
плывя в кустах по грудь,
Она к дощатому перрону
На миг пристала отдохнуть.
Неся плащи,
подсумки,
ружья,

Охалки свежести лесной,
Толпой шумливою и дружной
Народ ввалился отпускной.
Г., восхищенные уловом,
Весельем заглушая гул,
Без лени ввали рыболовы
Про щук, похожих на акул.
И родниковую ребятам
Охотник старый наливал.
И только ягодник кудлатый
Лес по рублю распродавал.
Но кто на ягоды польстится
Здесь,
среди ягодных полян...
А поезд гибкою лисицей
Нырлял то в солнце, то в туман.
О, сколько запахов смешалось
И красок радужных зажглось!
С холма,
как будто с пьедестала,
Сошел величественно лось.
И стало горько мне и странно,
Что я проехал этот лес,
Что плыл я вдале,
за океаны,
А край чудес был рядом,
здесь!

Тоже из Суксуна

У нас в роду от отца к сыну переходил медный бокал, служивший подставкой для карандашей и ручек. Впервые он появился на столе у моего деда Ильи Ивановича Воронихина (родился он в 1827 году), который служил некогда конторщиком на Билимбаевском заводе Строгано-

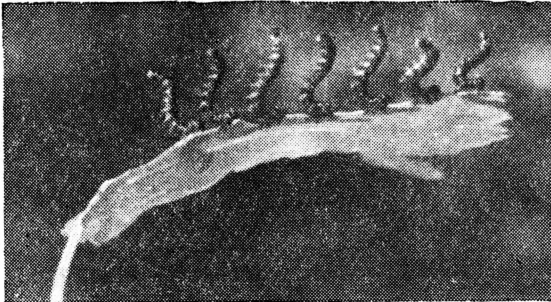
вых, а после 1861 года работал в Кунгуре бухгалтером земской управы. От деда бокал перешел к отцу Константину Ильичу, а затем и ко мне.

Я не раз пытался выяснить его происхождение. Возил в Москву в Исторический музей, но там определить не смогли.

И только из заметки профессора К. В. Кострина, опубликованной в «Уральском следопыте», где был приведен снимок кружки работы Федота Киселева, я догадался о происхождении нашего бокала и понял, что он тоже принадлежит к одной из работ суксунского умельца, хотя никакого клейма на бокале нет.

А. ВОРОНИХИН

Внимание! Опасность!

Многие насекомые очень искусно маскируются. Попробуйте обнаружить бабочку соснового шелкопряда на сосновой коре или зеленого кузнечика — в траве.

А некоторые гусеницы живут колониями на одном растении и поэтому «защищаются» сообща. Если им угрожает опасность, то все, как один, они «встают на бой с врагом». Видите, как на снимке, подняв заднюю половинку своего гибкого тела, гусеницы пытаются напугать «противника». Правда, на этот раз «противником» оказался объектив фотоаппарата.

А. КЛЕБАНОВ

Демарино. А почему?

На Южном Урале, недалеко от горняцкого городка Пласт, есть село Демарино. Сейчас там центральная усадьба крупнейшего в Троицком производственном управлении Пластовского совхоза. А много лет назад...

Что было здесь много лет назад, удалось выяснить преподавателю истории местной школы Георгию Александровичу Борисову. Он установил, например, что в 1918 году в Демарино дважды приезжал Н. Д. Томин, герой гражданской войны на Южном Урале, и проводил митинги. 86 демаринцев ушли с Томиным и в составе полка имени Степана Разина совершили легендарный рейд по тылам белых с партизанской армией В. К. Блюхера.

Георгий Александрович Борисов руководил историческим кружком в Демаринской школе, вместе с учениками по крупицам собирал исторические сведения о родном селе и крае. Краеведа заинтересовало, почему село называется Демарино?

...Однажды, перечитывая «Историю Пугачева» А. С. Пушкина, Георгий Александрович нашел в ней строки:

«Хлопуша взял Ильинскую, на приступе заколов коменданта, поручика Лопатина; но пощадил офицеров и не разорил даже крепости. Он пошел на Верхне-Озерную. Комендант, подполковник Демарин, отразил его нападение. Узнав о том, Пугачев сам поспешил на помощь Хлопуше и, соединясь с ним, 26 ноября (1773 г. А. Ч.) утром, подступил тот же час к крепости. Целый день пальба не умолкала. Несколько раз мятежники, спешась, ударяли в копыя, но всегда были опрокинуты. Вечером Пугачев отступил в башкирскую деревню, за двенадцать верст от Верхне-Озерной».

Подполковник Демарин... Не здесь ли кроется загадка?

Г. А. Борисов написал письмо в Центральный государственный архив древних актов. Выяснилось, что в одной купчей крепости, датированной «лета 1776 декабря в 13 день», записано, что «вдова губернская секретарша Марья Алексеевна Черемисинова с общего согласия с дочерью Анной и Марьей и зятем адъютантом Иваном Ивановым, сыном Гладышевым, через своего поверенного прапорщика Степана Андреева, сына Вышенского, продала в урочище по речке Кабанке земли окружностью 19 с половиной верст за 550 рублей в вечное потомственное пользование полковнику Троицкой дистанции коменданту Отто Христофорову сыну Демарину».

Попутно удалось выяснить, что название села укрепилось позже 1776 года. В экономических примечаниях к «Генеральному межеванию за 1798 год» село именуется: «сельцо Кабанское, Агафьино тож, владение покойного майора Ивана Федорова, сына Ахматова». В сведениях за 1866 год уже числится «частновладельческое сельцо Демарино (Кабанское)». Постепенно первое имя отпало.

А стоит ли носить селу это имя и в наше время? Лучше подумать о замене.

А. ЧЕРЕПАНОВ

Одно из забытых имен

В юности я жил в Тюмени и не раз слышал имя уральской писательницы Надежды Александровны Лухмановой, урожденной Байковой.

Ее книгу «В глухих местах», вышедшую отдельным изданием в 1896 году, еще можно было найти в первые годы после революции у старожилов в домашних библиотеках, но с течением времени она стала библиографической редкостью.

Я заинтересовался этой книгой, но отыскал ее только в Государственной библиотеке имени Ленина. Там же узнал, что перу Лухмановой принадлежат и другие произведения, например «Белокриницкий архiereй Афанасий» (1896 г.), «Двадцать лет назад» — воспоминания из институтской жизни (1894 г.), «В волшебной стране песен и нищеты» (1899 г.) и многие другие.

На литературное поприще Лухманова вступила пятидесяти лет (родилась она в 1840 году), сотрудничала в газетах и журналах, писала рецензии, делала переводы с французского. Очерки «В глухих местах» печатались в «Русском богатстве». Эти очерки имеют ценность как художественное изображение нравов тюменского купечества, торговцев, мелких заводчиков и мелкого люда.

Представляет особый интерес та часть, в которой описан построенный на историческом материале эпизод насильственного отчуждения участков земли под постройку железной дороги Екатеринбург — Тюмень, казнокрадство строителей и безудержная эксплуатация местными богачами бедного люда.

Лухманова не называла своими именами места и действующих лиц, но коренным тюменским жителям и без того были понятны настоящие имена.

Мне удалось найти людей, знавших лично писательницу, и достать ее портрет, а также некоторые рукописи. По словам старожилов, Лухманова была замужем за тюменским богачом Колмогоровым, путейским инженером, участником строительства дороги Екатеринбург — Тюмень. Дом, где она жила, и сейчас стоит на левом берегу реки Туры, у деревянного моста. В нем теперь помещается овчинно-шубное предприятие. По полученным мной сведениям, Надежда Александровна умерла в 1907 году. Могила ее находится в Ленинграде.

Это все, что мне удалось узнать о ней. Может быть, кто из читателей «Уральского следопыта» дополнит и уточнит сказанное мною об этой нашей писательнице.

Г. БЕСЕДНЫХ

Апельсин в апельсине

Однажды я чистила апельсин и обнаружила в нем еще один, поменьше. Разрезала. Маленький апельсин был такой же на вкус и на вид, в нем точно такие же дольки, только кожура гораздо толще и плотнее, чем у большого.

Посылаю вам фотографии этих апельсинов и прошу объяснить, каким образом выросли они один в другом.

Э. АЛЕШИНА.

Отвечает кандидат сельскохозяйственных наук Станислав Александрович Мамаев.

Сочные, душистые плоды цитрусовых — апельсины, лимоны, мандарины, цитроны — хорошо известны каждому. Это, пожалуй, самые распространенные из тех, что дарят нам субтропики Индии, Кавказа, Южной Европы. Съедобная часть их пред-

ставляет собой разросшиеся плодолистики цветка, на которых изнутри образуются сочные выросты — «соковые мешочки», заполняющие со временем весь плод. Наружная часть более твердая, кожистая, содержащая пахучие эфирные масла.

Белые цветки цитрусовых на веточке обычно располагаются на некотором расстоянии друг от друга. После окончания цветения начинается разрастание околоплодника, наливается соком оранжевый шар мандарина или апельсина, желтеет лимон.

Но иногда цветки образуются совсем рядом, им тесно на одном черешке. При созревании более крупный цветок дает и более мощный плод. Его дольки окружают со всех сторон маленький плодик, образовавшийся из второго, слабого цветка, отнимают питательные соки. Но малыш не сдастся, он продолжает потихоньку расти, образуя круглое яблочко, которое, хотя и видоизменилось под влиянием агрессив-

ного соседа, но все-таки имеет облик настоящего апельсина или мандарина.

Вот так и получается, как на присланной фотографии: вроде бы один плод, а разломив — там и второй прячется.

ВЕРТОЛЕТ БЕРЕТ ОДНОГО...

Повесть

В. СТАРИКОВ

Рисунки В. Игошева

Глава седьмая

Делай жизнь!

Знаешь ли, как интересно попасть в места совершенно незнакомые, ничем не похожие на те, что видел раньше?

Степь и тайга! Какие они разные!

Что такое степь?

Самое главное — простор и очень много света. Видно, откуда встает солнце и куда уходит на покой, чтобы утром опять наполнить сиянием весь огромный мир.

Димка любил весну, когда сразу, как голько сходил снег, в полях расцветали тюльпаны. Влажно пахло землей, звенели жаворонки. Все жарче горело солнце, теплела земля. Как хорошо было чувствовать ее босыми ступнями! Тысячи зеленых копий пробивали землю. Пшеница быстро вытягивалась в трубочку; пробежало короткое время, и вот вдруг она начинала ходить волнами по всему простору от самого легкого ветерка.

А какие бывают дожди! То сверкающие под солнцем, мягкие, ласковые, обещающие щедрый урожай, то буйные, бьющие тугими струями, грозно шумящие на всю степь. Какие сильные грозы налетают в те дни, когда зреет, полнит тугой колос пшеница, и сухое шуршание ее слышится даже ночью. И еще веселая ягодная пора. Клубника розовеет под каждой травинкой. Ягодуносят ведрами.

Начало см. в № 6.

Зимой степь продута снегом. Он ложится волнами, чистый, сверкающий. В ясные дни с холодного неба смотрит раскаленное солнце, и вся степь горит миллионами звездочек. А голубая лыжня видна далеко-далеко.

Только тот, кто вырос в степи, кого палил летний зной, обжигал студеный зимний ветер, кто с детства надышался просторным степным воздухом, может знать всю ее красоту.

Что такое тайга?

Она поражает силой. Древние, очень древние леса. Тут растут крепкие высокие деревья. Конечно, таким, наверное, в открытой степи не подняться — не устоят под напором ветров.

Внизу тайга кажется темной и хмурой — комли сосен словно обуглены; сверху она горит желтизной от нежного цвета коры, прогретой солнцем.

Густые мхи покрывают землю. Самые разнообразные, как травы и цветы в степи. Встречается чаще всего белый, нежно-мягкий, в котором, как в снегу, тонет нога. Лежат поваленные давними бурями, упавшие от старости, истлевшие деревья. На этих стволах прочно поселился грубоватый желтый мох с широкими жесткими листьями. С высоких елок свисают серо-зеленые пряди «дивьего мха». То и дело ноги запутываются в цепких плетнях темно-зеленого хвоща. И всюду вода, куда только ни ступишь.

Узкой тропинкой Димка долго продирался сквозь таежную густоту, преодолевая завалы, обходя болотца, покачи-

ваясь на жердинах, перекинутых через ручьи. Сумрачность густого леса и спокойная тишина рождали торжественное настроение. Глаза Димки привыкли к широким просторам, а тут все скрыто, ни одной даже крохотной полянки, прогалинки. Хозяин тут один лес.

С холмика, за ручьем, разбегались в стороны несколько тропинок. Димка стоял в нерешительности, какую ему выбрать. «Нет, не стоит рисковать, еще потеряешь дорогу, заблудишься. На пер-

вый раз хватит. Надо сначала привыкнуть к тайге». И он повернул к лагерю.

В тайге тоже как в степи, по-своему хорошо.

Димка вышел на просеку. После таежного сумрака здесь было много света. Желтой дорожкой связанных бревен просека уходила влево, а направо виднелся поселок лагеря — три деревянных дома, палатки, мачта антенны. Вдали, где лес поднимался гривкой, очень четко виднелась тригонометрическая выш-

ка. Вечерело, туман кое-где ключьями держался возле земли. Чем-то этот маленький поселок в лесу понравился Димке. Он достал альбом и карандаш. Сначала на листе бумаги появились общие линии домов, а над ними возникли очертания прямых высоких деревьев.

Все новые и новые линии ложились на бумагу. Димка сейчас не думал о том, как неудачно сложилось у него с полетом, что он будет делать здесь и когда сумеет попасть к дяде Косте. Ему хотелось только передать бумаге то, что видели глаза. А глаза его видели этот поселок в вечерних тенях, окруженный тишиной, уютным, заманчивым.

— Понравилась наша тайга?— весело спросил женский голос.

Димка, застигнутый врасплох, захлопнул альбом и поднял голову. Возле него стояли Ксана и высокий, не просто высокий, а очень высокий парень.

— Чего же ты застеснялся,— сказала Ксана.— Покажи...

Димка протянул Ксане альбом. Она всмотрелась в рисунок.

— О, да тут наши дома!— сказала она.— Как хорошо... Правда, хорошо?— спросила она парня.

— Похоже, очень похоже. Художник!— похвалил парень.— А людей умеешь рисовать?

— Плохо получаются.

— А ты попробуй. Один не получится, второй не получится— голову не вешай. А десятый и выйдет.

Ксана вернула альбом Димке, и они пошли к поселку.

— Возьми, Андрей, к себе в палатку его,— попросила Ксана.— У вас теперь два места свободны.

— Это можно,— согласился Андрей.

— Ты и не заметишь, как неделя пролетит,— сказала Димке Ксана.— Тайгу тебе полезно посмотреть. Да и скучать, вижу, не будешь. Вон какой у тебя карандаш бойкий. Правда?

И она ободряюще положила руку на плечо Димке.

В палатке, куда Димку привел высокий Андрей, было чисто и уютно. Посредине стоял длинный обеденный стол, застланный красивой скатертью, вдоль стен шесть кроватей— по три с каждой стороны.

— Это будет твоя,— показал Андрей крайнюю кровать.— А вон в том углу, видишь, мое место.

Возле кровати Андрея стоял высокий радиопередатчик, на стенке палатки висела карта мира— оба полушария, разделенная на квадраты с цифрами. На этой кодированной карте торчала масса маленьких флажков. В обоих полушариях. А над картой, рядом,— шесть портретов, шесть улыбающихся лиц— Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Валерия Быковского и Валентины Терешковой. Пять звездных братьев и звездная сестра.

Димка вопросительно посмотрел на Андрея.

— Короткими волнами занимаюсь,— сказал Андрей.— В армии радистом служил. Вот и привык...

Они вышли на улицу. Сильно стемнело. На поляне горел костер.

Ксана сидела на бревне, повязавшись платком и накинув на плечи пальто. В свете костра лицо начальницы участка казалось усталым. Она посмотрела на Димку и слабо улыбнулась.

— Ты один в тайгу далеко не ходи,— сказала она.— Заблудиться у нас легко, да и зверь ходит. А он тут непуганый, любопытный к людям. У нас весной пошел один человек в тайгу и четыре дня пропадал. И запомни: у нас заблудившимся подают сигнал— через каждые пятнадцать минут три выстрела.

Из леса появлялись люди. Одни сразу проходили к себе, другие присаживались к костру— перекурить, перекинуться несколькими словами.

— Всерьез в тайгу?— спросил Димку Андрей.

— Не знаю,— откровенно признался Димка.

— А ты настрой себя так— не менять решений,— посоветовал Андрей.— Делай свою жизнь.

— Начинай ее у нас,— отозвался кто-то из темноты.— Что тебе тут неделю без дела сидеть? Баклуши бить? Привыкай к работе.

— Тоже верно,— одобрил Андрей.— Да и поможешь нам. Видел, четверых сегодня отправили. Зачислим тебя временным рабочим. Согласен?

— Зачисляйте,— согласился Димка, понимая, что нельзя неделю жить на чужих хлебах среди этих хороших людей.

— Тогда давай к нам в бригаду, строительную,— сказал из темноты тот же голос, начавший этот разговор.— Научим дома строить.

— Э, так, Прокоп, не пойдет,— решительно возразил Андрей.— К нам на трассу. Вот Димкино место! Мы ему и кровать у себя выделили.

— У нас тоже свободная кровать есть. Чему научите? Лес валить? Невелика мудрость. А у нас — плотничье дело. Верно, Димка?

— А сам, Прокоп, с чего начинал? Тоже лес валил.

— Димка не голубь. Не пойдет, куда манят. Сам видит, что лучше к нам.

Димка прислушался. И тут его, кажется, голубем назвали?

— Не путайте вы мальчишку,— вмешалась Ксана.— Дайте оглядеться. Завтра сам выберет, где ему лучше.

— Вы-то, Ксана, знаете, где люди нужнее,— упорствовал на своем Прокоп.

— Знаю, конечно, что везде люди нужны,— пресекла решительно спор Ксана.

А Димка молчал. Голубь! Опять голубь! Неужели в его характере и правда есть что-то кроткое?

Вдруг в темноте сзади затрещали сучки, словно кто-то грузный неторопливо подходил к лагерю. Все примолкли, настороженно прислушиваясь. Стихло. Но через некоторое время опять затрещал валежник под тяжелыми ногами, еще ближе, слышнее. Андрей толкнул локтем сидевшего рядом парня, тот метнулся бесшумно в палатку и выскочил оттуда с двумя ружьями. Опять раздался шум, казалось, совсем рядом, словно кто-то топтался на месте. Потом треск валежника стал быстро удаляться и скоро затих.

— Кто это?— тихо спросил Димка.

— Хозяин приходил. Поверку делал,— добродушно пошутил Андрей.— Вот какие у нас соседи.

— Охотники наши! Забыли, что ружья стрелять умеют,— насмешливо заметил Прокоп.

Все громко рассмеялись.

— Что же это огня не дают?— спросила Ксана.— Кто сегодня на движке дежурит?

Тут же, чихнув два раза, застучал движок. В домах и палатках вспыхнул свет, сначала желтый, нерешительный, потом разгорелся.

Все начали расходиться.

Кто-то взял Димку за плечи сзади и повернул к себе. Он увидел низенького человека, рябоватого, с лиловым шра-

мом через всю щеку, с густыми усами. Из-под густых бровей сверкали хитрые глаза.

— Решил — с кем? Пойдем в плотники, чего тебе с лесорубами связываться? А?

— Завтра посмотрю,— неопределенно сказал Димка. Ему не хотелось обижать Прокопа, которого он узнал по голосу, но не хотелось и от Андрея уходить.

— Экий ты нерешительный,— с досадой сказал Прокоп.— Погадай до утра...

В палатке все начали разбираться на ночь.

— Утром встаем рано,— предупредил Димку Андрей.— Как светать начинает — на трассу.

Однако сам Андрей, пройдя в свой угол, уселся перед радиопередатчиком, надел наушники. Крупная, расплуснутая тяжелой работой рука легко коснулась ключа и начала посылать в эфир позывные. В палатке отчетливо были слышны тонкие писки, такие же — ответные. Голоса всего мира сквозь гул и разряды эфира долетали сюда.

Димка начал дремать, когда в палатку вошла Ксана.

— Кубу поймал,— восторженно прошептал Андрей, сняв наушники и повернувшись к Ксане.— В третий раз...

Димка приподнял голову, прислушиваясь. Куба? Ведь это же на другой стороне земного шара! Ему представилось, как волны обегают земной шар и добегают до острова Свободы, где, может, сидит вот такой же парень, только с черной бородкой, один из солдат Фиделя Кастро.

Ксана и Андрей разговаривали о делах на завтра.

Она поднялась и, проходя мимо Димки, остановилась.

— Хорошо устроился?— спросила она.— Наш радист спать не мешает?

— Что вы,— сказал Димка.— Здесь очень хорошо.

— Покажи-ка мне свой альбом. Можно?

Димка поспешно достал альбом. Ксана полистала его, рассматривая внимательно каждую страничку. А в палатке уже опять слышался писк, который посылал в эфир Андрей.

— Где же ты учился этому?— спросила Ксана.

— Сам...

— Молодец. Так тебе хорошо? А мне показалось, что ты грустный от костра ушел. Ну, спокойной тебе ночи.

Ксана тихо вышла из палатки.

Андрей продолжал сидеть у передатчика. Под его попискивание Димка и уснул.

Пробудился он рано, только наступал рассвет. В углу громко храпел Андрей.

Димка вышел из палатки. За лесом пламенело небо. Было очень тихо. Воздух казался особенно свежим и пахучим. Лесной воздух. Так в степи не пахнет.

На поляне показалась Ксана. Лицо румяное, глаза ясные.

— Доброе утро!— звонко крикнула она.— Хорошо спалось?

Глава восьмая

Тревога

Сережку разбудил ветер. Он свободно гулял по поселку, разбойно посвистывая в щелях, басовито гудел в трубе, хлопал оторванной где-то доской и шершаво царапал по стеклу. Поскрипывали сосны. Сережка, приоткрыв глаза, прислушался.

В доме стояла тишина. Спокойно дышал Константин Иванович.

Сережка помнил, что ему сегодня с утра выходить на работу, и выбрался, не очень охотно, из теплой постели. Настывший пол охлаждал подошвы. Стараясь не греметь, Сережка набил дровами печь и, действуя как Константин Иванович, сощипывал с березовых поленьев кору и подкладывал к огонькам, лениво лизавшим дрова.

Пока Сережка возился с печкой, в доме начали просыпаться. Кто-то вышел в коридор и загремел ведрами, послышался плач ребенка. Мимо комнаты, промяная доски, прошел водитель Тимофей Голышкин и хлопнул дверью на крыльце. Сейчас начнет свою утреннюю зарядку на улице.

Сережка выглянул в окно. Он увидел дымчато-темное низкое небо над раскачивающимися соснами и косо летящий снег, гонимый ветром. Земля за ночь побелела.

Тимофей Голышкин, раздевшись по пояс, разминался, приседая, выбрасывая

в стороны и вверх руки. Потом он взялся за самодельную штангу—железный брус с двумя насаженными на концы лиственничными чурбаками. Эту штангу он стал выбрасывать сначала двумя руками, потом то правой, то левой, приседая и рывком вставая. Мышцы под кожей на его спине и руках то сходились в упругие бугры, то расходились. Он бросал штангу так легко, словно на ней были не чурбаки весом каждый, наверное, пуда по полтора—Сережка, конечно, успел прикинуть, еле оторвав ее сантиметра на три от земли,—а резиновые мячи. Такие упражнения водитель Тимофей Голышкин проделывал дважды в день—рано утром и после работы. В доме не было равного ему по силе.

Возвращаясь, он стукнул в дверь и крикнул:

— Константин Иванович!

Константин Иванович кашлянул и открыл глаза. Чайник пофыркивал на плитке.

И вот Сережка шагает рядом с Константином Ивановичем по той самой лесной дороге к месту, где возводится насыпь будущей таежной трассы—к «объекту». В лесу ветер не может свободно разгуляться, только сыплется снег, раскачиваются вершины сосен, порой слышны сухие деревянные удары—это деревья стучаются. Пахнет по-особенному—мокрым деревом и свежим снегом. Земля под ногами сырая, снег и грязь налипают и тяжелят подошвы. Мимо проходят машины, наматывая на колеса снег, сдирая его лентами с земли, швыряют ошметки грязи в лицо.

Сережка внутренне ликует. Он начинает работать. Накануне Константин Иванович сказал, что для начала решили поставить его учетчиком, дать ему осмотреться на участке, привыкнуть к нему и тогда окончательно выбрать дело по сердцу.

Все складывается хорошо. Вот только досадно, что нет рядом Димки. Уже известно, что экипаж вертолета оставил его в дальней небольшой лесной бригаде и неведомо, из-за скверной погоды, когда он сможет оттуда перебраться к ним. Вот ведь как нелепо получилось: ехали, ехали вместе и сразу разлучились. Не пропал бы Димка, уж очень робок бывает. Сережке совестно перед товарищем—он как бы незаконно занял его место в Кедровке.

Вдвоем, конечно, было бы лучше и интереснее. Вернее, не вдвоем, а втроем — третья рыженькая Лиза. Она девчонка отличная, все тут здорово знает. И не задавака, просто принципиальная. А в доме все у них хорошие, живут дружно.

Возле насыпи Константин Иванович сдает Сережку бригадир Антону Ивановичу Лыкову и просит:

— Расскажи толково про обязанности учетчика, — и уходит по своим делам.

— Так, помощничек, — задумчиво говорит Антон Иванович. Он маленький, полненький, круглое лицо все в узких морщинках, похожее на лежалую картофелину, очень добродушно. Глаза у него узенькие, темные и веселые.

— Вот что, — переходит он на деловой тон. — Прежде всего разведи костер. Стоять тебе придется на ветру весь день. Замерзнешь — у костерка согреешься. Да и веселее, когда рядом огонь.

— Не замерзну, — самоуверенно говорит Сережка. Ему не нравятся эти телячьи нежности.

— Хорошо, коли так, — охотно соглашается Антон Иванович, быстро посмотрев на Сережку. — Твоя обязанность... — он протягивает Сережке тетрадь и карандаш, — видишь, номера машин и фамилии водителей? Будут проходить мимо — ставь в клеточку отметку. Каждая галочка — одна возка. По ним и будем считать, кто сколько ездов сделал, сколько, значит, кубиков земли в нашу насыпь положил. Понятно? Не напутаешь? За каждую твою галочку государство будет деньгами, притом немалыми, расплачиваться. Образование имеешь?

— Десять классов, — говорит Сережка, думая, что все это Антон Иванович мог бы и короче рассказать. Чего тут рассусоливать.

— Ого! — удивленно восклицает Антон Иванович. — Высшее начальное... Ну, значит, такое дело по плечу. Тут образованные люди нужны.

Сережка понимает эту откровенную иронию Антона Ивановича. Но говорит это бригадир тоном, не вызывающим обиды, глаза его при этом улыбаются добродушно.

— Понял? — спрашивает он все же напоследок. — Вопросов нет? Вот что значит образование, — удовлетворенно заключает Антон Иванович и поднимается, неторопливо шагая, на полотно дороги.

Бригадир много лет, он экономит силы для длинного рабочего дня.

В эту минуту из леса к насыпи выполняет первый самосвал. Он идет тяжело. Сережка вглядывается в номер машины, находит его в тетрадке, сверяет фамилию шофера — Фокин — и ставит в клетке галочку, которую будет оплачивать государство.

Скоро показывается вторая машина. Сережка ставит еще одну галочку.

Дело, порученное ему, конечно, нехитрое. Сережка даже не понимает, как можно это называть работой. Любому парнишке-недоростку по плечу такое нехитрое занятие. Да и зачем, собственно, такое делать? Разве каждый водитель не может сосчитать, сколько он сделает ездов за день? Ведь они же борются за звание коллектива коммунистического труда!

Сережка просматривает весь список шоферов и с удивлением среди тридцати фамилий встречает женскую. Женщина — шофер? Здесь? На самосвале? Фамилия ее Дробышева. Имени и отчества нет, стоят только, как у всех, инициалы — М. М.

Сережка с нетерпением ждет, когда же покажется самосвал под номером «115» с водителем Дробышевой М. М. Какая она? Молодая, пожилая? Светлая, темная?

Тридцать машин значатся в его тетради. Двадцать девять самосвалов таскают песок для засыпки полотна. Они теперь идут мимо Сережки двумя встречными потоками — груженые и пустые. Некоторые машины успели сделать по две ездки, что отмечено галочками в тетрадке. Тридцатой нет. М. М. Дробышевой все нет и нет.

В чем дело?

Часа через два, когда Антон Иванович проходит мимо, Сережка окликает его.

— А где Дробышева?

— Что?

— Все машины песок возят, а Дробышевой нет.

— Подумать, Дробышева его интересуется. Хвалю! Требовательный. Марина — в дальней поездке. Отметь: командировка. А как дела у всех?

Бригадир просматривает записи и огорченно смотрит на Сережку.

— Что-то хлопцы сегодня приуныли. Плохо, плохо...

Из этого Сережка заключает, что се-

годня работают слабее, чем в прошлые дни, хотя ему кажется, что все стараются на совесть. Перерывов в движении машин почти нет, так что гляди и гляди в оба, учетчик, успевай отмечать. Да и на полотне дело кипит всюю. Огромный

плуг разравнивает насыпанный песок. За плугом идут тяжелые катки. В стороне бульдозеры удлиняют и расширяют насыпь. Все в движении.

— Как насчет костерка?— осведомляется Антон Иванович.

— Не нужно,— отказывается Сережка.

Ему кажется малодушием разводить костер. Все работают на ветру, а он будет греться у огня?

Но скоро приходится пожалеть об этом.

Возможно, что ветер стал посильнее, хлещет в лицо, да и снег летит и летит. Может, просто ушло домашнее тепло. Или же дел меньше— в потоке машин все чаще происходят перерывы. Самосвалы буксуют, захватывая колесами все больше вязкой земли, все глубже продавливают колею. Одному бульдозеру пришлось даже спуститься с насыпи, вытащить сначала завязшую машину, а потом пройти по дороге и срезать ножом земляные гребешки.

Сережка сначала чувствует легкий озноб. Потом холод проползает через пальто, забирается в сапоги, пощипывая кончики пальцев. Учетчик старается не за-

мечать холода, стоит на месте, как часовой на ответственном посту. Хорошо бы сейчас костерок, да нет с собой спичек. Остановить же машину и попросить огонька Сережка не решается.

Не выдержав, он начинает делать пробежки, сначала легкие — два-три шага, потом удлиняет дистанцию, а вскоре бегаёт по лесной дорожке по-настоящему, останавливаясь только для того, чтобы поставить очередную галочку проходящему груженому самосвалу.

Если бы знать, сколько осталось до обеденного перерыва, то, может, можно было бы и потерпеть. Но часов нет, о времени спрашивать стыдно. Надо терпеть.

Сережка с радостью принимает приглашение шофера, который останавливает машину и зовет его:

— Садись! Поехали обедать.

— А что? Машин не будет?

— Иду замыкающим,—говорит тот.

Как же в кабине тепло! Сережка с удовольствием разваливается на мягком сиденье. В столовой еще теплее, витает множество вкусных запахов. Сережка сидит за одним столом с шофером, который привез его, млеет от тепла и вкусных запахов.

— Чем будем заправляться?—спрашивает шофер.

Сережке все равно, он никому не может отдать предпочтение. Борщ, котлеты с гречневой кашей и абрикосовый компот, которые полненькая Соня в нарядной наколке ставит перед Сережкой, необыкновенно вкусны.

— Торопись,—предупреждает его шофер.—Видишь, Тимофей Голышкин поднимается.

Тимофей Голышкин! Сережка по своим записям знает, что у его соседа по дому больше всех галочек. Знаменитость!

Уходить на ветер и снег из уютного помещения столовой нет никакого желания. Сережке приятно сидеть за столом, видеть обращенные на него взгляды. Теперь он знает многих сидящих, может назвать некоторых по фамилиям. К нему подходят, называют себя, интересуются количеством своих ездов. Сережка раскрывает тетрадь и охотно показывает свои галочки.

И вот Сережка опять на своем посту. Опять следит за потоками машин и ставит, ставит галочки. Только теперь он не морозит себя. Сбоку от дороги у здоро-

венного пнища, выставившего сухие корни, как щупальцы, горит костерок. Как только пустеет дорога, Сережка сразу к нему. Костерок приветствует его яркими язычками, потрескиванием угольков.

Несколько раз подходит Антон Иванович, берет тетрадку и все больше хмурится. Неважно идут сегодня машины, очень неважно. Портит дело погода.

В этот свой первый трудовой день Сережка замечает такую особенность. Казалось бы, у всех должно быть одинаковое количество ездов. Ведь машины двигаются цепочкой. Однако были такие водители, которые успевали сделать по три ездки, пока другие только по две. И больше всего галочек у Тимофея Голышкина. «Как это может получаться?»—недоумевает Сережка. Он даже начинает тревожиться, что, может быть, пропускает ездки других, неверно ставит галочки.

В конце дня, когда Антон Иванович опять появляется возле его поста, Сережка с некоторым опасением протягивает тетрадку. Бригадир идет к костру, усаживается на пенек, долго смотрит записи, покачивает головой.

— Режут хлопцы,—сердито заключает он.—Будет нам с тобой сегодня от Константина Ивановича. Вон сколько Тимофей Голышкин успел! Не бывает у него «трудных» дней...

Бригадир не засомневался в записях, и у Сережки отлегло на сердце.

— Почему же другие отстают?—спросил он.

— Работать надо,—неопределенно ответил Антон Иванович,—Ну, прости, что задержал. Можешь топать.

На крыльце своего дома, припорошенная на плечах снегом, стояла Лиза. Из-под вязаной зеленой шапочки торчали рыжие косички, носик ее покраснел от ветра.

— Как?—спросила Лиза, с интересом разглядывая Сережку, словно надеялась увидеть в нем что-то новое.

Сережка заподозрил, что это ради него Лиза вышла на улицу, мерзнет на крыльце, и весь сегодняшний день приобрел вдруг особенное, торжественное значение.

— Ничего,—небрежно сказал он.—Работать можно.

— А почему без шарфа?—вдруг спросила Лиза.—У тебя есть шарф?

— Обойдется.

— Нет, ты отвечай! У тебя есть шарф?

Это Сережке показалось смешным: вот так и мать следила, чтобы он в морозы не выскакивал на улицу в расстегнутом пальто, без шарфа. Но то — дома, мать. А тут...

— Имеется...

— Завтра надень обязательно.

— Слушаюсь! — Дурачась, Сережка по-военному приложил растопыренную руку к шапке.

— Кинооператоры приехали, — сказала Лиза. — Завтра о нашей дороге картину покажут. Пойдешь смотреть?

— Можно...

Он переступил с ноги на ногу, ожидая, что еще скажет Лиза.

— Ты чего, парень, важничаешь? — подозрительно спросила Лиза. — Расфуфырился...

— Я? — удивился Сережка.

Лиза вдруг фыркнула ему в лицо, показала язык и исчезла за дверью.

Девчонка!

Сережка засмеялся и тоже показал язык — закрытой двери.

Константина Ивановича дома не было. Печка стояла холодная, комнату за день основательно выстудило. Сережка растопил печь, взял из шкафа томик Джека Лондона с романом «Мартин Идэн» и уселся читать.

Но мысли его сейчас были очень далеки от книги. То он думал о доме, который находится за тридевять земель от поселка Кедровка, то о Димке, который неизвестно куда попал, то о Лизе, то о прошедшем первом рабочем дне.

Ему представилось расстроенное лицо Антона Ивановича. Ведь раза четыре подходил к нему бригадир, отвлекаясь от своих дел, подолгу подсчитывал, как идет вывозка песка.

«Чего ему считать? — подумал Сережка. — Я, что ли, не могу?»

Константин Иванович, пришедший домой поздно, застал Сережку за работой. К фанере он прикреплял разлинованный лист бумаги.

— Что задумал? — спросил Константин Иванович, подойдя к столу.

— Работу шоферов буду отмечать, — сказал Сережка, следя за выражением лица Константина Ивановича. — Антон Иванович подойдет — увидит, сколько сделано. И каждый о своей работе прямо из кабины может узнать.

— Неплохо придумано! — одобрил Константин Иванович. — Нравится у нас?

Сережка только кивнул.

— Хорошие тут места, — сказал Константин Иванович, снимая полушубок и вешая его у двери.

Он присел к столу и налил себе крепкого, почти черного чая. Виски его обильно побелила седина, от уголков усталых губ разбежались пучками мелкие морщинки, и потому казалось, что он всегда мягко улыбается.

— И богатые, — добавил Константин Иванович, размешивая ложечкой чай. — Очень богатые. Подумай только, в этих местах будет двадцать леспромхозов, деревообрабатывающие комбинаты, лесопильно-фанерный и лесообрабатывающий заводы.

Представляешь, каким будет край? Наше задание — за четыре года построить четыреста километров путей. По сто километров в год. Много я видел дорог всяких — и трудных и полутрудных. Но эта сверхтрудная...

Константин Иванович помолчал, посмотрел на Сережку, и глаза его разошлись в особенно мягких улыбчивых морщинках.

— Люди тут художники! Преображают этот край. В его красоту вписывают свою. Когда поймешь это, станешь настоящим строителем, — серьезно заключил он.

Константин Иванович занялся своими бумагами, а Сережка, заканчивая возню со своим щитом, думал об этих словах. Почти такие же, над которыми посмеялся в вагоне Кирка. Как он тогда сказал? «Преображает, значит, дядя Костя тайгу?» И чему-то засмеялся. Подозрительный этот Кирка! Вон какую с ними шутку разыграл! Развез их с Димкой по разным участкам.

На следующее утро Сережка на сосне укрепил свой лист фанеры и теперь не только в тетрадке, но и на разграфленной бумаге отмечал и подсчитывал, сколько вывезено песка. Это внесло разнообразие в его монотонную работу.

Он все ждал Антона Ивановича, но бригадир не показывался.

Сегодня, как и накануне, все еще сильно мело. Лес шуршал.

В середине дня одно лесное происшествие здорово напугало Сережку.

Неподалеку от костра, у которого грелся Сережка, из лесу вышли лось и

две лосихи. Ветер дул в сторону Серезки, и поэтому животные не почувствовали его близости и запах дыма. Лося Серезка сразу узнал по великолепным плоским большим рогам. Высокое животное, вытянув шею, стояло, подняв чуткие крупные уши, настороженно вглядываясь в насыпь. Лосихи, поменьше ростом, изящнее, покорно ждали. Глаза у них были выпукловатые, темные. Лось повернул голову в сторону Серезки, вытягивая с храпом воздух, сделал несколько шагов и вдруг прыгнул. За ним скакнули через дорогу и лосихи. В ельнике затрещал валежник.

Все произошло так быстро, что Серезка мог подумать, что это ему помешало, если бы не четкие и глубокие следы животных на снегу.

Весь день летел такой же сырой снег, и к вечеру Серезка, подсчитав галочки, с огорчением увидел, что песка вывезено еще меньше.

Антон Иванович появился только в самом конце дня. Вид у него был чрезвычайно озабоченный.

Фанеру с листом бумаги он заметил сразу и выдумку одобрил.

— А подсчитал правильно?

— Проверьте,— чутьчку обиделся Серезка.

— Проверю, проверю,— пообещал Антон Иванович, забирая тетрадь.— В нашем деле обижаться нечего. За песок государственные деньги платим.

— Лоси тут были,— сообщил Серезка, думая поразить бригадира.

— Ага!— равнодушно откликнулся Антон Иванович.— Не напугался?

Бригадир протянул тетрадку Серезке.

— А Дробышева опять не возила,— сказал Серезка.— В командировке?

Антон Иванович, гревший над огнем руки, посмотрел на Серезку.

— Не возила... Это известно. Неприятность у нас,— вдруг сказал Антон Иванович.— Пропала Мариша.

— Куда пропала?— спросил Серезка, не представляя, куда можно пропасть с грузовой машиной.

— Послали на базу за запчастями. Да что-то, верно, случилось. Ни слуху и ни

духу... А дорога сейчас — ой-ой!.. — Бригадир помолчал и скомандовал: — Марш домой! Ведь замерз.

— Если пропала, надо искать, — сказал Сережка.

— Надо, — согласился Антон Иванович. — Сами знаем. Иди-ка домой...

Торопливо шагая по лесной дороге домой, Сережка все думал о Дробышевой. Что могло случиться?

...Зрительный зал клуба вмещал не больше ста — ста двадцати человек. В этот вечер в нем собралось, вероятно, вдвое больше.

Сережка и Лиза едва-едва протиснулись, с трудом нашли два места рядом и сидели, сжатые с двух сторон.

— Я сегодня лосей видел, — сообщил Сережка.

— Лося и двух лосих? — быстро спросила Лиза.

— Ага...

— Их все знают. Они где-то возле трассы живут. Два раза даже к нам в Кедровку заходили.

Свет в зале потух, и они замолчали.

На экране проходили виды тайги — ее темные реки в лесных чащах, звериные тропы, глухоманные места, нетронутые человеком, своя особая таежная жизнь.

— Гиблые, пропадные, окаянные... Так недавно называли эти места, — рассказывал диктор. — А строители заставили расступиться тайгу...

Двигались армады сильных машин, валивших вековые деревья, в тайге возникла деревянная дорога. По ней уже катили грузовики, появилась земляная насыпь, укладывались рельсы, возникал большой поселок леспромхоза.

— Это — след тех, — говорил диктор, — кто заставил расступиться тайгу...

Выразительными и красивыми были лица строителей дороги. И все то, что они делали — валили лес, клали рельсы, вели машины — вызывало уважение у Сережки.

Глаза Лизы блестели, отражая свет экрана. Она то и дело толкала Сережку и возбужденно шептала: «А вот и наши! Видишь? Дядя Костя!» И правда, через экран прошел Константин Иванович в своем берете. Он поднял руку, и по сигналу этой руки в воздух поднялась от взрыва земля. Толчок ее, казалось, отдался в зале. «А это мои! Видишь?» — опять толкнула локтем Лиза. На экскава-

торе виднелся великан — отец Лизы. К нему подошел Степан, они о чем-то весело разговаривали, потом вдруг замолчали и посмотрели с экрана в зал.

— Чего замолчали? — крикнули им из зала, и все засмеялись.

В последних кадрах показали готовый участок дороги. По нему двигался тепловоз, на станции его приветствовала толпа.

— Далеко еще строителям до Ледянки, — говорил диктор. — Но уже легли первые десятки километров новой дороги, и по рельсам пошли поезда, груженные лесом...

На экране возникли берега северной реки Ледянки. Катер тащил сплоченный лес, пролетел гидросамолет и сел на воду. На самом берегу в землю был вбит колышек с какими-то цифрами.

— Вот она, заветная точка! — сказал диктор. — Ледянка!.. Здесь вырастет лесопромышленный комбинат, крупнейший в стране. И обязательно возникнет речной порт...

Из зрительного зала Сережка вышел растерянным. Таким важным и значительным было все, что делали люди, которых он сейчас увидел. Хотелось хоть чуточку походить на них и быть способным на такие же дела и такую же жизнь.

Они прошли с Лизой на край поселка и остановились. Впереди чернел лес. Ветер шумел в вершинах. В лицо колочибил снег.

— Видел, как хорошо у нас летом? — сказала Лиза. — Совсем другая тайга — очень веселая.

Сережка сдвинул к затылку шапку, открывая ветру разгоряченный лоб.

— Вот какая трасса, — задумчиво сказал он. — Большая!.. Сколько людей!..

— Папка говорит: очень трудная. Болота и леса. На такой трудной ему не приходилось.

— Долго еще строить?

— Через два года к Ледянке выйдем.

— Здорово! И ты все время тут жить будешь?

— Не знаю, — протянула Лиза. — Папка гонит, Степан тоже. Учиться, говорят, надо. А мне уезжать не хочется. Бабуся старенькая, трудно ей одной будет.

— Учиться надо. Верно, — рассудительно подтвердил Сережка. Он сейчас думал о себе: надо учиться, мало он еще знает и мало чем может быть полезен на трассе.

Глава девятая

Сильнее сильного, смелее смелого

Серезка вздохнул.

— Замерзла, небось? Пойдем домой.

В комнате Константина Ивановича сидело много людей.

— Ждать больше нечего,— решительно сказал Константин Иванович.— Надо выручать Дробышеву.

— Кого пошлем?— спросил старший Окатьев.

— Без Степана на машине обойдешься?

— Пусть идет.

— Пойдешь, Степан?

— Какие разговоры?— удивился Степан Окатьев.— Нужно — иду.

— Один есть. Федор само собой. Ему свою Маришу выручать.

И тут Серезка увидел того, кому надо выручать «свою Маришу». У самой двери, присев по-крестьянски на согнутых коленях, к стене прислонился парень с шапкой в руках, полурасстегнув короткое пальто. Один глаз у него странно неподвижен и, прислушиваясь беспокойно к разговору, он поворачивался боком, словно косил другим глазом. Светлые длинные волосы падали ему на широкий чистый лоб.

— Надо бы и третьего,— сказал Константин Иванович. Он подошел к столу, на котором лежала карта.— Видите, тут три дороги по тайге. Может, на одной из них и сидит. Самые низкие места...— Он оглянулся.— Где без убытку можно человека взять? Антон Иванович? Как ты думаешь?

Бригадир отрицательно помотал головой.

— Везде убыток будет.

Константин Иванович взглянул на Серезку, подумал секунду и неожиданно предложил:

— Не струсись ночью в тайгу? Надо нам Маришу выручать. Застряла где-то с машиной...

— Пойду,— сказал Серезка, покраснев от волнения.

— Конечно, он пойдет,— поддержал бригадир Константина Ивановича.

— Вот и отлично,— заключил Константин Иванович.— Не мешкайте, а сейчас и выходите.

Серезка уже двинулся к двери.

— Да не торопись,— засмеялся Константин Иванович.— Покажи, как портянки завернул. Умеешь с ними обращаться? Разувайся! Путь у вас ночной и, наверно, не маленький.

Лес высокой стеной стоял поперек дороги.

Эту дорогу делали из бревен, уложенных одно к одному плотно, как цветные карандаши в коробке. Только бревна попадались разной толщины, и ходить по такой дороге полагалось, обязательно поглядывая себе под ноги. Если же не смотреть, то неминуемо споткнешься.

Лес мешал движению дороги, но он же и помогал ее строить. Резко визжали маленькие очень удобные пилы «Дружба» с бензиновым моторчиком. Пила вгрызалась в твердую древесину, и опилки, словно искры с точильного камня, летели далеко в сторону. Дерево держалось спокойно, уверенное в своей силе. Ведь оно простояло не меньше ста лет, видело немало зимних и летних бурь, все выдержало. Смерть к нему пришла неожиданно. Подпилив дерево, лесоруб небольшим усилием рук и плеч толкал его. Дерево, вздрогнув мохнатой шапкой, вдруг валилось, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее и падало на землю, как бы даже охнув от удивления. Тотчас к поверженному великану подходили другие лесорубы, освобождали его, тюкая топорами, от мохнатой шапки сучьев и разрезали на бревна.

Эти бревна клали поперек дороги, скрепляли их, удлиняли дорогу и отодвигали стену леса.

Димка работал сучкорезом.

Ему было жаль каждого дерева. Вот оно только что стояло, гордо подняв к небу вершину. И вот уже лежит на земле...

Он понимал, что это глупые мысли. Вся природа по-разному служит человеку. Понимал, но жалел лесных красавцев.

Обрубая сучки острым топором, он слышал, как звенит дерево. Оно словно жаловалось.

Димка выходил на просеку, когда начинало светать. Работу бросали в сумерки. Руки очень уставали.

В тайге легко забыть, какой сегодня день недели, число. Кто-то вдруг во время перекура спросит:

— А что у нас сегодня?

Все начинают гадать: вторник, среда или четверг? Больше всего путаницы с днями среди недели.

— Подожди,— скажет кто-нибудь.— Вчера ты, Андрей, насаживал новое топоорище. Помнишь? Вчера, правильно. Значит, сегодня среда.

— Вчера? Проснись!— возмущенно возражает Андрей.— Позавчера это было. А вчера я тебе сделал четыре хороших мата. Это ты помнишь? Нет, сегодня четверг.

— Я ночью поймал Азорские острова? Или это позавчера было?

— Ладно,— опять скажет кто-нибудь.— А какое сегодня число?

Опять разгорается спор, опять по каким-то событиям пытаются вспомнить число.

— Да хватит вам!— закричат на спорщиков.— Среда или четверг... Ну и что? Кончайте!

Тут как раз и перекуру конец, и все расходятся по своим местам.

Забываются дни недели и числа не потому что жизнь в тайге небогата событиями, удручающе однообразна и один день походит на другой, как близнецы. Просто нет в этом особой нужды, какая бывает в городах, когда в субботу, скажем, обязательно надо пойти на каток, во вторник — не забыть побывать в библиотеке, в четверг сбежать в кино-театр на новую картину. Тут даже не следят, в каком часу выходят на работу и когда возвращаются домой. Да и не очень соблюдают установленный для всех государством семичасовой рабочий день. Стараются использовать светлое время, которое с каждым днем заметно уменьшается.

Немудрено, что и «временный разнорабочий» Димка, как его записала в приказе Ксана, сбился со счета, не может вспомнить, в какой день он сюда прилетел и сколько же он тут живет.

Суббота для Димки пришла неожиданно. Вот так он, оказывается, и прожил тут больше недели.

Суббота от остальных дней отличалась только тем, что чуточку раньше ушли с просеки и вымылись в крошечной баньке.

Все парни, живущие в палатке, собрались в углу, возле кровати Андрея, и о чем-то тихонько сговаривались.

— А где Димка?— вспомнил Андрей.— Иди сюда.

Димка подошел.

— Возьмем голубка?— спросил Андрей.— Чего ему скучать? Пусть посмотрит. Все равно завтра вертолета не будет. Хочешь с нами порыбачить?

Димка удивился: какая рыбалка в тайге? Да и снег. Все же приглашение тронуло его.

— Все завтра увидишь,— сказал Андрей.— Карасей на Черном озере будем ловить. Понимаешь...— он оглянулся, нет ли посторонних,— завтра у Ксаны день

рождения. Устроим торжественный обед с карасями. Но только молчок. Никому... Понял?

Андрей опять оглянулся.

— Маловато нас. Димка не в счет. Он еще не рыбак.

Позвали троих из соседней палатки, под клятву рассказали о затее.

Откуда-то появилась сеть. Дверь закрыли и начали перебирать сеть, штопая порванные места.

Работой командовал Серега Терентьев, самый маленький среди живущих в палатке. Когда он стоял рядом с Андреем, то едва доставал ему до груди. Ходил он вразвалку на коротких ногах, неторопливо и не спеша. Однако, несмотря на медлительность, как-то ухитрялся сделать больше других и аккуратнее других положить сосну так, что к ней всем было удобно подойти, обрезать сучья, распилить. И бревна приходилось ближе таскать. Все старались попасть к нему в звено. Немножко посмеивались над его слабостью — любит поспать. Вечерами раньше всех оказывался в постели и, пока другие еще перекидывались шуточками, болтали о всякой всячине, Серега уже сладко, как котенок, помурлыкивал. Утром его приходилось расталкивать, никакой шум не мог заставить открыть глаза.

Сейчас Серега оживился, всеми бодро командовал, не допуская самой малой небрежности в починке сети. Для него это было слишком серьезное дело.

— Мой дед — тому сто лет, — приговаривал он, — все мог простить, но растяп не любил. Рыбачить — это не сосну валить. У нас на Оби младенцам вместо погремушки вяленую рыбу дают. А в два года мальчишка сам рыбу промышляет.

Разошлись спать пораньше.

Димка быстро заснул.

Спал немного. Кто-то дергал уже за плечо. Открыв глаза, он увидел Серегу Терентьева.

— Давай, давай... — шепотом сказал Серега. — Пора!

Он пошел дальше, поднимая остальных. Из маленьких окошек в палатку смотрела чернота.

На кроватях нехотя возились, ворчали.

— Да еще рано, — услышался протестующий с соседней кровати голос.

— Давай, давай... — возразил Терентьев.

Он заставил всех быстро подняться.

— Ну, Серега! — смеялся, потягиваясь,

Андрей. — Тебя каждое утро хоть за ноги с постели тяни, а сегодня...

— Мой дед — тому сто лет, говорил: рыбка любит ранних.

Они вышли на улицу, когда еще стояла ночь. Небо было щедро усыпано звездами. Земля затвердела. Воздух был колючий, легкий. Все же после тепла было так холодно, что хотелось поджечь пальцы в сапогах.

Рыбаки молча прошли мимо домиков и гуськом втянулись в лес.

Димка, шагая в темноте за чьей-то спиной, думал, как быстро привык он к людям, к которым так случайно попал. Его ничуть не задевало, что к нему они относятся чуточку не так, как друг к другу. Они могут иногда так заорать один на другого, что, кажется, сейчас подерутся. Могут начать кого-нибудь разыгрывать так, что хоть уходи из леса. К нему же относятся несколько покровительственно. Особенно Ксана. Она то и дело интересуется, все ли ему нравится, не забывает спросить, как ему рисуется. Наверное, все это потому, что он среди них самый младший и только ему тут не требуется бритвы. Тут есть такие, как бригадир Андрей, успевшие послужить в армии, и не где-нибудь, а на Дальнем Востоке, один даже жил в Германской Демократической Республике; были побывавшие в других краях и на других стройках. А у Димки что за плечами?

Вот иногда называют его голубем... Почему? За уступчивость? Тихий? Обидно... Сколько он тут будет жить? Когда прилетит вертолет? Что сейчас делает Сережка? Как ему живется у дяди Кости?

Воздух начал светлеть. Цепочка идущих растянулась. Отдельно шагали трое, у них на плечах сеть. Димка и Андрей оказались вместе. Иногда, если позволяла тропа, шли рядом, но чаще друг за другом.

— Ты стихи любишь? — вдруг спросил Андрей.

— Не знаю, — сказал Димка.

— Да, ты же карандашом мазать любишь, — вспомнил Андрей. — Ты только не обижайся, как я сказал. Получается-то у тебя здорово. Очень похоже. А я стихи люблю, жалею, что сам не умею сочинять. Почему это так? Стихи любишь, а сядешь сам писать — и ничего не выходит. И слова такие же, а стиха нет. Вот недавно, слушай, какие я стихи в журнале прочитал...

Андрей некоторое время шагал молча. Потом начал:

*Будь молодчиною,
Стойким мужчиною
Средь моря синего,
Средь поля белого,—
Сильнее сильного,
Смелее смелого.*

— Правда, здорово?—и посмотрел на Димку, улыбаясь.

Димке стихи понравились. Его особенно привлекли эти строчки, что надо быть сильнее сильного, смелее смелого.

Светало быстро. Теперь хорошо была видна тропа в частом лесу, слегка припорошенном снегом.

— Ты у нас остаться не хочешь?—спросил Андрей.

— Мы уговорились вместе,— ответил Димка.— Такое обещание дали...

— Оставался бы... К Новому году наши участки сойдутся. Тогда и увидишь своего дружка. Тут скоро большие дела начнутся. Вот прорубим трассу и тогда к нам мехколонна сможет прийти. Начнет насыпь делать. Все будет по-другому.

— До Нового года долго. Да и дядя Костя ждет.

— Напрасно... Я, когда сюда попал, думал, что долго не усiju. Уж очень место глухое. Думаю, зачем мне тут торчать, что, я себе места веселее не найду? А тут пусть другие ишачат. С нами тогда и Ксана прилетела, но только на два месяца. Она институт кончила, ее послали наладить работу участка и возвращаться. Через два месяца собралась Ксана в обратный путь. И мы, шестеро, тоже. Ксана нам говорит: «Не гоже так, ребята. Кто же тут останется?» Мы ей: «Сами уезжаете...». — «Кто вам сказал?» — спрашивает нас Ксана. — «Знаем, говорим, нас не проведешь». Она даже рассердилась. «Ничего не знаете! Кто вас гнал сюда? Сами поехали. А теперь назад? Испугались? Трепачи вы! Вот самое мягкое, что могу о вас сказать». Спрашиваем: «Не уезжаете?». — «И не думаю», — говорит Ксана. Тогда и мы остались. Все шестеро. А потом обязались: всем тут до смычки участков работать, поэтому перекроем сроки смычки. По плану — в марте, а мы решили сомкнуться к Новому году. Нам тут, конечно, нелегко бывает, но Ксане еще труднее. Одна среди парней, хоть бы еще одну девушку. Все Ксане веселее было бы. Сегодня у нее

день рождения. Представляешь? Двадцать пять лет! Вот и решили хоть обед торжественный ей устроить. Будет маленький праздник.

Дошла очередь и до Димки тащить сеть. Он пристроил ее поудобнее на плече и зашагал средним, стараясь не сбиваться с шага, не затруднять ходьбы идущему впереди.

Озеро лежало в низких топких берегах, заросших густым камышом. Шел легкий, как пух, снег, он неслышно ложился на черную воду, не тревожа ее. Вода отражала сосны, камыши и, если подойти близко, то была так прозрачна, что виднелась каждая травинка на дне.

Действительно, озеро казалось черным, как его называли, и не только черным, но мертвым и холодным. Димка даже поежился, не чувствуя ни малейшего желания лезть в воду, да и сомневаясь, может ли тут быть рыба.

Всеми распорядился Серега Терентьев. По-обычному медлительный, он проверил не спеша лодки, заставил вычерпать скопившуюся в них воду, расстелил на берегу сеть и еще раз проверил ее. Димке поручил развести костер, собрать побольше сушняку и поддерживать огонь.

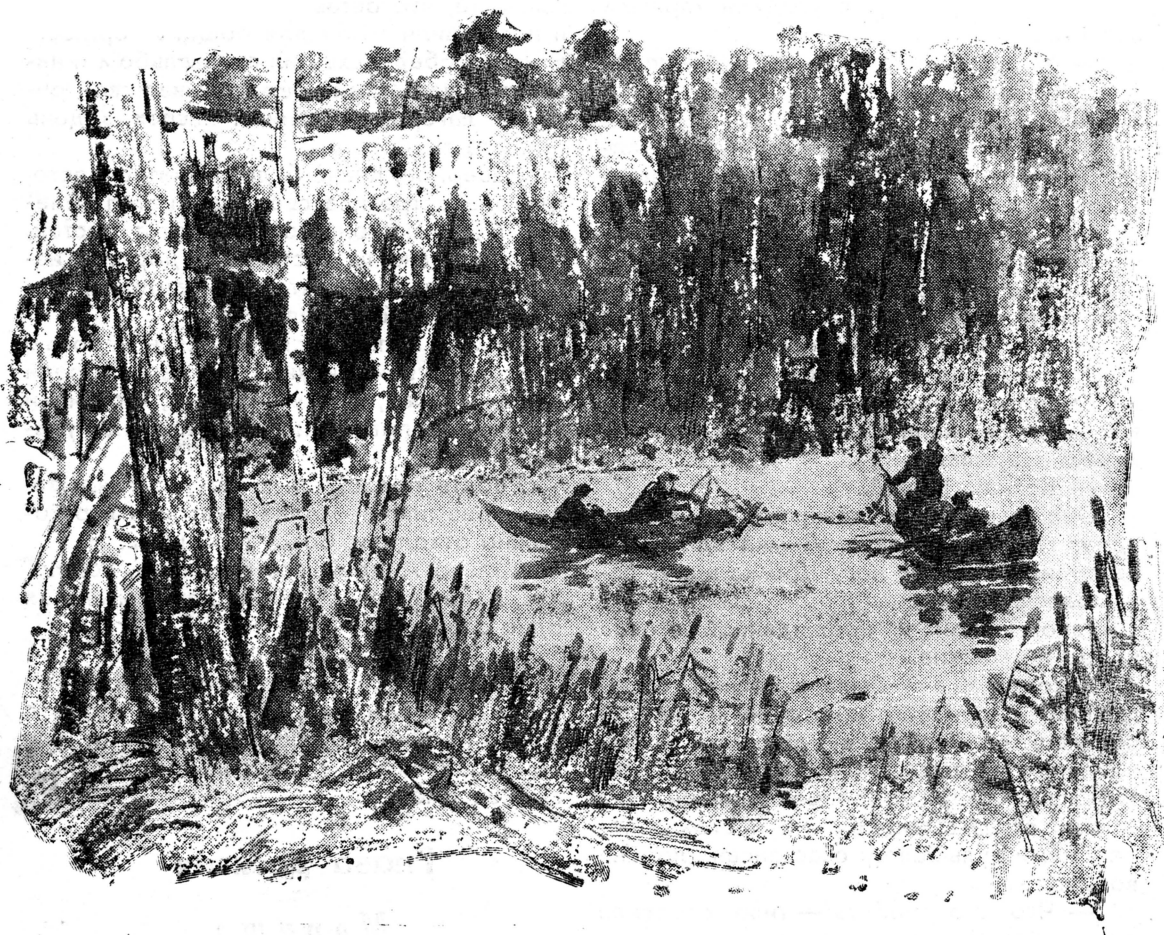
Четверо прыгают в две лодки. Над водой разносятся веселые голоса. Отплыв от берега метров на сто, лодки разъезжаются в стороны, с них сползает в воду сеть. Потом лодки начинают приближаться к берегу, описывая широкую дугу. Двое гребут, а двое вынимают из воды сеть метр за метром. Чем ближе к берегу, тем яростнее гребут ребята, все быстрее и быстрее работают вынимающие сеть.

Над водой далеко разносится хрипловатый и звенящий от напряжения голос Сереги:

— Давай!.. Давай!..

С размаха лодки врезаются в берег. Хрустит камыш. Парни выскакивают из лодок и бегут на берег, вытягивая сеть. Стоящие на берегу мчатся к ним навстречу и тоже включаются в общее дело. Димка, бросив костер, тянет со всеми тяжелую сырую сеть, пахнущую водорослями и рыбой.

Показывается мотня. Ее выволакивают и оттаскивают подальше на берег. Ничего пока не разобрать в мотне, полной водорослей, но что-то там внутри бьется, сверкает золотом.

— Давай!.. Давай!..— протяжно, все спокойнее кричит Серега, с красным лицом, по которому сбегают капли пота.

И вот мотня вывернута. На траве, словно припудренной снегом, бьются золотистые рыбы, разевая жадно рты.

— Удачно!— довольно говорит Серега.— Первый замет сделан. Ух и нажировались! Хороши караси... Так говорил мой дед—тому сто лет.

Его лицо расплывается в широкой улыбке. Видно, что для него нет большего счастья, чем закинуть сеть и вытянуть это живое золото.

Удача воодушевляет рыбаков. Опять выходят лодки, опять с озера несется над водой голос Сереги:

— Давай!.. Давай!..

Но в этот раз вытянули трех карасишек, увязших в куче водорослей. Однако неудача никого не обескуражила. На рыбалка всякое бывает. Перешли на другое место и вытащили кучу рыбы.

Словом, рыбалка шла весело. Все увлеклись, не обращали внимания, что промокли до ушей, одежду хоть выжимай.

— А костер?— крикнул кто-то, когда вытянули очередной улов.

— Эй, Димка! Голубы!— закричали ему.— Костер!.. Давай костер!..

Костер на берегу еле дымил. Димка сидел на бревне и рисовал, забыв о своей обязанности.

Димка вскочил, стыдясь, что забыл про костер, и кинулся к нему. Все трудятся, только он уселся барином и занялся своим делом. Он начал швырять сушняк, и не прошло пяти минут, как пламя заиграло, разбрасывая искры. К тому времени, когда рыбаки решили, что пора кончать лов, он полыхал вовсю.

Собрали всю рыбу, разбросанную по берегу, набили ею мешки, обсушились у костра и тронулись в обратный путь. Шуткам и смеху не было края. Вспомнили, как кто-то вывалился из лодки и про-

мок по плечи, кому-то угодили карасем в лицо.

— Успел, Димка, нарисовать?— спросил Андрей.

— Почти...

— Ну и рассвирепел же я,— признался добродушный Серега Терентьев.— Смотрю, костра нет. Его от воды освободили, пожалели, а он и на берегу ничего не делает!

В веселой болтовне, смехе, разговорах о прошедшей рыбалке незаметно пролетела обратная дорога.

В лагере, не сняв рыбацкой одежды, в резиновых сапогах, они сразу подошли к дому, где жила Ксана, выстроились и хором закричали:

— Ксана!.. Ксана!..

Она вышла на крыльцо, и Димка вдруг глотнул воздуха, Димка вдруг переступил с ноги на ногу, Димка вдруг заулыбался.

Такой новой и неожиданной стояла перед ним Ксана.

Сегодня Ксана была в тесной, облегающей сиреновой кофточке и черной расклешенной юбке, в туфлях на тонких каблучках. Пушистые ее волосы золотились, глаза сверкали особой синевой. Она словно стала выше ростом и стояла перед ними, улыбаясь, счастливая, легкая, воздушная.

— Что это, ребята?— тихо спросила она, с удивлением всматриваясь в грязные лица рыбаков.

И тогда двое—высокий, не просто высокий, а очень высокий бригадир Андрей, и маленький, по грудь ему, Серега Терентьев, сын рыбака с Оби—кинули под ноги Ксаны брезент и из мешков начали высыпать карасей. Они лились из мешков золотым потоком.

— Что это?— опять спросила Ксана.

— Нептун просил передать тебе подарок в честь дня рождения,— торжественно, прижимая руки к груди и кланяясь, сказал Андрей.— Прими этот дар!

— Так вы это ради меня? Ой, спасибо же вам, ребята! Ой, спасибо!..

И все лицо ее осветилось радостью.

Димке захотелось доставить Ксане радость от себя лично, еще раз увидеть, как вспыхивают синие глаза, ярче разливается румянец, особенно яркими становятся губы.

Он помчался к себе в палатку, наскоро вымыл руки, лицо и, пока рыбаки приводили себя в порядок, а осталь-

ные—те, что оставались дома—чистили и потрошили рыбу для общего торжественного обеда, схватил свой альбом и начал рисовать. Он перерисовывал свой рисунок лагеря, сделанный наспех в день прилета сюда.

Наверное, Ксане будет памятно место, где она встретила свое двадцатипятилетие. Пусть же она сохранит этот листок, где изображены настланная дорога, избушки, палатки, мачта радиоантенны, лагерь, стоящий у края леса.

Димка волновался, готовясь впервые подарить свой рисунок, у него горели кончики ушей, и ему казалось, что линии ложатся неправильно, рисунок не удался.

Ребята подходили к нему, заглядывали через плечо, молча смотрели и осторожно отходили, боясь помешать.

Только Андрей, его бригадир, все поняв, положил ему руку на плечо и сказал одно слово:

— Правильно...

А Димка вспомнил стихи, которые читал в лесу Андрей, и подумал, что это действительно хорошие строчки, и все они тут в самом деле сильнее сильных, смелее смелых.

Глава десятая

Марша

В тот самый субботний вечер, когда Димка собирался на рыбалку, Сережка, Степан Окаемов и Федор Дробышев пробирались ночной лесной дорогой.

Они двигались так: впереди Федор, в середине Сережка, замыкающим Степан. Шли против ветра—он бил в лицо сырым снегом. Сережка надвинул пониже на глаза шапку, закрыв весь лоб, и нагнул голову.

Почему они не поехали на вездеходе? Да он бы двигался по такой размокшей дороге медленнее пешехода.

Грязь чавкала под ногами, глубокая, вязкая, сапоги скользили, и ноги разъезжались.

— Твердо держится орел?—спросил Степан.

— Орел держится...—ответил Сережка.

Так время от времени спрашивал Сережку Степан, подбадривая громким голосом. Так ему неизменно, приняв эту иг-

ру, отвечал Сережка, хотя шагать ему становилось все труднее. В нескольких метрах перед ним покачивалась спина Федора. Тот шагал молча, словно забыв о спутниках. Временами Сережке казалось, что он отстаёт, спина Федора уходит от него, и он прибавлял хода, торопясь сократить расстояние, держать дистанцию неизменной.

Ноги Сережки все глубже уходили в грязь, которая становилась все более вязкой. Сережке стало так жарко, что он сдвинул со лба шапку, не чувствуя разгоряченным лицом холодного ветра.

— Твердо держится орел?— раздался голос Степана.

— Орел держится,— слабым голосом ответил Сережка.

Внезапно потемнело. Кончилась та часть леса, которая шла просекой. Теперь дорога втянулась в нетронутый лес.

Колени Сережки ослабли, он боялся, что споткнется и упадет. Ружье оттягивало плечо. Спина Федора все чаще и чаще уходила от него, и все труднее было восстанавливать дистанцию.

— Федор!— громко крикнул Степан.

Федор остановился, и Сережка нагнал его.

— Привал нужен,— сказал Степан.— Четыре часа идем... Ноги перестали слушаться.

Сережка возликовал: не только он, но и Степан выбился.

Федор не ответил. Он отошел в сторону, и из темноты послышались удары топора по сухому дереву.

Вскоре возле дороги вспыхнул костер. Ветер сгибал языки пламени в одну сторону, и тени деревьев покорно ложились по ветру.

Как хорошо сидеть у костра! Отдыхает все тело, чуточку дремлет. Сережка думает, что еще недавно — всего неделю назад — он ехал на север и не знал, зачем и как будет жить. Разве предполагал, что попадет в Кедровку, в большой коллектив взрослых, занятых очень важным делом, и чуть ли не с первого дня станет своим человеком. А сейчас спешит на выручку неизвестной ему Мариши Дробышевой. Отдыхает у костра, переживает общую тревогу. Им, троем взрослым, конечно хорошо сидеть у огня. А каково Марише Дробышевой одной в черном лесу.

Федор сидел напротив Сережки, угрюмый, словно замкнулся от всех.

— Не паникуй, Федор,— сказал Степан.— Жива и здорова твоя Мариша. Застряла где-нибудь с машиной, на выручку надеется. В товарищей верит.

— Не знаешь ты, никто не знает, что такое для меня Мариша,— глухо сказал Федор.— Поздно схватились. Вчера надо было выходить.

— Да кто же думал... Опытный шофер. Не впервые в таком рейсе.

— Тайгу она знает, а все же... Ну, а если что — в жизни себе такого не прощу.

Федор снял шапку и скинул полушубок. Правый глаз его был странно неподвижен. Он косо посмотрел на Степана и сказал:

— Мы с Маришей вместе с Якутии. Там нас судьба свела. Для всех Мариша и Мариша-шоферша. А никто не знает, что она мне жизнь спасла.

...Якутская тайга — это, знаешь, труднее места нет. Тут на Урале разве зима? Ударит тридцать — сорок, и все охать и ахать начинают. А в Якутии в октябре придут метели, ляжет снег, ударит под шестьдесят — и так до весны. На оттепель не надейся, не бывает их. Всю зиму тишина, ни одной метели и снегопада, только мороз меньше пятидесяти пяти не бывает. Рейсы там далекие — километров по четыреста — шестьсот. Вот и едешь днем и ночью, тянешь машину. Мотор глушить нельзя — разом прихватит воду. А если приморозит тебя в тайге, считай, что тут тебе и конец. Помочь некому. Сам думай. Такая там, Степан, работа. Спать, конечно, в рейсе надо, хоть немножко вздремнуть. Положишь голову на баранку, заведешь глаза, спишь, а уши мотор слушают.

Федор опять метнул косой взгляд на Степана и уставился на костер.

— Шел я вот такой морозной ночью с Мирного на Айхал — это тогда только новую алмазную трубку начинали разрабатывать. Путь немаленький, к тому же недавно проложенный. На всем пути одна обогревательная избушка. Якут-старик в ней жил. Почти полдороги я прошел, веселее на душе стало. И покажись мне, что мотор перегрелся, вроде из радиатора пар бьет.

Остановил я машину. А темень кругом — якутская ночь без луны, только звезды. Прыгнул из кабины, и словно мне крапивою по глазам хлестануло. Потом узнал, что о сучки лиственницы ударился. Тогда ничего этого я не понял. Торо-

пился к мотору, боялся, на морозе остынет. Капот я все же открыл, проверил радиатор. Оказалось, ошибся, все в порядке. И тут же чуть не свалился от боли. Провел рукой по лицу, а оно все в крови, и ничего не вижу. Еле заполз в кабину. Начинаю понимать, что с одним глазом у меня что-то скверно. Перевязал я его и попробовал машину вести. Мотаю головой, свет в глазах меркнет. Все лицо начинает рвать, второй глаз перестал видеть. Придвинул я машину на самый край дороги и остановил ее. Мотора не глушу. Отвалился к спинке, а боль в глазах такая, что хоть кричи...

Сережка притаился, боясь шевельнуться, помешать рассказчику.

— Да... В такую тогда попал историю... Раздирает мне изнутри голову так, что, кажется, череп вот-вот треснет. Понимаю, что пропадаю в этой якутской тайге. Мороз в ту пору держался больше шестидесяти. Дорога на Айхал глухая, машины ходят редко. Заглохнет мотор, как бензин кончится, и тут мне крышка.

Не знаю, сколько был я в забвенье. Уж все от меня отошло. Ни о чем не думаю, все боль заглушила. Вроде как туда поехал...

Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Открыл я глаз, да ничего не увидел — красный туман плавает.

— Что с тобой? — спрашивает женский голос.

Я ничего не соображаю. Не удивился даже, что в тайге оказалась женщина.

— Беда, — говорю ей. — Глаз вышиб.

— Что же теперь делать? — спрашивает она.

— В Мирный надо ехать. Может, там помогут. В Айхале врачей пока нет.

— А можешь машину вести? — спрашивает женщина.

— Смеешься? — говорю ей. — Не вижу...

— Тогда жди, — говорит она.

Слышу, как мимо меня проехала машина, развернулась и остановилась. Опять открыла она дверь кабины.

— Груз скинуть сможешь?

Вылез я, повыкидывали мы с ней из ее машины ящики, сложили их вдоль дороги, спустили из моей машины воду, и погнала она в Мирный.

Лихо машину вела...

Сережка слушал так, словно ему читали рассказ из книги Джека Лондона. Ему хотелось посмотреть в лицо Федору, по-

нять, правду ли он рассказывает. Но Федор не поднимал головы, голос его звучал глухо.

— В Мирном сделали мне операцию. Левый глаз пропал, вытек. Теперь стеклянный ношу. А правый успели спасти. Все время, пока в больнице лежал, даже еще не знал, буду ли видеть, Мариша мне передачи носила — яблоки, апельсины, соки всякие. А достать все это в Мирном нелегко. В больнице думали, что жена навещает, заботится о муже.

В тот день, когда мне выписываться, пришла Мариша и сказала, что меня не оставит. Вот как все у нас с Маришей было, вот как все началось...

— Ладно, Федор, не трави сердце, — с грубоватой лаской попросил Степан. — Выручим Маришу. Отдохнул, Сергей? Можешь ногами двигать? Тогда пошли.

Опять двинулись они по темному лесу. Шли весь день, все с большим трудом преодолевая каждый километр. Шли напрямик. На этом участке тянулось обширное болото, поросшее жалкими березками и кривыми низкорослыми сосенками. Им не встретилось ни одной сухой полянки; только к вечеру, одолев болотистую пустошь, они добрались до леса и смогли обсушиться у костра. Тут коротке и подремали. Точнее, подремали Сережка и Степан; Федор так и просидел у костра.

Позже, когда Сережку спрашивали, как они шли, какие у них были происшествия, он толком мало что мог рассказать. Все слилось для него в бесконечный изнурительный путь через болота. Он только помнил, что дважды тонули в оврагах, увязали в топях. Но упорно брели и брели, торопясь помочь Марише.

Возле леса они разделились — тут расходились три дороги. Сережка двинулся по центральной. Он шел, прислушиваясь. Лес стоял с двух сторон молчаливый, таинственный.

Дорога оказалась трудной. Вся она была в глубоких колеях от проходивших машин и тракторов. Ноги соскальзывали с гребешков. Везде блестела вода. Сережка попробовал сойти с дороги на обочину, но и там было не легче. Кучи хвороста, канавы то и дело заставляли опять выбираться на дорогу.

Сережке сказали, что этот лес тянется километров на десять — двенадцать, потом опять начнется обширное болото, где дороги должны сойтись. Он вглядывался вперед, ожидая, что вот сейчас, может быть, впереди посветлеет и этот мрачный лес кончится. Так он дошел до поворота, а впереди опять был все тот же лес и та же перерытая колеями, полными воды, дорога.

Очередной перекресток — новая надежда, что сейчас он увидит конец леса. Новое разочарование...

Ноги отяжелели, он двигался все медленнее, но не позволял себе остановиться. Ведь идет Федор, шагает и Степан. Он должен выйти к болоту одновременно с ними.

Болото открылось внезапно.

Он даже удивился: столько ждал, когда его увидит, и — вот оно.

Впереди он увидел черную точку.

Неужели Мариша Дробышева?

Сережка поднял к небу ружье и выстрелил сперва из одного ствола, потом выстрелил из другого.

И тут же услышал ответный выстрел справа — это вышел из леса Федор Дробышев. Он шагал к Сережке.

Не успели они сойтись, как раздалась еще два выстрела. Слева показался Степан Окаемов.

Вот как они удачно, минута в минуту. Федор так зашагал к черной точке на болоте, что Сережка и Степан сразу отстали от него.

Да, это была Мариша!

Грузовая машина увязла на торфяном поле и медленно тонула

Мариша, в полушубке, повязанная шерстяным платком, сидела на крыше кабинки. Быстрые черные глаза ее с яркими искорками смеялись. У нее были маленькие мохнатые брови, очень подвижные, и небольшой рот с яркими губами.

— Звери!— упрекнула она.— Мальчишку зачем с собой тащили? Измучили его.

Сережка насупился.

— Тоже хотел помочь,— сказал Степан.— Молодцом шагал.

— Познакомимся,— предложила Мариша, протягивая руку.— Не обижайся... Спасибо, что пришел.

— Чего же ты на кабину забралась?— спросил Степан.

— Видишь, тону...

— Бросила бы — и домой.

— Боялась,— сказала Мариша и улыбнулась смущенно.— Боялась одна по тайге идти. Вот своего Федора ждала,— добавила она, бросив быстрый искристый взгляд на мужа.

Федор стоял, прислонившись плечом к кабине, и не сводил взгляда с Мариши. Сережке показалось, что такого счастливого человека он еще никогда не видел.

Сережка подумал о большом и трудном пути обратно, и он показался совсем нестрашным. Ведь назад они пойдут все вместе.

Главное, Маришу нашли.

Глава одиннадцатая

Опять Кирка!

Зеленая ракета взвивается в небо. Она описывает крутую дугу над лесом, повисает и летит к земле, угасая. Вслед за нею взвиваются вторая и третья.

Что такое?

Какие люди появились возле участка в глухом лесу?

С топором в руках Димка стоит возле только что поваленного дерева. В лесу

разом смолкает визг пил, все настороженно молчат, прислушиваются.

Сумерки наступают на лес. Пора кончать работу. Однако сейчас никто не трогается с места.

Что происходит в лесу?

Опять зеленая ракета!

Сигнал бедствия? Чей? Предупреждение? Чье? Кто пускает ракеты?

Взлетела к небу тревожная красная. За ней опять — зеленая.

Сумерки все плотнее. Но никто не уходит с трассы. Ждут, что будет дальше. Кто же пускает ракеты?

— Приветик!— раздался бодрый хриловатый голос.

Димка резко повернулся.

Опершись на лыжные палки, перед ним стоял Кирка. Да, Кирка! Лицо его было красно, словно кирпичом натерто. На голове серая вязаная шапочка с помпончиком на макушке, сам в коричневой спортивной куртке со множеством молний, в синих брюках. Не Кирка, а цветная картинка из спортивного журнала. Улыбается, сверкают белые зубы.

— Здравствуйте,— медленно ответил Димка, потрясенный тем, что видит перед собой Кирку.— Это ваши ракеты?

— А что? Плохо? Хочешь пари?— быстро спрашивает Кирка.— Ну, хочешь? Не веришь, что это я. Угадал?

Он снимает рукавицы и хлопает ими.

— А тут здорово!— оглядывает Кирка длинную просеку.— Не узнать...— И оборачивается к Димке.— Значит, все-таки строим трассу? Преображаем тайгу? А где рыжий?

— Вам лучше знать,— мрачнеет Димка.

— А ты зачем тут остался?

— Больных увозили, груз был. Вот и оставили. Обещали опять прилзтеть и не летят.

— Сам виноват. Ведь добровольно остался, не заставляли. Эх ты, сробел...

Димке это неприятно. Он отворачивается.

Кирка сбросил рюкзак на снег и присел возле Димки.

— Никакой у тебя связи с дружкой?

— Какая тут связь?

— Хочешь пари! На что угодно. Ну, хочешь? Не угадаешь, откуда я сейчас.

У Димки нет никакого желания заключать на что-то пари. А этому парню ничего, смеется себе. Зачем он еще появился здесь?

— Напрасно, голубь, напрасно,— дразнит Кирка.— Ведь я из Кедровки. Видел твоего Сережку, у дяди Кости ночевал. Привет тебе шлют.

— Что?— Димка изумлен.— Из Кедровки? Сережку видели? Как он?

Но тут появились Ксана и Андрей.

— Кирка!..— воскликнула Ксана.— Это твоя шутка? Ракеты?

— Пустяки,— отмахивается Кирка.— Салют в честь вашего участка.

— Как же ты добрался?

— Ножками... Самыми обыкновенными ножками на самых обыкновенных лыжах.

— Один?

— Зачем же... Сейчас еще двое подойдут. Меня разведчиком выбросили.

— Давай-ка лапу, дружина,— добродушно говорит Андрей, протягивая руку. Андрей так дергает Кирку за руку, что тот отрывается от снега. Андрей обнимает его и с силой хлопает по спине.— Ну, пари хочешь?— Андрей громко хохочет.— Хочешь? Не угадаю, чего к нам погнало.

— Да вот своего подшефного захотелось навестить,— лукаво говорит Кирка, показывая на Димку.— Как ведет себя? Есть жалобы?

— Нечего над ним шутить,— обрывает его Андрей.— Говори, зачем пожаловал.

— Задумали мы зимой по всей трассе кросс провести. Лыжню проверяем. И другие дела...

Со всех сторон на их голоса подошли лесорубы и плотники. К Кирке разом тянулось множество рук, всем хотелось поздороваться и взглянуть на посланца с «Большой земли».

Сколько, оказывается, у Кирки друзей!..

К лагерю Димка шел рядом с Киркой. Чувство неприязни, вспыхнувшее в первую минуту, прошло. Невозможно сердиться на Кирку. Все же это его первый знакомый на трассе, он же здорово помог им тогда с ночлегом, хлопотал о вертолете. И его ли вина, что все так вышло. Туман виноват. Димке хочется расспросить о жизни Сережки и дяди Кости, о месте, где они живут. У него сотни вопросов. И надо посоветоваться, как же ему попасть в Кедровку? Кирка должен в этом помочь. Вон ведь как затянулась «неделя»...

Но ни о чем спросить не удастся. Кир-

ку разрывают на части. У всех к нему есть вопросы, он старается всем ответить. В частности, становится известно, что сегодня Кирка будет вручать комсомольцам билеты.

Вдруг Кирка восклицает:

— Забыл! Ведь забыл! Танцуй, Димка! Тебе два письма.

Он раздергивает молнию нагрудного кармана и протягивает Димке сразу два конверта. Письма! От Сережки и дяди Кости.

Димка хзатает письма и мчится в палатку.

Кирка с Ксаной и бригадирами уходят в избушку.

Первым Димка читает, конечно, Сережкино письмо.

«Здравствуй, дорогой мой друг Димка! Чего же ты к нам не едешь?— пишет Сережка.— Может, ты не хочешь? Тебе и там хорошо? Мы живем с дядей Костей вместе, очень жалею, что нет тебя. В Кедровке здорово хорошо. У нас большой план, но мы его выполняем. А у вас? Знаешь, я решил, что никуда с трассы не уйду, пока не дойдем до Ледянки. Тут и все так решили. У нас много всяких машин, мастерская. Работаю пока учетчиком, но можно любую специальность получить.»

Пишешь ты домой? Я два письма послал и получил ответы. Все дома живы и здоровы. Тебе велели поклонь передавать и жалеют, что мы не вместе.

С приветом к тебе Сергей! А еще тебе шлет приветы Лиза!»

А вот что писал дядя Костя:

«Дорогой мой друг! Крайне сожалею, что не попал ко мне в Кедровку. Но люди у нас на трассе везде добрые и тебя, наверное, приняли хорошо. Я знаю хорошее и отзывчивое сердце Ксаны. Она не может оставить человека без внимания и заботы.»

В коллективе каждый должен думать о других и свои поступки определять по их пользе коллективу. Тогда и складываются хорошие отношения. Эгоизм же, себялюбие— главные враги человека. Участок ваш очень трудный, один из самых трудных на трассе. Но очень важный для будущего. Помни об этом и старайся там быть полезным.

Я тебя не забываю, Дима! Мне обещали при первой возможности перебросить тебя в Кедровку. Когда? Никто сейчас этого не скажет. Вертолеты находятся на

инспекторской проверке. Унынию не поддавайся — это самое главное.

Твоя дружба с Сережей меня радует. Это хороший товарищ. Мы с ним славно живем.

Желаю тебе бодрости, добрых отношений со всеми товарищами.

Передай привет Ксане.

К. КОНЕВ».

Димка долго сидел над этими двумя листками.

Ему было и радостно, что Сережке живется хорошо с дядей Костей, и грустно, что он так далеко от них.

А кто такая Лиза, что шлет ему приветы?

Народ уже собирался в палатке. Хотя собрание было комсомольским, но пришли все, кто жил на этом глухом участке лесной трассы. Их было не так мало — человек тридцать.

— Наша трасса быстро прорезает тайгу, — говорил Кирка. — Весьма быстро! Однако надо строить еще быстрее. За лето в тайге нашли нефть и газ. Железная дорога нужна не только леспромхозам, но нефтяникам и газовикам. Это будет край лесной, нефтяной, газовой и химической промышленности. Вы идете на соединение с Кедровкой и обещаете сомкнуться в Новый год. Надо это слово сдержать. Скоро сюда приедет еще полсотни комсомольцев...

Так говорил Кирка — сейчас это был не беспечный Кирка, готовый по любому поводу заключить пари, а посланец Управления строительства дороги, один из ее диспетчеров и член комитета комсомола.

Закончив со вступительным словом, Кирка перешел к комсомольским делам.

— Теперь я должен вручить билеты молодым членам нашего Ленинского комсомола, — сказал Кирка. — Таких у вас трое. — И он позвал: — Василий Кудрин!

К столу подошел маленький крепыш. Из-под распахнутой рубашки виднелась тельняшка, глаза его сверкали задорно, весело. Сашка знал его по рыбалке на Черном озере.

— Помнишь свои слова, когда тебя принимали в комсомол? — спросил Кирка.

— Они горят у меня в сердце! — шуточно воскликнул Василий Кудрин.

— С тех пор прошло пять месяцев, — продолжал Кирка. — Как же ты сдержал их? Не перегорели?

— Как? — Василий Кудрин оглянулся на собравшихся. — Работал.

— Как работал?

Василий Кудрин слегка смутился.

— Не знаешь, как работают? Руками...

— Какое великое открытие, — сказал Кирка. — Друг мой, об этом еще писал Энгельс.

— Очень хорошо работал, — раздался голос Ксаны. — Он теперь руководитель звена. И звено идет впереди других.

— Слышал, как работал? — спросил Кудрин, слегка усмехаясь. — Достаточно?

— Похвально, — заметил Кирка. — Но ведь этого мало. А как живут и трудятся твои товарищи?

— Весело, — неожиданно сказал Василий Кудрин.

— Как это понять — весело?

— Вместе охотимся, рыбачим. Хочешь, Кирка, свежих карасей попробовать?

— Какие же сейчас караси? Чудило! Все в тайге замерзло.

Василий Кудрин подмигнул Кирке.

— А мы участок вечной мерзлоты нашли. И устроили в ней холодильник. Держим там своих карасей. Нам их теперь на всю зиму хватит. Кто желает карасей — милости просим.

— Приду попробовать карасей, — согласился Кирка. — Свое слово — работать хорошо, крепить коллектив — ты сдержал. Могу спокойно вручить комсомольский билет, — и он протянул Василию Кудрину маленькую книжечку с четким силуэтом Владимира Ильича Ленина, удостоверяющую, что отныне Василий Кудрин является членом большой комсомольской семьи. — Поздравляю! — Кирка так сердечно пожал руку, что Василий Кудрин поморщился от боли.

Все дружно зааплодировали.

Когда установилась тишина, Кирка позвал:

— Игнат Глебов!

Со своего места поднялся могучий парень с плечами и руками молотобойца. Он снисходительно посмотрел на щуплого Кирку.

— А ты, Геркулес, помнишь свои слова?

— Отлично! — рокоцущим басом ответил Глебов. — Например, мы собирались, когда ты приедешь к нам на уча-

сток, провести показательный матч вольной борьбы! Три раунда!

— В другой раз, в другой, — поспешно сказал Кирка, чуть отступая. — У меня впереди большая дорога.

— Испугался? У тебя будут еще вопросы? — спросил Игнат Глебов.

— Я удовлетворен.

— Вот так-то. Я тоже удовлетворен.

Игнат Глебов взял комсомольский билет и раскрыл его.

— Мой! — сказал он и показал всем присутствующим. — Благодарю! — и протянул Кирке руку.

— В другой раз, в другой, — пряча за спину руки, сказал Кирка, отступая за стол. — Должен сегодня поужинать.

— А, ты собираешься ужинать? — спросил Игнат Глебов. — Тогда, конечно, береги свою руку.

И он величественно, под дружеские хлопки друзей вернулся на место.

Кирка, глядя ему в широкую спину, молча покачал головой и опять занял место впереди стола.

— Прошу Сережу Терентьева, — сказал он.

В палатке тишина.

— Где Сергей Терентьев? — повысил голос Кирка. — Я же видел его.

— Разбудить? — спросил кто-то.

— Вынести на руках, — распорядился необдуманно Кирка.

Его команду приняли к исполнению. В задних рядах началась возня. Четверо ребят несли к столу вертевшегося в руках, любившего поспать маленького Серегу Терентьева. Его поставили на ноги возле стола. Он стоял, ослепленный светом, беспомощно озираясь.

Смех сотрясал палатку.

— Что такое? — сердито спросил Серега.

— Ой, Терентьев, — огорченно сказал Кирка. — Рано же ты укладываешься спать.

— Тебе бы побыть весь день на морозе, — обиженно сказал Серега.

— Это, конечно, великий подвиг. Можно приравнять к подвигу космонавтов. Однако им в космосе легче. Сон входит в программу обязательных испытаний. Фамилия, имя?

— Ну, Сергей Терентьев.

— Вручаю тебе комсомольский билет. Поздравляю! Кроме того, есть еще телеграфное поздравление из села Усть-Юрт. У тебя появился брат. Его назвали Владимиром. Поздравляю с братом!— и захлопал в ладоши.

— Ура!..— крикнул кто-то, и этот возглас подхватила вся палатка.

Сергей Терентьев, маленький, взерошенный, похожий на воробья, стоял на виду у всех и широко и растроганно улыбался.

— Это правда? Братишка?

— Такая же правда, как и то, что я стою перед тобой,— сказал Кирка, протягивая Сереге телеграмму.

Димка тихо сидел в своем углу. Впервые видел он выдачу комсомольских билетов. Это было необычное собрание. За веселостью, шутками чувствовалась серьезность, даже торжественность. Димке очень хотелось быть на месте одного из тех, кому сегодня вручали комсомольский билет—звеньевского Василия Кудрина, силача Игната Глебова и даже зашедшего от усталости Сереги Терентьева. Все они тут были своими, своим был для них и Кирка. А он все же только случайно, по несчастью залетевший к ним временный разнорабочий и должен вот-вот переехать в Кедровку к дяде Косте. О вступлении здесь в комсомол ему нечего было и думать. Он не член этого коллектива.

Все они тут жили, тут был их дом, тут они были заняты делом, которое надо довести до конца. Он же только гостил.

Кирка закончил вручение комсомольских билетов.

Его утащили угощаться карасями.

Ночевать он пришел к ним в палатку.

— Много связей установил?— спросил он Андрея.— У, сколько флажков!

Он поболтал с Андреем и пересел к Димке.

— Покажи рисунки. Ребята рассказывают— здорово получается!

Польщенный Димка протянул ему альбом—самый последний. Кирка неторопливо посмотрел рисунки.

— Голова!— сказал он.— Ты же художник. Зачем на трассу поехал? Тебе учиться надо. Ты хоть посылал их куда-нибудь?

— Зачем?— спросил Димка.

— Зачем, зачем... Это же о нашей трассе рисунки. Пошли в журнал, в газету. Могут напечатать.

— Очень нужны там мои картинки,— искренне сказал Димка.

— Толкуй с тобой,— с досадой сказал Кирка.— Хочешь пари? На что угодно... Хочешь? Обязательно напечатают. Надо послать.

Димка молча убрал альбом.

— А кто такая Лиза?— спросил он.

Кирка сделал хитрое лицо.

— Очень симпатичная... Рыженькая, как Сережка. Дочь нашего лучшего экскаваторщика. У нее есть брат Степан, тоже экскаваторщик. Мы зовем их так: экипаж Окатьевых. Сережка очень дружит с ними. Особенно с рыженькой Лизочкой.

Утром Димка провожал Кирку и его двух товарищей, что вчера уже почти ночью пришли в лагерь.

Они шагали по сланцевой дороге, оскальзываясь на бревнах, припорошенных снегом.

— Далеко ваши ребята протянули дорогу,— сказал Кирка.— Видишь вон тот холм?— показал Кирка на лес, где среди хвойных вершин выделялась ажурная вышка.— Знаешь, сколько до нее? Двенадцать километров. Сходи проверь. Эту вышку я ставил. Тогда ничего тут не было. Мы вот так же на лыжах пришли. А теперь поселок тут, дорога...

Он помолчал и добавил:

— Эх ты, художник! Ползаешь тараканом по земле. Тебе с той вышки на мир надо смотреть. Художнику нужна высота.

Они остановились у стены леса, которая перегораживала дорогу. Там уже слышались голоса пил, звон топоров. Рухнуло первое дерево.

— Скоро мы тебя заберем отсюда,— пообещал Кирка,— и воссоединим с Сережкой.

Кирка оглянулся.

— Прощальный салют!

Он вытащил ракетницу и дважды выстрелил. Зеленая и красная ракеты поднялись над лесом.

Все трое встали на лыжи, подняли, салютуя, руки, двинулись по нетронутому снегу и скоро исчезли среди деревьев.

Налетел Кирка, нашумел и пропал...

Окончание следует

СЛОВО НАШИМ ЮНЫМ АВТОРАМ

Таинственный мир непознанного, ключ к которому один — наука. Загадки природы, трудные пути, ведущие к открытиям... Все это волнует наших школьников. Тех, кто станет очевидцем, а может быть, и участником необычайных свершений, о которых мы пока только мечтаем.

Не случайно научная фантастика — жанр, который среди наших школьников особенно популярен и любим.

Объявляя конкурс научной фантастики, редакция «Уральского следопыта» рассчитывала на то, что юные читатели примут в нем самое активное участие. Надежды редакции оправдались. Свои рассказы прислали нам А. Корюков, В. Иглин, А. Макаров; Н. Мельников; О. Вдовина, А. Козлов и многие другие. Все они — ученики 6—10 классов. Все любят мечтать и, вероятно, с увлечением читают книги А. Беляева, И. Ефремова, Аркадия и Бориса Стругацких. И сами пробуют писать, пытаясь хотя бы чуть-чуть приподнять завесу над тем удивительным, что скрывается за волшебным словом «будущее».

Не все из рассказов, присланных нам юными фантастами, заслуживают опубликования в журнале. Среди них есть произведения еще слабые в литературном отношении, есть и такие, в которых

недостаточно продумана и обоснована сама научная идея. Это понятно. Ведь их авторы лишь начинают свое знакомство с наукой и литературой. Важно другое: наши ребята стараются не остаться в стороне от трудного, но жизненно необходимого сейчас дела исследования будущего. В меру своих способностей они стремятся разглядеть достижения науки, все те открытия и изобретения, которые таит в себе завтрашний день планеты. Многие из молодых авторов понимают, что еще не везде и не всегда наука служит благородным целям. В мире денежных мешков и нищеты, в мире, где громкая сенсация подчас ценится выше подлинного научного успеха, ученые нередко становятся жертвами собственных открытий. Но там, где они стремятся использовать силы природы и техники для блага человечества, их труд всегда плодотворен.

В этом номере мы публикуем два рассказа, хотя и видим некоторую литературную несамостоятельность юных авторов и не всегда согласны с теми научно-фантастическими гипотезами, которые разрабатываются в этих произведениях. Автор первого рассказа — ученица 10-го класса из Нижнего Тагила О. Вдовина. Второй рассказ написал Свердловский девятиклассник А. Козлов. Эти рассказы иллюстрировал С. Киприн.

«Гелиос-1»

О. ВДОВИНА

Оранжевый шар висел в небе, точно приклеенный к нему. Он как-то странно колыбался, вытягиваясь то в одну, то в другую сторону. От шара исходило сильное сияние — даже больно было смотреть.

На улицах города было немногочисленно. Один за другим катились мимо сферобусы. Среди вечной зелени тут и там выглядывали дома из белого полупрозрачного камня, с плоскими крышами и огромными окнами. Резкие фиолетовые тени отбрасывали самшитовые кусты, подстриженные самым причудливым образом.

На дорожках парка было сравнительно прохладно. В тени шелестел фонтан. Его струи мягко переливались матовым светом. Где-то негромко раздавался мелодичный звон.

Она бродила долго-долго, вдыхая горьковатый запах миндаля. Посидела на скамье под магнолией. Потом вышла из парка и направилась к морю. Вот и широкие белые ступени набережной.

Она стояла над самой водой и всматривалась вдаль. Далеко, у самого горизонта, показались маленькое белое судно.

Огромный черный диск вдруг стал быстро

закрывать солнце. Побледнели яркие краски. Стемнело.

Приближалась короткая полярная ночь. Неоновые огни зажигались над городом...

Уже укладываясь спать, она почувствовала усталость от обилия сегодняшних впечатлений.

Необычное ощущение разбудило ее и сразу заставило зажмуриться. Оранжевое, с бордовым оттенком, солнце светило ей прямо в глаза. Она привычно поздоровалась с ним. Но потом что-то вспомнила и тихонько засмеялась. Это не то солнце, с которым она здоровалась каждое утро дома и которое считала своим другом.

— Ну и что же? — подумала она вслух. — Это тоже совсем как настоящее и ничем не хуже того.

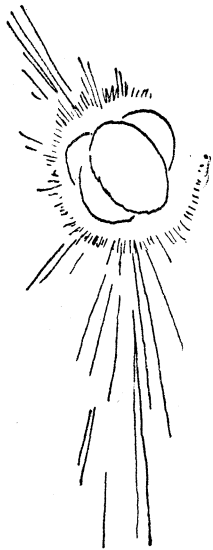
Она приветливо помахала ему рукой.

«Стрекоза» бесшумно поднялась со стартовой площадки и быстро полетела над городом. Сквозь прозрачный потолок и стенки кабины видно было голубое-голубое, без единого облачка небо.

Город скоро скрылся из виду. Вдали показались зеленые квадраты полей. Среди них возвышалось строение сферической формы. Совершенно белое, только с голубой полоской у основания.

Немного дальше, в стороне от полей, был опрокинут на землю другой такой же полушар желтого цвета. К нему-то и направилась сейчас «стрекоза». Она приземлилась на бетонированной площадке перед куполом Центрального управления.

Джеймс Канинг был видным ученым в области ядерной физики. Родился он в одном из крупных городов Северной Америки. В России получил образование. Потом сам руководил Научно - исследовательским институтом в Сибире.

Четыре года назад по направлению Международной Академии наук он приехал в тундру: здесь намечалось создание первого искусственного солнца. Оно было мечтой еще в конце XX века, сейчас эта мечта осуществилась.

Солнце было создано большой группой ученых, которую возглавлял русский физик Яновский. Вместе с Джеймсом в эту группу входили румын Раду Весбиану, чешский физик Власта Матейчикова.

Сейчас Раду и Власта улетели в Австралию. Другие товарищи в Сахаре. А Канинг остался здесь управлять новым солнцем...

Все это она узнала от самого ученого, пока он вел ее по лабораториям Центра. Вот Глав-

ный пульт управления. На его щитах мигали лампочки. Мириады зеленых, желтых, голубых и синих лампочек. За показаниями приборов следила девушка-техник.

— Восьмого сентября 2004 года наша автоматическая станция была запущена,— продолжал рассказывать Канинг.— К определенному объему водорода подвели энергию... Газ превратился в плазму... Принцип очень прост. Громадные трудности были при разработке управления реакцией, ее сдерживания... Наше микросолнце мы назвали «Гелиосом». Здесь, в тундре, действует первая его модель. В Гренландии сейчас готовится запуск «Гелиоса-2».

Ученые давно уже овладели силами гравитации. Используем их и мы. С помощью вот этой установки,— Канниг кивнул на приборы,— мы управляем «Гелиосом».

На несколько часов производится искусственное затемнение «Гелиоса».

— Разрешите задать вопрос, профессор?

— Да, да. Пожалуйста.

— Что же произойдет, когда будут «сожжены» все протоны?

— Конечно, со временем израсходуется все горючее, «Гелиос» потухнет. Но это произойдет нескоро. К тому времени человечество придумает более совершенное солнце.

На опытную станцию института она направилась пешком.

Перед зданием станции ее встретил крепкий высокий мужчина с седыми волосами; на вид ему можно было дать лет пятьдесят.

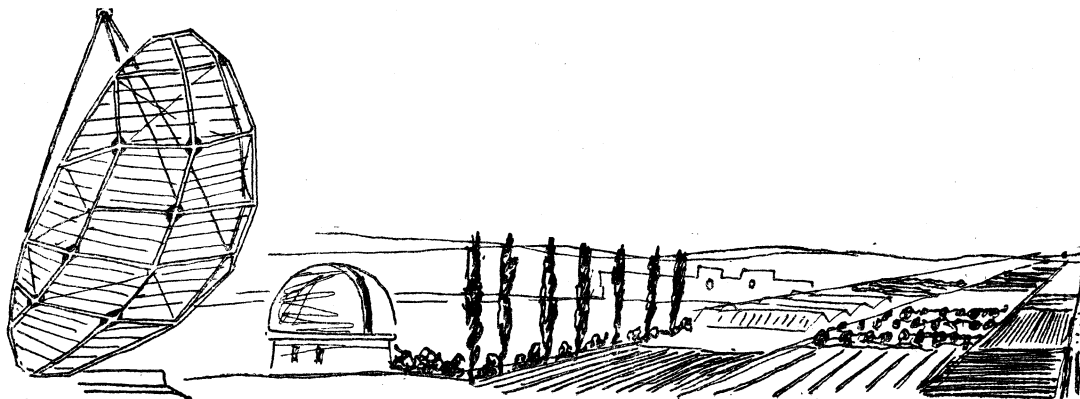
— Здравствуйте. Троянов, директор станции,— представился он.— А вы Дубова? Елена Дмитриевна?.. Вот и прекрасно. Я уже знаю о вас. Что же, давайте осмотрим ваши будущие владения.

Она засмеялась и кивнула.

— Вот это все земля, освобожденная «Гелиосом» от вечной мерзлоты,— он повел рукой вокруг себя.

Бесконечная равнина протянулась с запада на восток.

Сразу от здания станции начинались аллеи сада, обсаженные ровными рядами кипарисов. Вдали виднелись заросли бамбука и кактусов, пробковый дуб, мирты. Эти декоративные рас-

тения отправляются отсюда для украшения новых сибирских городов.

Огромное пространство занимали виноградники и чайные плантации. А новые сорта фруктов и ягод, выведенные здесь, местным совхозам для массового выращивания рассылаются.

Вот это была настоящая работа — ее давнишняя мечта. Конечно же, она состоится здесь. Растения, которые она вырастит своими руками, разойдутся во все уголки Земли...

Оранжевый шар «Гелиоса» стал вдруг быстро-быстро удаляться и вскоре почти скрылся за

облаками. Сквозь мутную пелену едва пробивались его лучи. Осенняя тундра тянулась до самого горизонта.

Она вздохнула и поежилась. Мечты. Воображение нарисовало заманчивую картину. Но это будет! Будет, и очень скоро!

Она смахнула с ресниц снежинки и оглянулась на своих спутников. Они о чем-то разговаривали и громко смеялись.

Оленья упряжка помчалась быстрее.

Порывисто взметнулась поземка и замела чахлый кустик какой-то травки...

Остров Пантонго

А. КОЗЛОВ

1.

К четырем часам утра Боб, весь грязный и злой, вылез из полузаопленного машинного отделения, стащил с головы водолазную маску и заявил, что пусть его сожрет акула, если он полезет еще хоть раз в эту дыру.

— Однако ты не очень воздержан в выражениях! — иронически обронил Мейснер.

Он стоял на покосившейся выпуклой крыше гондолы. Я находился на корме и старался приветить в порядок двухвесельную надувную лодку — у нее был пропорот один из резиновых отсеков.

Боб еще раз выругался и с грохотом сбросил баллоны.

— Табак дело! — пробормотал он в ответ на немой вопрос Мейснера. — Котлы разворотило, не стоит и чинить — утили! Двигатель излучает так, что и не сунешься... Уходить надо, ребята! — Решительно закончил он.

Я оторвался от работы.

— Уйти-то мы уйдем, а как быть с батискафом? Жалко бросать.

Боб удивленно вскинул брови.

— Смеешься? Тут впору ноги протянуть, а тебя жалость разобрала!

Он протопал к корме, оглядел результаты моих стараний, кивнул и принялся доставать из-за пазухи свернутую карту. Мейснер тем временем взял бинокль и начал осматривать видимую и невооруженным глазом полосу земли на горизонте.

— Допускаю, что этот островишко обитаем, ну и что из этого? — спросил он.

Я стукнул кулаком по заклеенной лодке и повернулся к Мейснеру.

— Слушай-ка, хватит ныть! Ты твердишь это со вчерашнего утра!

Мейснер пожал плечами.

— Не подумай чего-нибудь, Паоло! Я просто говорю, что корабли в эту часть Тихого океана заходят редко. Если мы прозеваем приход шхуны...

— Не прозеваем, — уверенно сказал Боб, внимательно разглядывая карту. — И островок что надо!

— Интересно, — опустил бинокль Мейснер, — что это за земля?

Боб ткнул в карту пальцем.

— Вот... остров Пантонго. Неплохо, а?

— Готово! — сказал я, вставая, и с удовольствием разогнул спину

Боб молча полез в люк.

— Что? Уже отплываем? — удивился Мейснер.

— А чего тянуть? — Боб задержался на секунду и скрылся в люке. Мейснер недоуменно поглядел на меня.

— Тянуть, конечно, нечего... — нерешительно начал он, замолчал и, крикнув, полез за Бобом.

Они вылезли, красные от натуги, выволокли ящики с провизией и канистры с водой. Все это сбросили в лодку, которую перед погрузкой спустили на воду.

Было уже часов десять, когда, взявшись за весла, мы двинулись к острову. Океан медленно катил волны, было жарко, и мы скинули одежду, оставшись в одних трусах.

Со стороны наш потерпевший крушение батискаф выглядел еще плачевнее. Корма его слегка поднималась вместе с гондолой над водой, носовую же часть не было видно совсем.

Неделю назад мы вышли из Сальвадора; гзгрузились на определенную глубину. Адское это дело — сидеть взаперти... Когда всплыли, увидели небо, солнце, то чуть с ума не сошли от радости. Потом... напоролись на риф, вернее, на мель. Не повезло... В самом неподходящем месте — мель! Реактор двигателя вышел из строя. Хорошо, что нас в этом квадрате должна была скоро встретить шхуна «Изумруд»! А пока, во избежание всяких случайностей, приходилось идти на надувной лодочке к Пантонго.

Мы гребли молча, ожесточенно, несмотря на зной. Боб нервно кусал губы — он был на нашей «Малютке» механиком и уже заранее предвкушал неприятности, которые выпадут на его долю. Что до меня, то я почти не расстраивался; как всякий глубоководник-испытатель, я давно привык ко всяким передрыгам. Случай с «Малюткой» не был единственным в моей практике, и будущие неприятности с руководством экспедиционного ведомства казались мне мелочью.

— Слушай, Боб! — неожиданно сказал Мейснер.

— Чего тебе?

Я повернулся. Мейснер, перестав грести, смотрел куда-то в волны. На лице его была странная растерянность.

— Боб, ты точно знаешь, как выглядит меч-рыба? — спросил он.

— Что?.. — Боб от неожиданности даже выпустил весло. — Чего это тебе взбрело в голову?

Но Мейснер вдруг приподнялся, разглядывая что-то в воде, метрах в десяти от нас.

— Я почему-то думаю, что это была меч-рыба! — сказал он.

Тут встревожился и Боб — он-то хорошо знал повадки меч-рыбы!

— Ты не ошибся?

— Я только что видел в воде силуэт... метров в пять... Тело вроде дельфиньего, удлинненное рыло...

— Интересно... — протянул Боб, вновь хватаясь за весло. — Знаете, ребята, надо шевелиться.

Мы лихорадочно заработали веслами, так как встреча с меч-рыбой не обещала ничего хорошего. Лодка продвигалась все быстрее и быстрее, и вскоре Пантонго весь уже был на виду. Открылась приветливая, тихая бухта с песчаным пляжем. Недалеко от нее, метрах в ста, начинался густой лес. Он стоял сплошной темно-зеленой стеной, нигде не было просвета.

— Причаливаем! — командовал я.

Лодка зашуршала по крупному песку. Я выпрыгнул, подбежал к ближайшему валуну, одному из немногих, лежавших на берегу, и стал наматывать на него трос. Следом за мной на берег лениво выбрался Мейснер, видимо, уже забывший о своей меч-рыбе. Он крикнул неумолимому Бобу, чтобы тот выгружал ящики, и побрел под тень деревьев: солнце окончательно его разморило — стоял полдень. Я было последовал за Мейснером, но он вдруг тихо ахнул и остановился, нагнувшись.

— Что там у тебя? — крикнул Боб, выбрасывая на песок последний тук.

— Глядите: чей-то след!..

2.

Я подошел раньше Боба и увидел на влажной земле необычайный отпечаток. Трехпалый след почти метровой длины. Он не был свежим, вода уже давно испарилась из выемки, образованной им, но мы сразу поняли, что являемся далеко не самыми крупными обитателями этого клочка суши.

— Да, «пигмей» тут был... — заметил Боб и почесал затылок. — Я не горю желанием с ним встретиться.

Мейснер криво усмехнулся.

— Что ж, винтовки придется держать на взводе. Эй, Паоло! У тебя еще, кажется, крупнокалиберный автомат?

Их тон, конечно, не обманул меня — слава богу, три года работали вместе, друг друга знали... Голос Мейснера предательски дрожал, лицо Боба побледнело, потом покрылось румянцем. Не скрою, струсил и я...

— Автомат, автоматом! — пробормотал я, не в силах оторвать глаз от следа. — Вот только годится ли он, да и все наше вооружение, против твари, что побывала здесь?

Мы помолчали. Вопрос был слишком важен. — Скверно! — произнес в раздумьи Боб. — Гигантская пичуга, очевидно?

Я качнул головой — след не имел ничего общего с птичьим, он больше походил на отпечаток лапы ящерицы. Так я и сказал.

Мейснер нервно расхохотался.

— Вот здорово! Да тут драконы живут!

— Все может быть! — развел я руками. — Но давайте-ка лучше укроем наш скудный скарб понадежнее. И отправимся на разведку.

— Вот это дело! — воскликнул Боб и первым пошел к лодке.

Никто из нас не высказал открыто своего страха, все старались спрятать его под маской веселости, легкого испуга.

Мы вырыли в песке яму и сложили туда ящики и канистры. Сверху прикрыли их брезентом и засыпали гравием. Потом занялись проверкой нашего оружия, которое состояло из двух карабинов, трех револьверов и одного короткорылового автомата. У Мейснера, к тому же, оказалась пара ручных гранат, которые он захватил «на всякий случай».

— Пушечку бы сюда... — вздохнул Боб.

— Ладно, — заявил я, набрасывая на плечо ремень автомата, — о пушке мечтать, кажется, рано, поскольку мы еще никого не видели.

— Увидим! — мрачно сказал Мейснер и взял свою винтовку. То же самое сделал и Боб.

— Пошли! — Я первым направился вдоль берега в обход джунглей. Боб и Мейснер последовали за мной, шумно переговариваясь. Но я их не слушал. Мысли были сосредоточены на странном животном, по размерам, очевидно, не уступавшем слону. Как ни скудны были мои познания в зоологии, я мог поклясться, что науке не были известны подобные твари. Что будет, если с ними придется встретиться? Дернуло же «Малютку» потерпеть крушение у этого проклятого острова! Выпутывайся теперь! Тыфу!...

Было уже часа три, когда мы наткнулись на новую загадку.

Это случилось на втором километре пути в том месте, где остров врзается в океан копьеобразным мысом, полным камней и ракушек. В прибрежных мокрых камнях сидели чайки и, громко ссорясь, склевывали какую-то живность с гравия. Боб, засмотревшись на них, вдруг глухо ойкнул и побежал к морю. Я и Мейснер остановились.

— Что это он? — с беспокойством спросил я.

— Ребята!... — вдруг не своим голосом закричал Боб. — Ребята! Сюда!..

Мы торопливо помчались, на ходу скидывали с плеч оружие. Подбежав к товарищу, я торопливо спросил:

— Что? Где?

— Смотри!

И я увидел...

Это были кости, настолько изломанные и раздавленные чем-то, что их первоначальную форму трудно было определить. Мейснер сначала скептически поджал губы, но потом склонился над находкой и пробормотал:

— Это человек...

Мы наклонились тоже и поняли, что он прав.

— Да, отделали его!.. — пробормотал Боб. — Кто же это потрудился?

— Ты не догадываешься? — сипло спросил Мейснер. Лицо его было бледно. — Это он!

— Кто? — глухо спросил Боб, будто не понял сразу.

Мы замолчали, подавленные и не на шутку встревоженные...

Я уже собирался отдать приказ следовать дальше, когда со стороны джунглей послышался крик. Резкий, громкий, эхом отдававшийся по окрестностям, он в одну секунду переполошил всех птиц на ветвях, а нас заставил окаменеть.

«Вау, вау!...» — пронесся вопль.

И смолк. Смолк так же неожиданно, как и возник. Мы долго стояли, держа оружие наготове и вглядываясь в заросли, ставшие сразу угрожающими и таинственными.

— Он,— выговорил, наконец, Мейснер.

Мы ничего не ответили.

Прошло еще минут десять. Сердца перестали бешено колотиться, и мы, не опуская оружия, гуськом двинулись дальше вдоль берега.

Минуло еще некоторое время. Мы обошли песчаную косу, и тут Боб, шедший впереди, вскрикнул:

— Хижина!... Нет, дом!

Действительно, на песчаной полосе берега, между широким океаном и лесом, стоял одноэтажный дом. Вокруг него высилась ограда, довольно грозного вида, поскольку была сделана из частого вышестоящего метра в два и опутана вьющимся колючим кустарником.

— Ого! — тихо сказал я и направился к дому, держа палец на спуске.

Мы обошли частокол, но никаких признаков ворот или другого хода не обнаружили. И тут я увидел лестницу, лежавшую у ограды и вполне достаточную, чтобы перелезть через забор.

3.

В маленьком очаге потрескивали дрова, на стенах комнаты плясали тени... Мы уже довольно долго сидели здесь, хмуро переговариваясь. Оружие держали под руками.

— Пока был день, мы еще находились в некоторой безопасности,— говорил Боб, ставя ударение на каждом слове.— Но уже темнеет, и что будет ночью — не знаю...

Да, все принимало какой-то загадочный и страшный для нас оборот. Когда мы, приставив к частоколу лестницу, спрыгнули внутрь, на широкий покрытый зеленой травой двор, ничего не случилось. Никто в доме не зашумел, только стайка мелких птиц взлетела с крыши. Двор был обширен — несколько глухих низких сараев, колодец с воротом, дрова у забора. Дверь в доме была закрыта. После долгих поисков мы нашли под крышей ключ.

Легкий налет пыли на вещах указывал, что хозяин дома отлучился давно. В углу помещения, в которое мы попали, стояла печь с тахтой возле нее. Посередине — стол, направо — подобие буфета. Над тахтой висела карта архипелага.

Соседняя комната оказалась лабораторией — несколько микроскопов, рабочий стол, заваленный книгами и бумагами. В одном из углов стояла этажерка с банками, в которых были заспиртованы различные пресмыкающиеся: жабы, змеи и даже крокодилчик. Кругом шкафы с препаратами, книги, бумаги, на стенах схемы и графики.

Когда стемнело, мы вернулись в «гостиную», наглухо закрыли дверь и, усевшись перед растопленным очагом, принялись обсуждать свое положение. Собственно, разглагольствовал один Боб. Я слушал, а Мейснер листал бумаги, которые прихватил со стола в лаборатории.

— Что же ты предлагаешь? — не выдержал я.

— Надо установить дежурство. Через каждые три часа сменяться.

— М-мда!... — неопределенно протянул я. — Что надо дежурить — это несомненно. Но меня интересует, как выскажутся хозяева дома насчет нашего присутствия?

Боб стукнул себя ладонями по коленам и откинулся на стуле.

— Это смешно! — сказал он убежденно. — Что случилось со здешними хозяевами, я не знаю. Но они исчезли, это факт!

Он почесал затылок, потом нагнулся, взял поленья и подбросил в очаг. Огонь весело затрещал.

— Знаешь, я почему-то связываю их исчезновение с этими дьяволами в джунглях.

Я нахмурился и сказал, что думаю тоже так.

— Слушай, Боб, а ты представляешь себе, что такое гигантский зверь?

Он пожал плечами.

— Ну, слон хотя бы...

Я присвистнул.

— А ты имеешь представление о китах, кашалотах, спрутах?

— Имею, сам видел.

— Так вот... Знаешь, когда я спускался на «Чискаре» в океаническую впадину Бугенвиль... это между Соломоновыми островами и Новой Гвинеей, то видел в тамошних скалах такого краба, что мой помощник прямо в ужас пришел. Крабище было метров этак пятнадцать... Удивлен? Слава богу он не обратил на нас внимания, а то не знаю, что было бы... Или вот на батискафе «АР-99»... Там я один был. На глубине метров в двадцать на меня наскочил кальмар. Экая bestия! Величиной с доброго кашалота. Удивлен?

Боб усмехнулся.

— Что же! Здорово придумано. Но ручаюсь, что кальмары в этих лесах не обитают.

— Я тоже ручаюсь,— сказал вдруг позади Мейснер.

Его слова были резки и неожиданны — ведь он все время хранил молчание. Мы сразу обернулись. Мейснер поднялся со стула, лицо его было бледно, правая рука сжимала мятые листы бумаги.

— Я кое-что узнал, ребята! — глухим голосом сказал он.

— Что именно? — осведомился Боб. — Конкретнее!...

— Обо всем этом! — Мейснер обвел рукой комнату с бегающими тенями на стенах.

— Как?! — воскликнул Боб, вскакивая. — И даже о лесных дьяволах?..

— Да... И о них.

— Так... — Боб запнулся. — Что же... что ты тогда молчишь?

— Не кричи! — осадил его Мейснер. — Сядь! После паузы он потряс перед нами бумагами.

— Это — дневник одного из здешних хозяев... Бывших. Ясно? Я обнаружил его на столе и сразу обратил внимание.

— И тут все написано? — с ужасом спросил я.

— Даже о том, что творится в лесу? — перебил Боб. — О тамошних гадах?

— Да. Именно о них. Эти твари связаны со всем... всем этим домом.

— Этим домом... — машинально повторил Боб.

— Рассказывай, что же ты? — сказал я.

Мейснер поджал губы.

— Что ж... рассказ тут небольшой. Начало записей совпадает с прибытием их на остров. Их было четверо — биологи и один биохимик. Они решили проверить какие-то процессы в костях ископаемого животного — толком я пока ничего в этом не понимаю. Они привезли с собой на

пароходе четырнадцать скелетов доисторических гадов. Каких-то динозавров...

— Динозавров! — вскрикнул я, роясь в своих скудных знаниях по палеонтологии. У меня шевельнулась смутная догадка.

— Да, ящеров. Скелеты эти переправили на остров с величайшей осторожностью и поместили под огромным брезентовым покрывалом вне двора...

— А как же эти, в лесу?.. — спросил Боб. — Они им не мешали?

— Тогда «этих» не было! Слушай и молчи. В общем, пароход ушел, а ученые стали к скелетам подключать всякие биометры, и... черт знает, как еще эти приборы называются. Прошел год, и им удалось добиться того, что скелеты (а они были совершенно целы) начали обрастать мышцами... Да, да! — горячо продолжал Мейснер, заметив на наших лицах несказанное удивление. — Они... эти ученые поставили гениальный опыт! Еще на материке, в Бразилии, они освоили синтез живого белка. Сначала выращивались простейшие. Затем, после двух лет работы, амеба. Самая настоящая амеба! А дальше пошло! Завершающим этапом их работы было создание живой мышечной системы. С помощью палеонтологов были найдены скелеты динозавров. А работы над ними перенесли сюда, на остров... Вот я вам прочитаю, — Мейснер придвинулся поближе к огню. — «В каком бы состоянии организм ни находился, частица жизни навсегда сохранится в нем... Мертвый организм — это еще не конечная стадия существования, в нем всегда присутствует, теплится эта искорка жизни, словно неверное пламя в пепле костра, способная снова вызвать буйный разгул сил, если ее раздуют умелым способом. Значит, основное — найти такие вещества, которые способны раздуть искру, создать условия, способные поддержать горение пламени, именуемое жизнью... Мы решили эту задачу. Мы нашли вещества, которые были необходимы. Мы оборудовали около своей станции на Пантонго органические ванны, в которых будут оживать доисторические чудовища!.. Но за счет чего произойдет этот процесс? Кальций! Именно кальций, навсегда сохранившийся в костях ящеров, сыграет здесь главную роль. Он послужит только катализатором в реакциях, происходящих в ваннах, сам не вступая в эти реакции... А в результате — мышцы, живые белковые соединения!..»

— А ванны?! — прервал я Мейснера. — Тут говорится о каких-то ваннах, в которых оживали динозавры!.. Где они? Почему мы их не видели?

— Скорее всего, их засыпали сразу, как только эти гады встали на ноги... Иного объяснения я не вижу, — ответил Мейснер, пожав плечами.

— Здорово все-таки! — восхитился Боб. — Но почему же на материках люди ничего не знали об этом?

— Просто эти воссоздатели ящеров даже не собирались сообщать о своих делах... — хриплым голосом сказал Мейснер. — Понимаете? Деньги! Рекламал Сенсация!.. Да разве хотели они делиться этим с кем-нибудь?.. На родине, в Бразилии, для них было слишком тесно. Да и пресса, которая всюду сует свой нос... Эти ученые хотели вначале оживить человека, какого-нибудь несчастного, но потом передумали:

ведь доисторические гады — это похлеще! Корооче говоря, решено было проводить опыты на острове, подальше от морских путей, шумных городов, суетливых газетчиков... И вот что получилось! С того момента, как чудовища ожили, все пошло кувырком. На Пантонго не было животного крупнее диких свиней, Хищников тут вообще не существовало. Но они стали существовать. Из скелетов были созданы три... ээ... игуанодона, десять тираннозавров и один водяной ящер — ихтиозавр...

— Значит, ты его и видел, когда мыплы сюда в лодках? — спросил Боб.

— Его! — убежденно ответил Мейснер. — Именно его... Все ящеры ушли в лес, а ихтиозавр с того момента, как вступили в действие жабры, находится в океане. Один из тираннозавров напал на дом и убил двух своих создателей. Третий еще раньше ушел в лес и не вернулся... В живых оставались биохимик и несколько рабочих, негров. Рабочие начали строить плот, чтобы уйти с острова. Биохимик пытался прятаться, но его ранили в грудь. Он еле притащился сюда, чтобы записать, что идет умирать на берег моря. Последняя запись была сделана 15-го июля, почти месяц назад...

— Значит... — голос у меня прерывался, — значит, скелет у моря — это один из этих безумцев?

Мейснер молча кивнул.

4.

Я увидел «его» сразу, как только достиг песчаной косы, где были закопаны наши вещи. Руки жгали автомат.

Раннее утро на острове, волны, с тихим журчанием выкатывающиеся на песок, край солнца на горизонте, которым был океан, — все это мгновенно исчезло. Осталось только чудовище, стоявшее у берега.

Ящер был совершенно неподвижен. Он опирался на мощные задние лапы и хвост. Слабые лапки — на груди. Массивная голова с ужасной пастью смотрела в сторону заходящей луны, которая выглядела на западной части неба узким бледным серпом.

Я медленно, стараясь производить как можно меньше шума, стал отступать. И лишь когда за спиной сомкнулись ветви кустарника, вся энергия ушла в ноги... Как я бежал! Господи, вот это была гонка! Усталость дала себя почувствовать лишь тогда, когда чудовище от меня отделял почти километр.

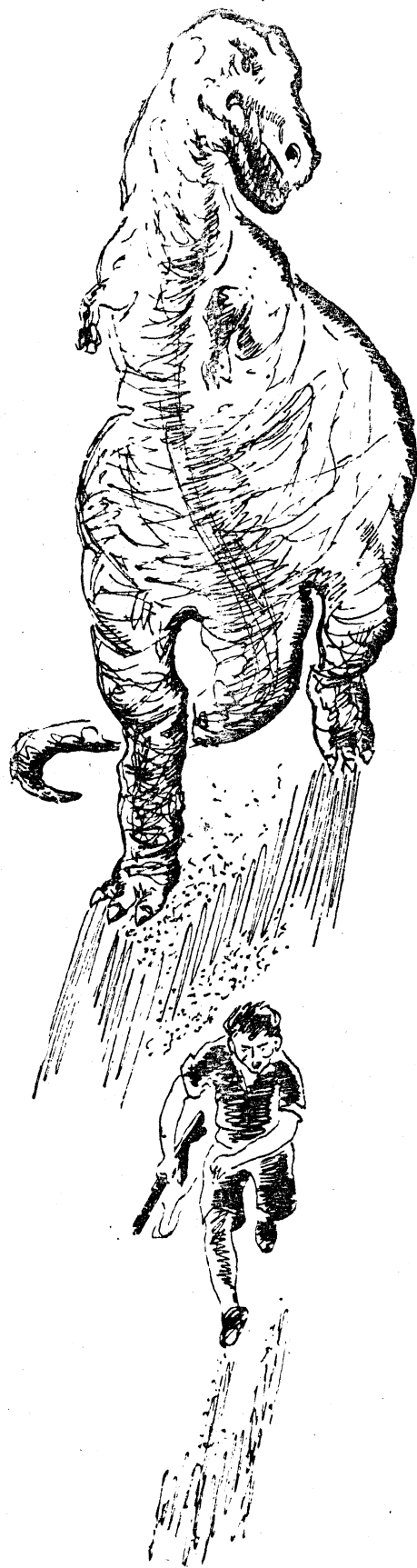
Ноги подкосились, и я упал на траву. Сердце бешено колотилось. Но скоро это прошло.

Я встал и вяло пошел к дому, который уже был виден на фоне песчаного холма. Там ждали Боб и Мейснер, готовящие ужин. Они хотели, чтобы я принес консервы, но увя... Проклятый тираннозавр!

От частокола меня отделяло метров двадцать, когда над ним появилась голова Боба. Он хотел осведомиться, почему я пришел так быстро, но его лицо вдруг исказилось страхом. Он раскрыл рот, видимо, желая что-то крикнуть, но вместо этого сбросил с плеча винтовку и направил ее в мою сторону. Я попятился.

— Эй, эй!.. Брось дурить!

— Сзади! — вскрикнул Боб и выстрелил. Пуля с жужжанием пронеслась мимо, я втянул голову в плечи, но тут яростный рев сзади,

напоминающий звук сирены, поноволо заставил меня обернуться.

Метрах в двадцати от меня стоял тираннозавр и рвел, мотая головой: пуля угодила ему в шюю.

Я, словно птица, взлетел по лестнице на забор и прыгнул, срывая с плеча ремень автомата. А навстречу из дома уже бежал Мейснер с гранатой в одной руке и с винтовкой в другой.

Боб рванул затвор — на землю упала дымящаяся гильза — и выстрелил вторично. Я бросился к щели между бревнами и высунул в нее ствол своего автомата. Ящер на опушке сделал шаг вперед, но тут оба моих друга выстрелили одновременно, и новый вопль подтвердил, что обе пули не пропали даром. Чудовище нагнуло голову, подставив свой широкий череп, и тут начал действовать я. Очередь из крупнокалиберного оружия полоснула гадину поперек брюха, кровь брызнула, и тираннозавр был вынужден отступить на два шага, каждый из которых равнялся метрам трем.

Беспрерывные очереди и стрельба из двух винтовок сделали свое дело — животное, страшно завывая, отступило к лесу. И тут в автомате кончились патроны.

Я нажал на гашетку, но ни одного выстрела не последовало.

Щелкали лишь беспрерывные выстрелы винтовок: у моих товарищей обоймами были набиты карманы.

— Стреляй!.. — заорал мне Боб, послав очередную пулю и дергая затвор. — Он уже приходит в себя!

В самом деле, не чувствуя обычного напора, чудовище выступило из-за деревьев и, злобно вой, заковыляло к дому.

— Стреляй же, черт!..

— Но у меня нет запасного магазиника! Они в мешке на диване!..

— Да беги же, возьми! Ах, дьявол!

Ящер сделал гигантский прыжок. Я ринулся к открытой настежь двери дома. Но тут чудовище обрушилось на частокол. Бревна затрещали. Что-то рухнуло. Тугая волна взрыва швырнула меня на землю...

Приподнявшись, я увидел, что часть бревен частокола сломлена и разбита, а тираннозавр бьется в агонии. Боб и Мейснер лежали в стороне, прикрыв головы руками и не шевелясь. Их винтовки валялись рядом.

Я быстро подбежал, схватил одну из них и, целясь, выпустил пулю. Но она была уже лишней — ящер вытянулся, скрючив на окровавленной груди передние лапы.

«Ура!» — пронеслось в голове, но вслух я сказал:

— Боб!..

— Что? — отозвался тот, вставая и отряхиваясь.

Я не ответил, подошел к Мейснеру, продолжавшему лежать на земле, и тронул его за плечо. Он даже не шевельнулся. Тогда я перевернул вялое тело на спину и приложил руку к сердцу: оно билось, хотя и слабо.

— Здорово его! — буркнул Боб, подходя. — Эта bestия прыгнула — я на землю, а он — р-раз, гранатой чуть ли не себе под ноги! Давай отнесем его в дом.

Мы подняли Мейснера на руки и бережно отнесли в «гостиную» на диван. Там он очнулся.

— Воды... пить...

Боб сбежал к колодцу и принес ковшик. Обливая подбородок и одежду, он выпил.

— А теперь... грудь и спина...

Мы с трудом стащили с него одежду. Но раны оказались не опасными, хотя и мучительными. Мейснер стонал и ругался, пока мы извлекали три осколка.

— Ну,— бормотал Боб сквозь зубы,— ты, парень, видимо, в сорочке родился. Повезло тебе, здорово даже повезло.

— А эта гадина... убита?

— Ага, прямо в ключья ты ее двинул.

Мейснер со стоном приподнялся на локте. Из горла его вырвалось хрипло:

— А если придут другие?..

— Не придут! — уверенно сказал я, делая повязки из стерильной марли. — Труп этого гада наверняка заставит остальных держаться подалеже отсюда.

Мейснер улыбнулся и закрыл глаза.

— Пусть спит,— шепотом сказал я. — А мы пойдем во двор...

Мы вышли, сели на крыльцо и закурили, с отвращением разглядывая мертвого тираннозавра.

— Интересно,— морщась, сказал Боб. —

Сколько же их ещё тут осталось? Если один убит...

— Не знаю. В записях говорилось о десяти, значит, девять...

— А я думаю, что меньше.

— Почему? — Я с удивлением посмотрел на Боба.

— Им наверняка нечего жрать тут,— ответил он. — И, кажется, более сильный хищник должен убивать того, что слабее... На то они и хищники. Может быть, этот даже был последним.

— А ихтиозавр? — напомнил я.

— Он когда-нибудь отживет свой век. Он ведь один.

Мы помолчали, затягиваясь дымом.

— И все-таки нашему Мейснеру здорово повезло! — сказал Боб, вставая с крыльца. — Тем более, что завтра утром придет шхуна... Знаешь,— вдруг сказал и хлопнул он меня по плечу,— пойдем, посмотрим на «Малютку!» Согласен?

— Не боишься? — удивился я.

— Почему же не боюсь? — Он пожал плечами. — Но не сидеть же без дела! Надо лишь запасные магазины взять на винтовку... Да и гранату, которая еще у Мейснера осталась.

Книжная полка следопыта

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

У журнала «Уральский следопыт» появился младший брат — «Следопыт Средней Азии». Это ежегодный альманах, адресованный любознательным, тем, кого «манят таинственные дали, белые пятна на карте нашего края, удивительные явления природы».

Много интересного узнаете вы, если прочитаете первую книгу. Она рассказывает об огромных преобразованиях природы Средней Азии, о покорении Голодной степи, о новых реках, прорезающих пустыню, о нефтяных вышках, дающих жизнь новым городам среди непроходимых барханов и солончаков. Вы узнаете о смелых экспедициях ученых, о богатствах заповедника «Тигровая балка», об интереснейших раскопках археологов, о единственных в мире серебряных лесах, о редких растениях...

Вы встретитесь на страницах альманаха с участниками подавления белогардейского мятежа в Семиречье, среди которых был Дмитрий Фурманов. Их разыскали следопыты по случайно принесенной в редакцию фотографии. Вы читаете о бесстрашных охотниках за ядовитыми змеями. О мужественных ловцах барсов, этих красивых хищников. И о ловцах растений, как называют себя люди, добывающие эфедру для изготовления лекарств. Растет она отдельными кустами на горных склонах Тянь-Шаня. К ней может добраться только очень смелый человек с хорошими альпинистскими навыками.

А знаете ли вы, что в Туркмении всего четыре березки: одна — в самом пекле Каракумов и три... на этюде Рериха в краеведческом музее Ашхабада. И в этом же городе строят всякие дома, или, как их называют инженеры, дома-«мятники», которым не страшны землетрясения.

«Следопыт Средней Азии» воспитывает любовь к родному краю, к нашей Родине. Книга звет юного читателя в трудный путь первооткрывательства, преобразования природы.

«Уральский следопыт» от всего сердца приветствует своего собрата.

Е. КОНСТАНТИНОВА

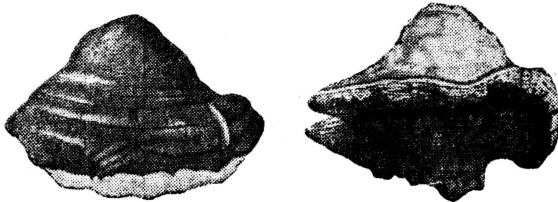
КОЛЛЕКЦИОНИРУЙТЕ ТРУТОВИКИ!

В НОМЕРЕ:

Кроме известных всем маслят, лисичек, груздей, в лесу, на растущих и валежных деревьях, на земле и в траве можно увидеть много других красивых, причудливых, но бесполезных и даже вредных грибов. Например, на березе, осине, ольхе вы встретите серый, копытообразный, с concentрическими полосами на шляпке так называемый «настоящий трутовик».

А знаете ли вы, как быстро растут грибы и как долго они живут? Известно, что многие съедобные в теплую влажную погоду вырастают за сутки и даже быстрее. Но живут очень недолго: их быстро поражают насекомые и их личинки. Зато трутовики — грибы многолетние. Если разрезать один из них поперек, можно определить возраст: каждый год у него нарастает новый слой трубочек, где созревают споры для размножения.

Собрат «настоящего трутовика» более темный, с коричневой полосой по краю шляпки. Называют его «ложный трутовик». Он тоже живет на осине, березе, иве, тополе, ольхе и наносит большой вред лесному хозяйству: портит древесину.

На хвойных породах (ели, пихте, лиственнице) в наших лесах встречается подушковидный, рыжеватый, блестящий, с оранжево-красной каймой по краю шляпки гриб — «окаймленный трутовик».

И таких видов очень много. Из них можно составить целую коллекцию.

Нужно снять с дерева плодовое тело гриба (если он слишком большой, то сделать поперечный срез в 1,5–2 сантиметра толщиной), высушить на солнышке или негорячей плите, написать на этикетке название, где, на чем рос, когда найден, и прикрепить к листу картона.

Такие коллекции нужны для того, чтобы лучше распознавать вредные грибы. Помните, что когда вы срываете различных трутовиков, то уничтожаете очаг заболевания и спасаете дерево от разрушения. Кроме того, острый, наблюдательный глаз следопыта может открыть новые, не известные еще виды древесных грибов.

Если у вас возникнут какие-то вопросы, затруднения, обращайтесь в Институт биологии Уральского филиала Академии наук СССР, в лабораторию ботаники. Можете посмотреть книгу А. Ф. Бондарцева «Трутовые грибы Европейской части СССР и Кавказа».

А. СИРКО,
научный сотрудник Института биологии

ВСАДНИКИ С КРАСНЫМИ ЛЕНТАМИ. С. Сенокосов. Документальный рассказ	1
В. И. ЛЕНИН О РАЗГРОМЕ КОЛЧАКА НА УРАЛЕ	5
ПАРОВОЗ ПРОТИВ БРОНЕПОЕЗДА. П. Попов.	5
ВИНТОВОЧКА № 500 000. О. Чистовский. Очерк	6
РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ. С. Неустроев	9
В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ.	9
ПОДВОДНЫЕ СТРОИТЕЛИ. Я. Резник. Очерк.	10
СОРОК ЛЕТ НАЗАД. М. Решетников	13
УДИВИТЕЛЬНЫЕ МИКРОЭЛЕМЕНТЫ. В. Рочев, кандидат сельскохозяйственных наук	14
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	16
СОЛНЫШКО В БЕРЕЗАХ. Н. Никонов. Из книг, го- ворящихся к печати	17
ПОЧЕТНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ ОРЕНБУРГА. В. Альтов	27
ВО ВСЕ КОНЦЫ КРАЯ. Третий Уральский слет	28
ИМЕЕТ ЛИ ЗВОН ВЕС, А ЗАПАХ ПИТАТЕЛЬ- НОСТЬ? К. Саксеев, А. Максимов	30
БУЗУЛУК — ПРАГА. В. Пролеткин	31
ЧЕЛОВЕК ИДЕТ К ЦЕЛИ. Л. Бернштейн. Записки инженера	32
НОВЫЕ СТИХИ. Лев Сорокин	43
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	44
ВЕРТОЛЕТ БЕРЕТ ОДНОГО. В. Стариков. Повесть. Продолжение.	46
СЛОВО НАШИМ ЮНЫМ АВТОРАМ. Конкурс науч- ной фантастики.	
«ГЕЛИОС-1». О. Вдовина.	71
ОСТРОВ ПАНТОНГО. А. Козлов	73
СЧАСТЛИВОГО ПУТИ! Е. Константинова. Книжная полка.	79
КОЛЛЕКЦИОНИРУЙТЕ ТРУТОВИКИ! А. Сирко	80

Обложка В. Бубенщикова.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН,
С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВ-
ЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного
редактора), Г. ТРИФОНОВ, Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
Г. Стороженоко

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 29/VI 1964 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—3,61 печ. л.—10,95 уч.-над. л.
НС 29571. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 368.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

Старые плакаты, открытки... Как много могут рассказать они нам о событиях давних дней.

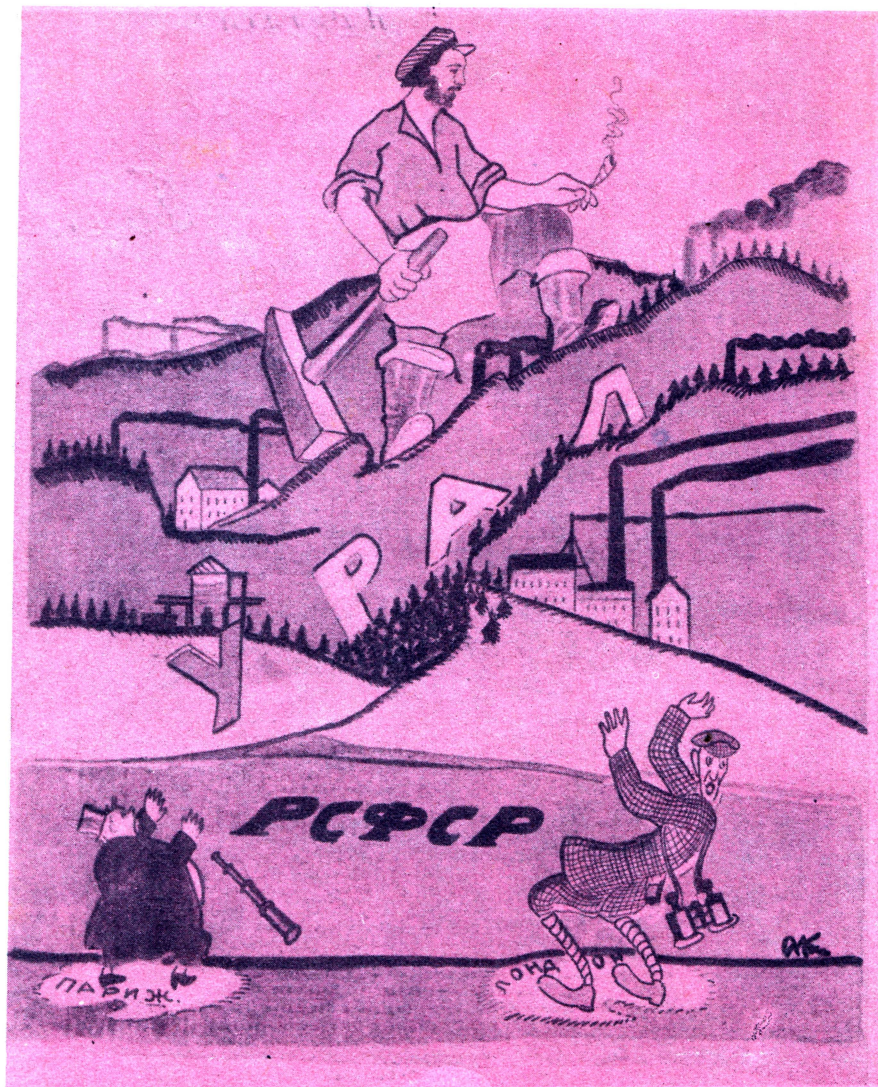
Вот открытка, выпущенная более сорока лет назад тогда еще в буржуазной Чехословакии. На ней изображен приезд в Екатеринбург (так до ноября 1924 года назывался Свердловск), занятый иностранными интервентами и белогвардейцами, французского генерала Жанена.

Формально главой белых армий на востоке России считался адмирал Колчак, но все свои действия он обязан был согласовывать с командующим войсками интервентов генералом Жаненом и руководителем снабжения колчаковских армий оружием и другими военными материалами английским генералом Ноксом.

— Благородная Англия и прекрасная Франция дружески протянули нам свои руки братской помощи... — признавался сам Колчак.

Однако мы хорошо знаем цену того „благородства“ и той „братской помощи“: экономический грабёж и установленный на захваченной территории режим кнута и виселицы.

Но почему эта открытка издана за рубежом? Видимо, ее автор был в составе белочешского корпуса, действовавшего на стороне белогвардейцев, и зарисовал, как встречают колчаковцы своего хозяина... Открытку поспешили издать в подтверждение того, что интервенты прочно обосновались в России.

Но прошло совсем немного времени, и летом 1919 года и Жанен, и Нокс, и Колчак вместе со всей своей сворой были навсегда выброшены с Урала. Освобожденному Уралу и посвящен плакат другого, на этот раз советского художника.

Этот плакат был опубликован вскоре после окончания гражданской войны в екатеринбургском журнале „Товарищ Терентий“.

Может, кто-нибудь из уральцев старшего поколения вспомнит и назовет нам фамилию автора плаката?

30 коп.

73413

88